

АВГУСТ | 2023

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

КУСТАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Как о русских промыслах
узнал весь мир

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

ИНТЕРВЬЮ

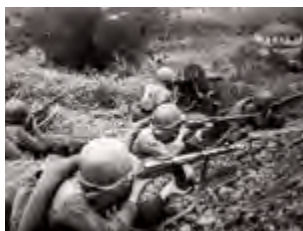

04 «Здравствуй, Дерсу!»

12 Поэзия пошатнувшегося мира

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

20 Железное кольцо Сталинграда

ИСТОРИЯ

28 Каперский патент

34 Тайная миссия Ораса Верне

НАСЛЕДИЕ

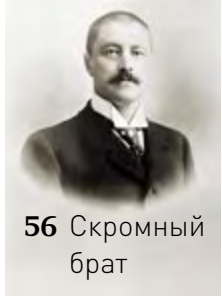

40 Резиденция трех императриц

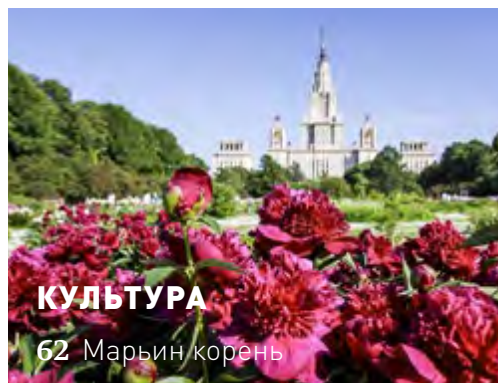

50 Андрей + Муся

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

56 Скромный брат

62 Марьин корень

МУЗЕИ

70 История одного поселка

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

78 В Китай-город рекой

ПУТЕШЕСТВИЕ

86 «Мы были такие, как вы...»

Председатель правления
фонда «Русский мир»

Вячеслав НИКОНОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Николай АНДРЕЕВ
Александр БУРЫЙ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Михаил ДРОЗДОВ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Зоя МОЗАЛЁВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Наталья ТАНЬШИНА
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический
центр «Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68

Сайт журнала:
<https://rusmir.media>

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжелы БУШУЕВОЙ

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.

Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.

Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.

Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.

Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.

Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОРОВИН Ю.М.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

КОРТАВА Т.В.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ТАРАСОВ С.В.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

ШЕВЦОВ П.А.

Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ТОЛСТОЙ В.И.

Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда

**АНТОНИЙ
(СЕВРЮК А.Ю.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

БУГАЕВ А.В.

Первый заместитель министра просвещения Российской Федерации

ВАРЛАМОВ А.Н.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.

Президент Российской академии образования

ВЕРШИНИН С.В.

Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

КРОПАЧЕВ Н.М.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

МАСЛОВ И.В.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент Фонда изучения исторической перспективы

НЕВЕРОВ И.С.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ПРИМАКОВ Е.А.

Руководитель Россотрудничества

САДОВНИЧИЙ В.А.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

СИМОНЬЯН М.С.

Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»

ТОРКУНОВ А.В.

Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФИЛАТОВ А.Е.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству

«ЗДРАВСТВУЙ, ДЕРСУ!»

БЕСЕДОВАЛ

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ПРОЧИТАВ ДИЛОГИЮ ВЛАДИМИРА АРСЕНЬЕВА «В ДЕБРЯХ УССУРИЙСКОГО КРАЯ», МИХАИЛ ПРИШВИН ОТПРАВИЛ ЕЕ МАКСИМУ ГОРЬКОМУ В СОРРЕНТО, СНАБДИВ КНИГУ ПРИПИСКОЙ, ЧТО ОНА «СТАНЕТ НА ПОЛКИ ВСЕХ НАШИХ БИБЛИОТЕК И ВОСПИТАЕТ ЮНОШЕСТВО ЛУЧШЕ, ЧЕМ М. РИД». АВТОРУ ЖЕ ОН НАПИСАЛ: «ПОЛЬЗУЮСЬ СЛУЧАЕМ ВЫРАЗИТЬ ВАМ УДИВЛЕНИЕ И ВОСХИЩЕНИЕ ВАШИМ ТРУДОМ...» ДЕРСУ УЗАЛА – СКВОЗНОЙ ГЕРОЙ ДИЛОГИИ – ПОРАЗИЛ ПРИШВИНА. И НЕ ТОЛЬКО ЕГО. ГОЛЬД-ПРОВОДНИК С ЧИСТОЙ ДУШОЙ РЕБЕНКА ЗАВОЕВАЛ СЕРДЦА ЧИТАТЕЛЕЙ И В XX, И В XXI ВЕКЕ. О РЕАЛЬНОМ ДЕРСУ УЗАЛА И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОМ ОБРАЗЕ ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ ПИСАТЕЛЬ, ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, АВТОР ИССЛЕДОВАНИЯ «ПО СЛЕДАМ ДЕРСУ УЗАЛА. ТРОПАМИ УССУРИЙСКОГО КРАЯ» АЛЕКСЕЙ КОРОВАШКО.

— **А**ЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ, Повесть «Дерсу Узала» увидела свет в 1923 году. То есть персонаж книги Владимира Арсеньева отметил уже столетний юбилей.

– Все не так просто. Вопрос в том, какой год считать «рождением» литературного образа Дерсу. То ли 1921-й, когда вышла первая часть дилогии – «По Уссурийскому краю», в которой Арсеньев знакомит читателя с легендарным гольдом. То ли 1923 год, когда была опубликована повесть «Дерсу Узала», где проводник становится главным героем. А может, 1917-й, когда Арсеньев, вероятно, уже написал обе части уссурийской дилогии, но из-за революционных событий не мог их издать? Так что получается, что у Дерсу плавающая дата рождения. Как бы то ни было, из персонажа повести «По Уссурийскому краю» Дерсу превратился в главного героя второй книги, носящей его имя. Любопытно, что в первом издании «По Уссурийскому краю» на обложке под названием книги в скобках мел-

ким шрифтом было набрано «Дерсу-Узала». Именно с дефисом. Видимо, Арсеньев уже тогда держал в уме образ Дерсу как конструктивный принцип всей дилогии в целом. Таким образом, уже в начале работы над повестями Арсеньев понимал, что Дерсу не только перерастет весь ее этнографический и географический материал, но и станет художественно-смысловой доминантой всего повествования.

С Дерсу связано немало загадок и ложных стереотипов. Например, сложилась традиция произносить имя Дерсу и фамилию Узала с ударением на последний слог. В действительности арсеньевского героя звали Дэрчу Очжал, при этом возможны варианты – Одзял или Оджал. Примечательно, что выдающийся лингвист Александр Реформатский, общавшийся с Арсеньевым, когда тот приезжал в Москву, говорил, что Владимир Клавдиевич называл своего героя «по-книжному» – Дерсу Узала, но с ударением на первом слоге в имени и на втором – в фамилии.

Вообще, о биографии реального Дерсу мы знаем очень мало. Точная дата его рождения неизвестна. Обстоятельства его гибели в районе железнодорожной станции Корфовская окутаны тайной...

– *Насколько реальный Дерсу Узала отличался от своего литературного персонажа?*

– Еще Михаил Пришвин говорил, что Арсеньев – это и есть Дерсу. В каком-то смысле перед нами своеобразная проекция автором лучших своих черт, мыслей и мечтаний на своего героя. Я тоже полагаю, что в знаменитом таежном проводнике-следопыте мы видим перевоплощение Арсеньева. Не было бы Арсеньева, не было бы того Дерсу, образом которого автор так пленил читателей. Но показательно, что тот же реальный Дерсу Узала, о котором писал другой участник экспедиции Арсеньева – студент Петр Бордаков, не обрел статуса культовой фигуры. Книга Бордакова не получила признания читателей, хотя она публиковалась частями в довольно популярном дореволюционном

журнале «Юная Россия». Причем произошло это за семь лет до появления повести «По Уссурийскому краю»! Но Бордакова сейчас вспоминают, как правило, только тогда, когда обращаются к наследию Арсеньева...

Надо сказать, литературоведы давно отмечали несовпадения между тем, что писал о Дерсу Бордаков, и образом, получившимся у Арсеньева. Книга Игоря Кузьмичева «Писатель Арсеньев», изданная еще в советское время, тоже констатировала несовпадение реального Дерсу и Дерсу-персонажа. Причем по текстам Бордакова видно, что это автор чрезвычайно добросовестный, дорожащий фактографичностью. А путевые дневники Арсеньева показывают, что Владимир Клавдиевич начинал обработку сырого материала буквально сразу, сидя у костра, после очередного перехода. Он подправлял записанное накануне, шлифовал свои записи с явно художественной целью. Безусловно, уже тогда Арсеньев думал о создании беллетристической книги о своих путешествиях. Кроме того, не стоит

ТАЛАНТЛИВЫЙ САМОУЧКА

Владимир Клавдиевич Арсеньев родился в Санкт-Петербурге 29 августа 1872 года в семье служащего Николаевской железной дороги. Владимир с детства обожал приключенческие романы, зачитывался описаниями путешествий Чарльза Дарвина и своего кумира Николая Пржевальского. Учился в 2-м Петербургском училище, откуда был отчислен за плохое поведение, затем – во Владимирском четырехклассном мужском училище. Университетского образования не имел, был самоучкой. Самостоятельно освоил географию, этнографию, археологию, геологию, гидрологию, метеорологию, орнитологию и лингвистику.

В 1895 году Арсеньев окончил Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище и с января 1896-го служил подпоручиком в 14-м пехотном Олонецком полку в польском городе Ломжа. В 1900 году получил чин поручика и был переведен в 1-й Владивостокский крепостной пехотный полк. В 1900–1903 годах Арсеньев с отрядом солдат-добровольцев совершил множество «экскурсий», изучив почти весь юго-восток Уссурийского края. Основной их задачей были разведка, проведение маршрутной съемки и сбор статистических данных о населении. По своей инициативе

Арсеньев параллельно вел наблюдения научного характера, записывая их в дневники.

Поражение в Русско-японской войне доказало недостаточность знаний географии Уссурийского края. Было запланировано несколько военных экспедиций на плохо исследованный прежде хребет Сихотэ-Алинь. Руководили ими штабс-капитан Владимир Арсеньев, которого перевели из Владивостока в Хабаровск. Сихотэ-алиньские экспедиции пришлось на 1906–1910 годы. В 1911–1913 годах Арсеньев командовал секретными экспедициями, основной задачей ко-

торых была борьба с хунхузами (члены китайских организованных банд), терроризировавшими население. В 1913 году ему был пожалован чин подполковника. В 1917–1918 годах совершил Олгон-Горинскую экспедицию, в июле 1918-го – отправился в Камчатскую. В 1922–1923 годах побывал в экспедициях в Гижигинском районе и на Командорских островах.

Владимир Арсеньев скончался 4 сентября 1930 года во Владивостоке. После смерти подвергся травле. Арсеньева обвиняли в великодержавном шовинизме и шпионаже. Его вторая жена, Маргарита Николаевна, была арестована и расстреляна в августе 1938 года. Репрессиям подверглась и дочь писателя – Наталья Владимировна.

В 1961 году режиссер Агаси Бабалян снял художественный фильм «Дерсу Узала». Главные роли исполнили Адольф Шестаков и Касым Жакибаев. В 1975-м появился советско-японский фильм «Дерсу Узала», режиссером которого был японский режиссер Акира Куросава. В роли Арсеньева снялся Юрий Соломин, Дерсу Узала – Максим Мунзук. В 1976 году фильм получил премию «Оскар» как лучший иностранный фильм, показанный в США.

забывать, что дореволюционные экспедиции Арсеньева во многом носили секретный военный характер и это обстоятельство создавало дополнительный барьер для включения в будущую книгу тех или иных сведений. Бордаков же никакими «обетами» иносказаний и молчания скован не был, что повышает ценность приводимых им фактов.

– *Получается, Арсеньев подретушировал образ Дерсу Узала?*

– Арсеньев «переодевает» своего героя в тот наряд, который, по мнению писателя, должен быть приличествующим. При этом он ликвидировал элементы

цивилизации, которые у Дерсу все же были. Ведь он, как охотник-промысловик, заботился о том, чтобы, например, его снаряжение отвечало критериям удобства и пользы. Арсеньева как художника это не устраивало. Но, как сказали бы марксисты, Дерсу был встроен в товарно-денежные отношения того времени. Это не просто благородный дикарь, только что вышедший из леса и с удивлением вззирающий на блага цивилизации. Да, Арсеньев его подретушировал. Кстати, это характерно и для многих современных этнографов, которые отправляются в экспедиции к племенам, находящимся на низкой ступени культурного раз-

Фотография
Владимира
Арсеньева
запечатлела
маленького
гольда,
ставшего
впоследствии
героем повести
«Дерсу Узала»

вития. Они ожидают лицезреть что-то первобытно-исконное. А когда видят, что абориген пьет какую-нибудь газировку, слушает радиоприемник и носит джинсы, то эти разочаровывающие факты они пытаются вынести за скобки при публикации материалов своих полевых исследований.

– Арсеньев описывает, как Дерсу рассуждает о бережном отношении к природе, как ругает стрелков отряда, когда они стреляют животных ради забавы, а не ради пропитания. Это тоже преувеличение?

– Увы, да. Образ Дерсу во многом основан на мифе о благородном дикаре. Можно найти массу сведений, которые этот миф опровергают, хотя, конечно, бывают и исключения. Да, были трепетные охотники, которые бережно относились к природе. Но чтобы они повсеместно следовали этому экологическому «кодексу»... Вряд ли такое когда-нибудь было. Сам Арсеньев следовал этому «кодексу». А вот другой знаменитый путешественник и географ, Николай Михайлович Пржевальский, не следовал, в чем, правда, иногда раскаивался. В своем «Путешествии в Уссурийском крае», появившемся в 1869 году, Пржевальский пишет, что гольды часто отступали от мудрых правил своей природосберегающей этики. По утверждению Ивана Алексеевича Лопатина, друга Арсеньева, отношение гольдов к такому промысловому зверю, как лось, и вовсе было хищническим. Но образ Дерсу Узала ничего не теряет от этих разоблачений. Для читателей он по-прежнему сохраняет свое обаяние. Это – результат любви Арсеньева к своему герою, к своим занятиям, к своей профессии, к своим экспедициям. То есть сознательной и последовательной идеализации у Арсеньева не было. Я не могу

представить, что Владимир Клавдиевич сидит в кабинете, правит рукописи своей уссурийской дилогии и думает: «Мало я покрасил своего проводника золотой краской, надо бы добавить еще». Образ Дерсу – это результат органического восприятия всего увиденного в экспедициях.

Арсеньев искренне привязался к гольду. Больше, чем сам мог предположить при их первой встрече. Но в его экспедициях было немало проводников. И где начинается Дерсу, где он кончается, а где заявляет о себе другой проводник, допустим Сунцай Геонка, – определить сложно. Видимо, в образе Дерсу интегрированы черты национального характера многих дальневосточных народностей, независимо от того, к какой принадлежал сам Узала. Кстати, споры об этом не утихают и сегодня. Но был ли Дерсу гольдом, то есть нанайцем, удгейцем или тазом – это, по-моему, не столь уж и важно. В его характере есть черты, которые Арсеньев мог наблюдать у любого своего проводника, к какой бы национальности или народности тот ни принадлежал.

– А если бы Арсеньев описал Дерсу таким, каким тот был в реальности? Получилась бы тогда из его персонажа культовая фигура?

– Если бы Арсеньев сохранял одну лишь фактическую основу и не добавлял бы ничего от себя как от художника, то, может быть, как писатель, он стал бы абсолютным реалистом и нашел бы понимание у тех, кто считает, что фотографическое изображение действительности – это и есть та цель, к которой должен стремиться любой пишущий человек. Но стал бы тогда Дерсу частью современной мифологии? Вряд ли.

Здесь возникает сложная проблема. Она заключается в том, что трудно определить место Арсеньева как художника слова. Ведь его проза чрезвычайно безыскусна. Но это безыскусность, которая неожиданно и парадоксально превращается в поэзию.

Литератор Юрий Казаков упоминал, что любой писатель, если он честен с собою, рано или поздно придет к простоте. Арсеньев любопытен тем, что он к этой простоте не шел, а был наделен ею изначально. В его прозе мы видим как бы прямое и непосредственное высказывание о действительности, которое создает иллюзию ее зеркального отражения. С моей точки зрения, такое высказывание неотразимо действует на читателя, но с трудом укладывается в рамки литературоведческого анализа. Я, кстати, сталкивался с мнением, распространенным среди нынешнего молодого поколения, что проза Арсеньева слишком незатейлива и проста. Но мне кажется, это именно та простота, за которую многие профессиональные писатели заплатили бы высокую цену.

– В экспедиционных дневниках Арсеньев пишет, что познакомился с Дерсу у реки Тадуши в августе 1906 года. А в книге их знакомство происходит в 1902 году у реки Лефу...

– Да, если судить по дневникам, не доверять которым нет никаких оснований, первая встреча Арсеньева и Дерсу произошла в 1906 году. Но нужно помнить, что хронологические нестыковки для художественного произведения – нормальная вещь. Писатель может комбинировать события так, как посчитает нужным, руководствуясь той или иной художественной целью. И, кстати, вряд ли является случайностью то, что в книге первая встреча Арсеньева и Дерсу носит характер загадочности. Отряд отдыхает на привале в осеннем лесу, дым костра, тишина. И вдруг лошади подняли головы и насторожились. Птица испуганно закричала и умолкла. Стрелки схватились за ружья, посчитав, что приближается медведь. Члены экспедиции ждут зверя, и вдруг слышат из темноты: «Стреляй не надо! Моя люди!» Дерсу в куртке и штанах из оленьих шкур, с котомкой за спиной, с повязкой на голове и ножом за поясом предстает как дух леса, чудесным образом материализовавшийся из холодной ночной тайги. А какой была реальная встреча? Дерсу просто вышел из тайги и подошел к лагерю экспедиции. Так же ее описывал и Петр Бордаков. Когда именно случилась эта встреча, не столь важно для общего художественного замысла повести...

– Алексей Валерьевич, когда я в детстве читал «Дерсу Узала», то все эти описания растений и деревьев, которыми так богата повесть, просто пропускал. А сейчас читаешь и находишь в них настоящую поэзию...

– Как известно, поэзия может отыскаться где угодно. Стилистика Арсеньева отличается от художественной манеры других авторов. На него повлияли российские этнографы той поры, прежде всего Владимир Германович Богораз и Лев Яковлевич Штернберг. Задолго до Варлама Шаламова Богораз, бывший политическим ссыльным, написал цикл «Колымские рассказы». А Штернберг подробно исследовал общественный строй, религиозные верования и обычаи сахалинских и амурских гилияков, айнов и различных тунгусо-маньчжурских племен. Его научные тексты читаются так же увлекательно, как приключенческие романы. Это вообще типично для дореволюционных этнографов. У меня, кстати, одна из любимых книг – трехтомная монография Богораз «Чукчи», где рассказывается о таких вроде бы обыденных вещах, как семейная жизнь, рацион питания, особенности меновой торговли обитателей Чукотского полуострова. Эти сведения, пригодные, казалось бы, только для экономико-статистического отчета, описаны у Богораз так, что читаешь его труд с любого места и получаешь огромное удовольствие от того, как это написано. То же самое можно сказать и о научном исследовании Штернберга «Первобытная религия в свете этнографии». Так вот Арсеньева можно с полным правом поставить в один ряд с такими этнографами.

– В книге Арсеньева Дерсу вполне приемлемо изъясняется на русском языке...

– Вернее, на так называемом сибирском русском пиджине. Полноценным языком его считать нельзя. На территории фронта – а Уссурийский край подходил под это определение – возникло некое языковое взаимодействие, которое привело к образованию языковых гибридов. Пиджин может существовать где угодно, хоть на островах Тихого океана. Он появляется, когда речь, обеспечивающая контакт между разными этническими группами, строится не по правилам какого-то одного языка, а образует некую промежуточную конструкцию. Вставляются слова из иных языков, грамматические показатели так или иначе корректируются. «Тебе земля ходи, нога топчи, след делай. Мои глаза есть – посмотри», – говорит Дерсу. Интересно, что именно гольдам русский язык давался достаточно легко, в отличие, например, от китайцев. Я внимательно читал труды этнографов, описывавших аборигенные народности Дальнего

Востока, и они отмечают у них природный дар к быстрому изучению чужих языков. Может быть, с этим связан лингвистический талант Дерсу. А может, с желанием узнать язык и думы другого человека? У гольдов, удэгейцев, да у всех палеоазиатских и тунгусо-маньчжурских народностей, была готовность к диалогу с другими народами. Думаю, Дерсу усваивал русский язык с детства. В орбиту русской культуры и цивилизации он вошел достаточно рано. Он же не жил на необитаемом острове, к тому же ему нужно было обменивать товары. Дерсу часто беседует со стрелками отряда, рассказывает разные истории и предания, у него свой репертуар сказок и легенд. Но он не просто рассказывает охотничьи байки – он размышляет о жизни. Арсеньев описывает, какое впечатление произвела на Дерсу сказка Пушкина о золотой рыбке. Услышанное, видимо, совпало с тем, что Дерсу знал из фольклора своего народа. Это как переливание крови – не любую же ее группу можно переливать человеку. Если бы сказка не содержала

нечто, постучавшееся в душу Дерсу, она бы его не заинтересовала. Так в глухой тайге у ночного костра произошла встреча двух культур. Дерсу настолько близко к сердцу принимает пушкинскую сказку, что дает советы старику и не может понять, почему тот не может прогнать старуху...

– Почему в разных изданиях «Дерсу Узала» финалы повести не совпадают дословно?

– Да, это так. После смерти Дерсу проходит два года, и Арсеньев решает навестить его могилу. Однако найти ее ему не удастся. Объяснением причин этого и завершается книга: «Приметные кедровые деревья исчезли, появились новые дороги, насыпи, выемки, бугры, рытвины и ямы... Все вокруг носило следы цивилизации». Причем последнее предложение идет с красной строки. В других изданиях к нему добавлено пафосное обращение: «Прощай, Дерсу!», которое уже появляется несколькими абзацами ранее – там, где речь идет о похоронах гольда. Если принять первый вариант окончания, то полу-

Приняв близко к сердцу судьбу таежного охотника и следопыта, Алексей Валерьевич Коровашко посвятил ему большое и интересное исследование

чается, что Арсеньев как бы подписывает акт капитуляции Природы перед Цивилизацией, не оставляя шансов тому миру, в котором жил его любимый герой. Второй вариант финала, казалось бы, почти не отличающийся от первого, более оптимистичен: прощаясь с Дерсу, автор не теряет надежды, что мир дальневосточной природы все-таки сохранится, вопреки вмешательству в него людей. Даже такое незначительное – в формальном плане – разночтение показывает, что выпуск текстологически выверенного издания уссурийской дилогии Арсеньева по-прежнему является насущной задачей.

– После экспедиции 1907 года Арсеньев забрал полуплепого Дерсу с собой в Хабаровск. Но тот тяготился жизнью в четырех стенах...

– Первая жена писателя, Анна Константиновна Арсеньева-Кадашевич, вспоминала, что когда Владимир Клавдиевич взял таежного следопыта жить в городскую квартиру в Хабаровске, то комнаты быстро пропахли табачным дымом, ведь Дерсу курил трубку. Вообще, Анна Константиновна недолюбливала Дерсу. Гольд клеил из бумаги лодочки, сажал в них бумажных человечков и поджигал. Так он приносил жертвы родственникам. Понятно, что жену Арсеньева это раздражало. Впрочем, как и другие привычки Дерсу, который всю жизнь провел в тайге и не слишком стремился соблюдать правила гигиены, принятые в городской квартире.

– Весной 1908 года Дерсу простился со своим другом «капитаном» и ушел к истокам реки Уссури. Позже его нашли убитым близ станции Корфовская. Он развел костер, чтобы скоротать холодную ночь, и это привлекло грабителей...

– Смерть Дерсу – загадка. Как на самом деле он ушел из жизни, сказать сложно. Может, Дерсу просто умер от старости или болезни? С этим лесным человеком могло произойти все, что угодно. Был ли Арсеньев на его похоронах, как он сам пишет? Может, заключительный фрагмент книги, где речь идет о присутствии Арсеньева на погребении Дерсу, на самом деле является выдачей желаемого за действительное? Почему Арсеньев отпустил Дерсу, почему он ему не помог?

Выдающийся литературовед Михаил Бахтин говорил о возможности выхода героя литературного произведения из-под власти автора. Так вот и Дерсу зажил собственной жизнью. Его биография постоянно додумывается и дописывается уже не Арсеньевым, а каждым новым поколением читателей. Читатели настолько полюбили Дерсу, что им хочется узнать о нем больше, они не могут смириться с тем, что один из самых важных эпизодов в биографии героя – его смерть – может остаться без внятного объяснения. Я думаю, мало кто будет с этим спорить. Дерсу стал для нас своим. Вам, может быть, приходилось слышать, как любого хорошего проводника называют Дерсу Узала? Имя арсеньевского героя стало нарицательным. А когда имя собственное становится нарицательным, это

признак того, что перед нами очень важное общекультурное явление. Я бы добавил, что, называя кого-то именем Дерсу Узала, мы не только подчеркиваем в этом человеке качества следопыта или умелого охотника, но и выдвигаем на первый план его способность жить в полной гармонии с природой, талант любить и ценить все живое.

– «Я стал уставать от людей и многого не понимаю... Мое желание – закончить обработку своих научных трудов и уйти, уйти подальше, уйти совсем – к Дерсу!» – так Арсеньев писал в конце жизни в дневнике. Стремление жить на природе, вне цивилизации, сегодня становится в некоторой степени модой. Желающих «уйти к Дерсу» достаточно...

– Традиционная культура проигрывает схватку с цивилизацией. Отсюда такие желания и мысли. Сам Арсеньев, видимо, тоже был разочарован в техническом прогрессе и тех формах, которые приобрело развитие общества. Его достижения в военной службе и в науке во многих отношениях оказались невостребованными. Но образ Дерсу Узала позволил ему навсегда вписать свое имя в историю литературы и культуры. «Примерить» на себя образ жизни Дерсу сейчас, пожалуй, почти невозможно. Но сам он остается идеальной моделью правильных отношений между человеком и природой. А наличие идеала имеет не меньшее значение, чем опыт его реального воплощения.

– Какой, по-вашему, будет судьба «Дерсу Узала» у новых поколений читателей? Не станет ли прощеской заключительная фраза книги: «Прощай, Дерсу!»? Не будет ли забыт этот литературный герой?

– Повесть «Дерсу Узала» регулярно переиздается. Что же касается читателей... Знаете, есть одна любопытная легенда о самом первом читателе этой книги. Издания «По Уссурийскому краю» 1921-го и «Дерсу Узала» 1923 года могут оказаться не первыми. Говорят, эти произведения издали в роскошном оформлении еще до революции и преподнесли императору Николаю II. Легенду эту зафиксировал исследователь биографии и творчества Арсеньева Георгий Пермяков. Может быть, это миф – такой же, как то, что где-то закопана рукопись книги «Страна Удэге» – огромного обобщающего этнографического труда Арсеньева. В этот миф я не очень-то верю, хотя был бы рад, если бы он в итоге оказался правдой. А вот насчет повестей Арсеньева, подаренных последнему российскому императору... Кто его знает? Возможно, и было такое.

Дальний Восток всегда будет будоражить воображение. А Дерсу Узала был и остается главным литературным проводником в этот удивительный мир. И каждому, кому он интересен, не обойтись без Дерсу. Так что говорить «Прощай, Дерсу!» никак нельзя. Любой новый читатель арсеньевских книг обречен произнести совсем другую фразу: «Здравствуй, Дерсу!»

ПОЭЗИЯ ПОШАТНУВШЕГОСЯ МИРА

БЕСЕДОВАЛА

ЛАДА КЛОКОВА

РУССКИЙ АВАНГАРД – ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ, ХУЛИГАНСКИЙ, СВЕРГАЮЩИЙ КУМИРОВ С ПЬЕДЕСТАЛОВ – ВЗОРВАЛ ИСКУССТВО НАЧАЛА XX ВЕКА. ФЕЙЕРВЕРК НЕОЛОГИЗМОВ, ПОЭТИЧЕСКИЕ РИСТАЛИЩА И ШОКИРУЮЩИЕ ПЕРФОРМАНСЫ, ТАЛАНТЫ, МЕТЕОРАМИ ПРОМЕЛЬКНУВШИЕ НА ЛИТЕРАТУРНОМ НЕБОСКЛОНЕ, – ПРИЗНАКИ ТОЙ ЭПОХИ, ЗАГАДКИ КОТОРОЙ РАЗГАДЫВАЮТ ДО СИХ ПОР. О ТОМ, КАК ЗАРОДИЛОСЬ ЭТО УНИКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ, О «ЛЕБЕДИНОЙ ПЕСНЕ» РУССКОГО АВАНГАРДА – ГРУППЕ ОБЭРИУ И ЕЕ САМОМ ЗАГАДОЧНОМ ПОЭТЕ – ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ СЕРБСКИЙ ЛИТЕРАТУРОВЕД, ИЗВЕСТНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОГО АВАНГАРДА, ПРОФЕССОР БЕЛГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, АВТОР КНИГИ «МЕРЦАЮЩИЕ МИРЫ АЛЕКСАНДРА ВВЕДЕНСКОГО» КОРНЕЛИЯ ИЧИН.

— **КОРНЕЛИЯ, НАСКОЛЬКО ИЗВЕСТНО, ДО СИХ ПОР СРЕДИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НЕТ ЕДИНОГО МНЕНИЯ О ТОЧНЫХ ВРЕМЕННЫХ**

РАМКАХ И СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА, И РУССКОГО АВАНГАРДА?

— Действительно, на сей счет существуют разные точки зрения. Начало Серебряного века относят к последнему десятилетию XIX столетия, однако существуют разногласия по поводу его конца: одни уверены, что он закончился в 1913 году, другие – с гибелью Блока и Гумилева, в 1921 году. Хочу напомнить, что Анна Ахматова считала концом Серебряного века именно 1913 год, которому она посвятила свою «Поэму без героя». И я отношусь к тем исследователям, которые, как и Анна Андреевна, считают, что Серебряный век закончился в тот момент, когда появился футуризм – одно из течений авангардного искусства. Авангард нужно рассматривать как отдельное явление. Это ведь бунтарство, отрицание преемственности, стремление создать искусство будущего.

— *Некоторые литературоведы считают русский авангард неотъемлемой частью Серебряного века. А другие концом авангарда называют аж 40-е годы XX века...*

— Да, например, Ефим Эткинд считал, что авангард укладывается в рамки Серебряного века. Профессор Загребского университета Александр Флакер связывал финал русского литературного авангарда с самоубийством Владимира Маяковского. Мой учитель, профессор Миливое Йованович, придерживался мнения, что русский авангард закончился со смертью Даниила Хармса и Александра Введенского – это 1941–1942 годы. И неслучайно швейцарский русист и переводчик Жан-Филипп Жаккар свою книгу об одном из ярких представителей постфутуризма назвал «Даниил Хармс и конец русского авангарда».

— *В феврале 1909 года литератор Филиппо Маринетти, ставший позже идеологом итальянского фашизма, выпускает манифест футуризма. И по-*

АЛЕКСАНДР БУРЯК

тому считается основателем этого направления в искусстве. Но ведь к тому моменту в России футуризм существует уже несколько лет, только он зарождается не в литературе, а в живописи. И в апреле 1910 года выходит первый сборник русских футуристов – «Садок Судей».

– Русский и итальянский футуризм возникли и развивались независимо друг от друга. Манифест Маринетти, который, к слову, был уроженцем Флоренции, это бунт против музеев, против наследия эпохи Ренессанса – всей этой, по его словам, мертвечины.

А в России уже в 1907–1909 годах проходят художественные выставки, в которых участвуют братья Бурлюки, Наталья Гончарова, Михаил Ларионов, уже появились стихи «председателя земного шара» Велимира Хлебникова, в 1910-м родилась футуристическая группа «Будетляне». Это был прорыв, именно из этого ядра развивается русский футуризм. Публикуя свои первые декларации и манифесты, русские футуристы ссылались на уже име-

ющиеся стихи и живописные работы. И в этом отличие русского футуризма от итальянского. То есть итальянский футуризм начинался с декларации, а русский – с опытов в живописи и поэзии, которые затем выливаются в манифесты.

Когда Маринетти в 1914 году приехал в Россию и выступал в Москве и Петербурге, русские футуристы встретили его, мягко говоря, без энтузиазма. Они протестовали. В Петербурге Бенедикт Лившиц и Велимир Хлебников подготовили к приезду Маринетти оскорбительную листовку и раздавали ее перед выступлением итальянца, устроили скандал. Почему? Да потому что возмущались: соотечественники приветствовали иностранца, вещающего о футуризме, а самих будетлян – русских футуристов – не замечали. Как не замечали и того, что будетляне делают для русского языка и литературы, как они занимаются этимологией, воскрешая слова и расшифровывая их значение.

Русские футуристы, особенно живописцы, понимали, насколько все вокруг преклоняется перед

западным искусством. А они не хотели быть эпилгонами. Возьмите каталог выставок «Мишень» и «Ослиный хвост», в котором опубликован манифест, подписанный в том числе Натальей Гончаровой и Михаилом Ларионовым. О чем там идет речь? О том, что современные им западные художники обращаются к наследию Востока. Но это мы – Восток, говорят русские живописцы, мы должны прославить Россию в западном мире. Кстати, в итоге так и случилось. Этот манифест выходит в 1913 году. А уже в 1914-м Сергей Дягилев по рекомендации художника-миреискусника Александра Бенуа приглашает Наталью Гончарову оформить декорации и костюмы к балету Римского-Корсакова «Золотой петушок». Балет был поставлен на сцене парижской Гранд-опера. И это был ошеломляющий триумф – во всех отношениях торжество на Западе русского искусства, которому затем подражали и Кокто, и Пикассо, и многие другие. Ведь раньше такого никогда не было. Гончарова создала удивительно яркие декорации и фантастические по красоте костюмы.

– Что послужило толчком для появления русского авангарда, породившего интереснейшие движения и явления – звездный язык, заумь, будетлян, ОБЭРИУ и так далее?

– Прежде всего разочарование в разуме, который не может ответить на вечные кантовские вопросы, касающиеся человека: что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться? Авангардисты пытались разгадать тайны мира, обратившись к интуитивному. Они понимали, что возможности логики, зависящей от нашего рационального мышления, ограничены. Она не может объяснить те нелогичные явления, которые происходят в мире. Это с одной стороны. С другой – футуристы считали, что поэт не должен идти на поводу у общества, он не исполнитель заказов публики. Поэт должен понимать, что язык – это материал, с ним нужно работать, испытывать все его возможности, расширив их до предела. Поэтому они поголовно занимаются этимологией, экспериментируют с языком, ритмикой и формой стиха.

И если идеолог символизма Вячеслав Иванов, опираясь на Античность и идеи Платона, говорит об искусстве как движении «от реального к реальному», то футуристы возражают против такого подхода. Им претит идея о том, что витающая где-то за пределами земного красота улавливается поэтом и воплощается в стихах, становясь реальностью. Футуристы настаивают, что язык – живая субстанция, что нужно показать биение его пульса. Доказать, что смысл существования языка – в поэзии, которая есть его высшая ипостась. А сам поэт – вершина всего. Отсюда и звездный язык, и заумь, и «председатель земного шара» – все эти на первый взгляд странные идеи.

– Первые десятилетия XX века – это просто какой-то взрыв в русской живописи и литературе.

Александр
Введенский

Авангард шокирует публику. Группа «Гилея» выступает с манифестом «Пощечина общественному вкусу» со знаменитым «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с парохода современности»... Хлебников выходит на сцену, бубнит свои стихи, говорит «ну и так далее...» и уходит под свист и ругательства... Маяковский в желтой кофте скандалит, предлагая желающим получить по физиономии выстроиться в очередь... Крученых поливает зрителей кипятком из кружки...

– Ну, они же авангардисты – воинствующее начало. Скандал, эпатаж привлекают внимание, которого они и добивались. А как они раскрашивали лица и разгуливали в таком виде по улицам? И даже выпустили манифест «Почему мы раскрашиваемся», подписанный Ильей Зданевичем и Михаилом Ларионовым. Зачем они раскрашивали лица? Потому что считали, что таким образом стирают обычные людские маски. Личины. Им нужны были не маски, а нечто живое, настоящее. То же самое они требовали от рукописи, от почерка, от любого произведения живописи или литературы. Воз-

Наталья
Гончарова
и Михаил
Ларионов.
1913 год

Афиша
представления
ОБЭРИУ.
1928 год

никает так называемое «моментальное письмо»: акт творчества, когда творец отказывается от рационального и выплескивает бессознательное. Важно сиюминутное настроение, эмоции, ментальность. Заметьте, будетляне говорят о моментальном письме до дадаистов, до симультанистов.

Для авангардистов это принципиальный момент, потому что они ищут разгадку мира в интуитивном начале, они разочарованы в рациональном. Об этом говорит Казимир Малевич, об этом говорят футуристы, которые считают, что единственное оправдание поэта – неологизмы. Что ты сделал с языком? Насколько ты расширил словарь родного языка? Насколько ты показал жизнь слова? Вспомните «Заклятие смехом» Хлебникова. Ведь это же блестящая демонстрация того, как из одного корня – в данном случае «смех» – можно построить целое стихотворение! В 1914-м писатель

Обложка
сборника
футуристов
«Пощечина
общественному
вкусу».
1912 год

Виктор Шкловский пишет «Воскрешение слова». Друг Маяковского, лингвист и литературовед Роман Якобсон толкует стихи футуристов... На самом деле все это – идеальное пребывание литературной жизни. Ведь обычно новые явления в литературе и специалисты, изучающие их, во времени не совпадают, не существуют синхронно. Литературоведы, как правило, опаздывают, они не успевают за новаторами, которых исследуют.

– При этом большинство критиков тех лет относились к авангардистам отрицательно... Дело даже до драк доходило на их выступлениях и выставках!

– Да, драки случались часто, о них с удовольствием писали газеты. Но ведь для авангардистов осистание, ругань и даже драка – это самая большая похвала. Своего рода награда, признание того, что они могут устоять перед любым натиском, перед откровенным неприятием публики. Они были уверены, что правда – на их стороне. В итоге так и случилось, достаточно вспомнить вторую половину XX века. К чему вернулись искусство и литература в СССР во время «оттепели»? К прерванному ранее авангарду. Да, конечно, одновременно с этим господствовал соцреализм, но ведь он был государственным проектом, по сути – вторжением власти в литературу.

– Однако и по сию пору произведения большинства авангардистов знакомы в основном лишь литературоведам.

– Здесь возникают вопросы к системе образования, к тому, что именно включается в школьную программу. Мне кажется, в ней по большей части представлены одни и те же авторы золотого века русской литературы: Пушкин, Лермонтов, Салтыков-Щедрин, Достоевский, Толстой и так далее. Споры нет, их произведения необходимо изучать. Но почему в школьной программе так мало поэтов и писателей начала XX века? Почему нет Хармса, Олейникова, Лившица, Введенского, Заболоцкого? Они творили сто лет назад, о них написаны сотни исследований в мире. Почему бы не включить их в программу?

– Возможно, срабатывают какие-то штампы советских времен, когда наследие авангардистов не исследовалось? Ведь первыми и Серебряный век, и русский авангард начали изучать зарубежные слависты, а не советские литературоведы.

– Да, по идеологическим причинам работы многих символистов и авангардистов были изъяты из библиотек. У советских литературоведов фактически не было возможности легально изучать их творчество. Скажем, Дмитрия Мережковского, Зинаиду Гиппиус, Николая Гумилева вообще нельзя было упоминать. Свободное изучение их творчества стало возможным только тогда, когда с них была снята «анафема». Да и то... Знаете, когда я писала кандидатскую работу о Гумилеве в Белград-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ском университете, один из профессоров, твердо придерживающийся советской истории литературы, с упреком спросил: «Вы собираетесь писать об этом контрреволюционере?» Между прочим, разговор этот происходил в конце 1980-х...

– Почему вы стали заниматься исследованиями творчества авангардистов? Почему вас привлекли обэриуты и в особенности Александр Введенский?

– Потому что я почувствовала, что это – моя жизнь. Стихи Введенского я впервые прочитала еще студенткой. И для меня он стал главным героем моей жизни, несмотря на то, что я писала о многих других авторах: о Николае Гумилеве, об Овидии и русской традиции знания, о Елене Гуро, об Иосифе Бродском... Свою первую статью об Александре Введенском я написала в 2003 году. А книга о нем появилась спустя двадцать лет – в 2023-м. С одной стороны, мне стыдно, что для создания книги понадобилось так много времени, с другой – я занималась и иными авторами. Но, как мне кажется, главная причина в том, что

трудно подобрать ключ к Введенскому. Точнее, ключа к Введенскому нет.

На самом деле книга – это мое приглашение другим исследователям поговорить о вселенной Введенского. Я изложила в ней то, что думаю и чувствую. Но я могу ошибаться, а потому и предлагаю вести диалог о творчестве Введенского.

– Но вы вступаете и в диалог с Введенским в конце своей книги...

– Да, вместо послесловия в книге представлен предполагаемый диалог с Введенским. Я задаю свои вопросы, а ответами поэта становятся цитаты из его произведений.

– Почти все исследователи называют самым зашифрованным поэтом ОБЭРИУ именно Александра Введенского. Почему?

– Честно говоря, я считаю Александра Введенского самым сложным и загадочным поэтом всего XX века. Конечно, эти мои слова возмутят тех коллег, кто занимается творчеством Велимира Хлебникова. Но я твердо стою на своем. Да, Вве-

денский не экспериментировал с языком так, как Хлебников. Но зачем ему было повторять Хлебникова? Зачем вообще повторять то, что уже сделано другими? В поэзии Введенского вы найдете обычные слова, которые мы используем в повседневной жизни. Но как они связаны друг с другом? Какой смысл в них вкладывается? Как это воспринимать? Вот это очень сложно. Такая сложная простота... Когда я переводила стихи Введенского на сербский язык, то столкнулась с огромной проблемой: как сделать так, чтобы эти переводы не получились банальными?

– *Даже при всей близости сербского и русского языков вы столкнулись с такой проблемой?*

– Да. Та же проблема существует и с переводами Пушкина. Почему Пушкина не все воспринимают на Западе? Кажется, что он писал просто, а попробуй переведи так, чтобы передать все нюансы. Далеко не у всех это получается.

В процессе работы над переводом мне было интересно понять, как у Введенского организован текст. Ведь он экспериментирует с восприятием мира. Он экспериментирует не с читателем, а с тем, что такое творчество. Если можно так выразиться, он его запускает, и дальше оно идет само по себе. Но и это не самое сложное в произведениях Введенского. Сложнее понять его восприятие мира, который он осматривает с высот лермонтовского Демона. Мир в восприятии Введенского довольно абстрактный – о чем бы поэт ни писал.

Даниил Хармс.
1932 год

Велимир
Хлебников.
1913 год

В каком-то смысле это похоже на драматургию Беккета. А еще в стихах Введенского поражает одиночество – такое осязаемое одиночество поэта, что читателю становится больно. Одиночество Бога, одиночество природы, одиночество вселенной... И это чувство одиночества непреодолимо. Оно наводит ужас.

– *Давайте подробнее поговорим об ОБЭРИУ и главном герое вашей книги. Итак, в 1922–1924 годах в Петрограде трое молодых людей, знакомых еще по гимназии, собираются и обсуждают все, что приходит в голову. Называют они себя «чинарями». Это Александр Введенский, Леонид Липавский и Яков Друскин. Чуть позже к ним присоединяется Даниил Хармс. И у них появляются весьма любопытные учителя – поэты Игорь Терентьев и Александр Туфанов.*

– Именно так. В 1923–1924 годах Введенский работал в так называемой фонологической лаборатории ГИНХУКа – Государственного института художественной культуры. Заведовал лабораторией Игорь Терентьев, там же подвизался и Александр Туфанов – это очень интересные авангардисты. Терентьев входил в группу «41°» вместе с Ильей Зданевичем и Алексеем Крученых. В 1925 году Туфанов основал «Орден заумников DSO», позже переименованный в «Левый фланг». В эту группу некоторое время входили Даниил Хармс и Александр Введенский. И если мы поинтересуемся их первыми поэтическими опытами – а это 1925–1927 годы, – то заметим, что это заумные стихи. Эпигонство. Но постепенно Хармс и Введенский отходят от Туфанова и Терентьева.

– *Почему?*

– Потому что они поняли, что занимаются тем, что было в самом начале развития футуризма. А им хотелось сделать следующий шаг, создать что-то новое. И в 1927 году появляется Объедине-

ние реального искусства – ОБЭРИУ. В группу вошли Даниил Хармс, Александр Введенский, Николай Заболоцкий, Константин Вагинов, Юрий Владимиров, Игорь Бахтерев и Дойвбер Левин. Обэриуты провозгласили отказ от традиционных форм искусства, они искали новые пути в изображении действительности, использовали поэтику абсурда, прибегали к гротеску и алогизму.

– В январе 1928 года обэриуты устроили свой первый поэтический вечер. Зрители были в недоумении. Вокруг Вагинова на сцене танцевала балерина, Введенский выехал к зрителям на велосипеде, а Хармса вообще вывезли на шкафу...

– А почему, собственно, мы должны воспринимать шкаф только как предмет мебели для хранения одежды? Кроме того, я не сомневаюсь, что здесь нужно вспомнить и драматургическую традицию. И в этом смысле это явная отсылка к шкафу, с которым Гаев прощался в «Вишневом саде»: «Дорогой шкаф!» Все театралы знают эту реплику. Так зачем Хармс выехал, сидя на шкафу? Да ведь это разрушение логических связей, абсурд на этом и строится! И когда мы сегодня говорим «шкаф ОБЭРИУ», то сразу вспоминаем Хармса. И даже можем догадаться, что автор и шкаф могут быть как-то связаны. По той же причине Введенский говорил: «Плечо надо связывать с четырьмя». Почему «четыре»? Почему не плечо и, скажем, шея?

В пошатнувшемся в их время мире они увидели раздробленность и фрагментарность этого самого мира. И если нельзя установить связи событий и вещей мира с помощью логики, то почему нужно устанавливать такие связи в литературе? Поэтому у обэриутов появлялись такие произведения, как, например, мини-рассказ Хармса из «Голубой тетради №10» о рыжем человеке.

Понимаете, произведения авангардистов нужно читать, не забывая о том, в каких условиях и обстоятельствах они жили и творили. Почему Хлебников создавал звездный язык? Почему Бурлюки вели себя так странно? Почему Хармс так писал? Почему Введенский так думал? Если вы не знаете ничего о времени, в котором они жили, и чем они жили, вы не поймете ни их самих, ни их произведения.

– Хармс и Введенский были друзьями. Они влияли друг на друга в творчестве?

– Да, они были близкими друзьями. К счастью, сохранилась их переписка за 1926–1934 годы. Создается ощущение, что Хармс и Введенский дополняли друг друга. Творчество Хармса разнообразно, в том числе он пишет веселые сценки и квазилитературные трактаты. Забавные, игривые. В произведениях Введенского тоже есть игривость и юмор, но они всегда с оттенком какой-то предопределенности, ужаса.

– Да, его основные темы в поэзии – Бог, время, смерть.

Давид Бурлюк.
1914 год

– Да, вокруг этого и построено его творчество...

И все-таки они были очень разными людьми. Хармс одевался как денди, ему нравилось быть в центре внимания, шокировать, на подоконнике стоять с трубкой... Введенский ничем подобным не занимался. Строго говоря, на улице вы бы сразу обратили внимание на Хармса, а Введенского вряд ли бы заметили – так, обычный прохожий. Обычный человек. Зато какой богатейший внутренний мир! Неподражаемый.

– Ради заработка Введенский писал детские стихи. Сергей Михалков вспоминал, что Александр Иванович брал бумагу и карандаш, садился на табуретку и начисто писал стихи. Сразу – начисто!

– Но показывал их не сразу. Нужно было потянуть время, чтобы продемонстрировать заказчику, что он трудился над стихами. А они у него получались мгновенно. Удивительно!

– А с другой стороны, поэзия лермонтовского Демона, взирающего на пошатнувшийся мир. Как жаль, что его жизнь оборвалась так рано...

– Мы всегда так думаем обо всех тех авторах, жизнь которых оборвалась слишком рано и которым не дано было осуществить все, что они могли. Но, с другой стороны, то, что они сделали, это уже огромный вклад в культуру. Если говорить об обэриутах, то они раздвинули границы литературы. Они делали в литературе то, о чем в 1920-е годы размышляли философы – Мартин Хайдеггер, Вальтер Беньямин, Людвиг Витгенштейн.

Книга
Корнелии Ичин
«Мерцающие
миры
Александра
Введенского»
вышла
в 2023 году

Введенский неслучайно говорил о том, что лучше всего поэзию понимает тот, кто ее вообще не понимает. Потому что поэзия сродни чуду: то, что ты не можешь понять умом, ты понимаешь только своей верой. Как писал Витгенштейн, граница моего языка – это граница моего мира. То, что я не могу высказать языком – это или вера, она же – чудо, или искусство.

– В Введенском поражают контрасты. Обычный человек, симпатичный, небрежный в одежде, любитель девишек. Это с одной стороны. С другой – читаешь его «Элегию» и не понимаешь, как это все совмещается в обычном человеке.

– «Элегия» – это особое, прощальное стихотворение. Это итог. Размышление и о собственном пути, и о пути поэзии.

– Он чувствовал, что погибнет?

– Да. Он понимал и чувствовал, к чему все идет. ОБЭРИУ просуществовало недолго – до 1931 года. Введенский, Хармс и Бахтерев были арестованы и высланы из Ленинграда. Через год Введенскому разрешили вернуться. В 1936 году поэт переехал из Ленинграда в Харьков – к жене Галине Борисовне Викторовой. В 1937-м у них родился сын Петр. Казалось бы, все нормально. Но на самом деле Введенский оказался в полном одиночестве, без своих друзей и собеседников, оставшихся в Ленинграде. И он понимал, что их всех ждет. В 1937-м расстреляли Олейникова. В 1938-м Введенский пишет «Елку у Ивановых» – жуткова-

тую пьесу, в которой все действующие лица постепенно исчезают. В сентябре 1941 года Александра Ивановича снова арестовывают и этапируют в Казань. Он умирает в пути в декабре 1941-го.

И вот его последние сочинения – стихотворение «Элегия», написанное в 1940-м, и прощальная пьеса «Где. Когда», написанная в 1941-м. В них намеки на то, что происходит в мире, и прощание поэта с миром, и прощание мира с поэтом. Потрясающие тексты. Это вершина его творчества, предчувствие конца. В «Элегии» певец ведет свой творческий бой до смерти – это великолепно, по-другому в настоящем искусстве и не бывает. Пьеса «Где. Когда» – это смирение со смертью, окончательное.

– Почему вы назвали свою книгу «Мерцающие миры Александра Введенского»?

– В «Серой тетради» Введенский задается важными философскими вопросами. И в том числе пишет: «Если бы время было зеркальным изображением предметов. На самом деле предметы это слабое зеркальное изображение времени. Предметов нет. На, поди их возьми. Если с часов стереть цифры, если забыть ложные названия, то уже может быть время захочет показать нам свое тихое туловище, себя во весь рост. Пускай бегают мышь по камню. Считай только каждый ее шаг. Забудь только слово каждый, забудь только слово шаг. Тогда каждый ее шаг покажется новым движением. Потом, так как у тебя справедливо исчезло восприятие ряда движений как чего-то целого, что ты называл ошибочно шагом (Ты путал движение и время с пространством. Ты неверно накладывал их друг на друга), то движение у тебя начнет дробиться, оно придет почти к нулю. Начнется мерцание. Мышь начнет мерцать. Оглянись: мир мерцает (как мышь)». Что мы на самом деле видим и что на самом деле не видим в этом мире? Если раньше поэты говорили, что наша жизнь – это мгновение по отношению к вечности, то Введенский говорит, что наша жизнь – это мгновение по отношению к мгновению. И если подумать, то история homo sapiens на оси времени существования мира – тоже всего лишь мгновение. Сколько времени нужно, чтобы один раз моргнуть? Вот – мгновение. И оно же – тысячелетия человеческой истории в сравнении с историей и временем существования мира. Это и есть мерцание.

– Если бы у вас была задача убедить людей в том, что им нужно прочитать произведения Введенского, что бы вы сказали?

– Что я могла бы сказать? Введенский – это поэт нашего времени. Его мироощущение близко современному человеку. Если ты хочешь понять себя, читай Введенского. Читай и думай. Литература – не для наслаждения, литература – для размышления и поисков смысла собственного бытия. 📖

АВТОР
ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО
АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В ПОСЛЕДНЮЮ НЕДЕЛЮ АВГУСТА 1942 ГОДА СТАЛИНГРАД ПЕРЕЖИЛ УЖАСАЮЩУЮ, САМУЮ ДОЛГУЮ И РАЗРУШИТЕЛЬНУЮ БОМБАРДИРОВКУ. НА УЛИЦАХ ШЛИ ОЖЕСТОЧЕННЫЕ БОИ, ПОЛЫХАЛИ СТРАШНЫЕ ПОЖАРЫ, ИЗ-ЗА РАЗЛИВШЕЙСЯ НЕФТИ ГОРЕЛА ДАЖЕ ВОЛГА. ВЫЖИВШИЕ В ТЕ ДНИ НАЗЫВАЛИ ИХ ПОТОМ «СТАЛИНГРАДСКИМ АДОМ».

Н О ЗАДЫХАЮЩИЙСЯ в дыму пожарищ, залитый кровью Сталинград не сдавался. Битва за стратегически важный город на Волге продлилась до 2 февраля 1943 года...

ПОДВИГ СВЯЗИСТА

Жил в деревне Ильинке Казанского района Омской области мальчик Матвей. Невысокий, русоволосый, веселый и общительный. В 8 лет он остался сиротой и попал в детский дом.

Окончив школу-семилетку, Матвей Путилов уехал в Омск и поступил в электротехнический техникум. А после его окончания, зимой 1942 года, был призван в армию.

Путилов попал в 308-ю стрелковую дивизию и стал командиром отделения связи. В сентябре дивизия была переброшена под Сталинград, где шли ожесточенные бои. А 25 октября дивизия уже вела бои в районе рабочего поселка Баррикады. Когда прервалась связь штаба с домом,

в котором в окружении находилась группа бойцов, последовал приказ ее восстановить. Первые два связиста, отправившиеся исполнять распоряжение, погибли. Тогда наладить связь вызвался Путилов. Он был тяжело ранен в плечо и руку. Теряя сознание, Матвей сжал концы

Бойцы 229-й стрелковой дивизии отражают фашистскую атаку в районе реки Чир

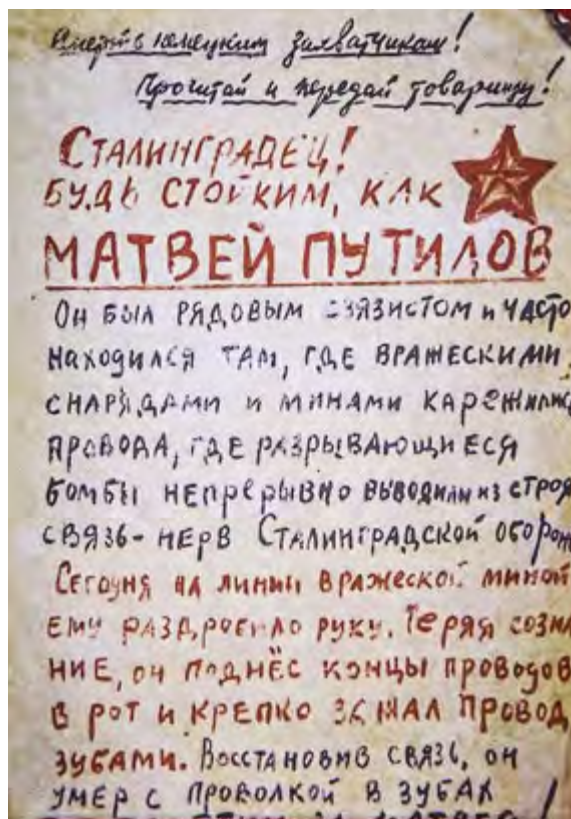

Скромный юноша, будущий герой Матвей Путилов

проводов зубами. Он восстановил связь ценой своей жизни. Вскоре по всему фронту разлетелись копии листовки, написанной политруком дивизии Михаилом Ингором, ставшим свидетелем этого подвига: «Сталинградец! Будь стойким, как Матвей Путилов. Он был рядовым связистом и часто находился там, где вражескими снарядами и минами коржились провода, где разрывающиеся бомбы непрерывно выводили из строя связь – нерв Сталинградской обороны. Сегодня на линии вражеской миной ему раздробило руку. Теряя сознание, он поднёс концы проводов в рот и крепко зажал провод зубами. Восстановив связь, он умер с проволкой в зубах!»

Эта листовка – один из центральных экспонатов выставки «Железное кольцо Сталинграда», которая открылась в Музейном комплексе воинской славы омичей 2 февраля нынешнего года – в день 80-летия полного разгрома немцев в Сталинграде. «Согласно плану «Барбаросса», гитлеровцы выбрали три главных направления удара: битва за Москву, битва за Ленинград и битва за Кавказ. На пути к Кавказу стоял Сталинград. Немцы планировали уничтожить город за две недели. Но Сталинградская битва продолжалась

200 дней и ночей, – рассказывает заведующая Музейным комплексом воинской славы омичей Анфиса Кокунина. – Под Сталинградом сражалось порядка 25 омских дивизий и формирований. В устьях Дона хорошо подготовленную 6-ю армию вермахта под командованием Паулюса встретила омская 229-я стрелковая дивизия. Она сумела

Написанная от руки листовка «Отомстим за Матвея!» несомненно вдохновила на подвиги многих защитников Сталинграда

Бойцы, уходившие на фронт из Омска, были в основном обмундированы в форму, которая отшивалась на омской фабрике «Луч»

задержать нацистов на две недели. Потом немцы прорвали оборону и ворвались в город... Сталинград защищала 62-я армия под командованием генерал-лейтенанта Василия Ивановича Чуйкова (Маршал Советского Союза с 11 марта 1955 года. – Прим. ред.), в состав которой входила и наша знаменитая 308-я дивизия».

Через бескрайние волжские степи и Сталинград немцы рвались к Кавказу, но солдаты Красной армии стояли насмерть. Как тогда говорили на фронте: «За Волгой для нас земли нет». Это противостояние и запечатлела музейная экспозиция. По одну сторону на подиуме – форма и оружие, которые принадлежали нашим бойцам: здесь и пулемет Дегтярева ДП-27, и знаменитый «максим». Только каска немецкая – «штальхельм», напоминающая о том, что во время битвы за Сталинград было уничтожено около 1,5 миллиона немецких солдат и их союзников. По другую – немецкое оружие: танковый пулемет, трак от немецкой радиоуправляемой танкетки, форма гитлеровцев... Но на подиуме каска бойца Красной армии. Общие потери советских войск в Сталинградской битве составили 1 129 619 человек...

Наушники и телеграфный ключ

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

История подвига 229-й стрелковой дивизии, входившей в состав 64-й армии, напоминает сюжет романа Юрия Бондарева «Горячий снег», по которому был снят знаменитый одноименный фильм. Только происходило все не зимой, а жарким летом...

229-я дивизия была создана в Ишиме, в нее входили в основном омичи, а также мобилизованные из Новосибирска и Алтайского края. Молодые ребята, крепкие парни-сибиряки, многие из них с детских лет ходили в тайгу и умели обращаться с оружием. Дивизией командовал полковник Федор Сажин, до войны преподававший в Омском пехотном училище. Служивцы характеризовали его так: «человек железной воли, спокойный, уравновешенный, бесстрашный».

«Наши бойцы сначала прибыли в Сталинград, потом совершили 200-километровый бросок до деревни Суrowикино и с ходу вступили в бой с 6-й армией вермахта под командованием Паулюса. Здесь, в устье Дона, дивизия впервые услышала приказ №227 (приказ от 28 июля 1942 года «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций», на фронте его называли «Ни шагу назад!» – Прим. ред.). Сталинград преграждал гитлеровцам путь к Кавказу с его месторождениями нефти, столь не-

Бойцы 229-й стрелковой дивизии во время остановки в пути на Сталинградский фронт. Кому из них суждено вернуться домой?

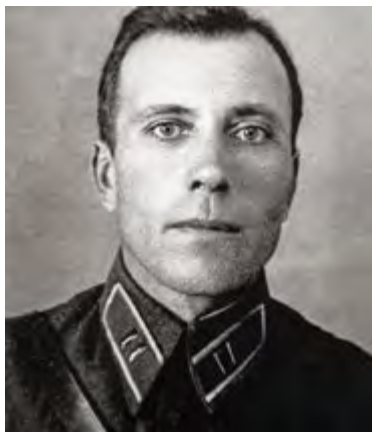
Знамя 229-й дивизии, сумевшей выиграть для Сталинграда две недели

обходимой для фронта. Был еще и критически важный политический момент: город носил имя Иосифа Сталина, главного врага Гитлера», – продолжает Анфиса Кокунина.

В страшную жару, в наскоро вырытых окопах, задыхаясь в чаду горящей степной травы, бойцы дивизии приняли на себя удар гитлеровских войск. «Мои дорогие Анечка и Веруся. Я жив и здоров. Вот уже 15 дней горю в жарком бою. Вы, очевидно, по радио слышали, как мои богатыри громят немчуру. Вот уже не стало опасно, и до 50 танков рухнули на поле боя. Можно считать, что час расплаты с врагом близится. Правда, враг еще очень силен... Я лично и ночь, и день на поле

Шесть месяцев 64-я армия, которой командовал генерал-полковник Михаил Шумилов, в жесточайших боях удерживала южную часть Сталинграда

«Я лично и ночь, и день на поле боя...» – писал семье полковник Федор Сажин

боя, едим и спим на бегу. Ну, мои родные, живите дружно, будьте здоровы. Целую, ваш и вас любящий Федя и папа», – писал жене и дочери в передышке между атаками полковник Сажин. Это было последнее письмо, которое получили его родные.

Силы были не равны. Немцы захватили переправы через реки Чир и Цимла. 8 августа полковник Сажин принял решение об отходе на правый берег Дона. Предстояло прорываться с боем. Федор Сажин погиб 10 августа у хутора Пятиизбянский. Дальше прорывом из котла командовал комиссар дивизии Тихон Бандурин. Из 11,5 тысячи солдат в живых остались лишь 500 или 700 человек – в документах фигурируют разные цифры.

ОМСКИЕ КУРСАНТЫ

Легендарная 308-я стрелковая дивизия под командованием Леонтия Гуртьева была сформирована на базе Омского пехотного войскового училища имени Фрунзе. Костяк ее составили курсанты училища.

Боевое крещение дивизия получила в сентябре 1942 года в боях на территории совхоза «Котлубань», на подступах к Волге. Затем ее перебросили на северо-западную окраину Сталинграда. Здесь дивизия заняла оборону у заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь». Около месяца бойцы сдерживали натиск гитлеровцев, не позволяя им занять стратегически важные предприятия, продолжавшие выпускать зенитные установки, пулеметы и ремонтировать военную технику. За месяц боев вчерашние курсанты отразили более 117 атак!

Семен (Соломон) Фугенфиров родился в Омске в бурном 1917 году. Окончил школу-семилетку, трудился рабочим-подсобником на омском обозостроительном заводе и учился на вечернем отделении железнодорожного техникума. Отслужил в железнодорожных войсках, вернулся в Омск и устроился литературным сотрудником в областной радиокомитет. Молодой человек встретил девушку Нонну – они

Вместо покоренного Сталинграда
фельдмаршал Паулюс 9 января
1943 года получил этот ультиматум

вместе ходили на танцы и строили планы на будущее. Но началась война...

Осенью 1942 года Фугенфиров уже имел звание старшего лейтенанта и был помощником начальника штаба 339-го стрелкового полка 308-й дивизии.

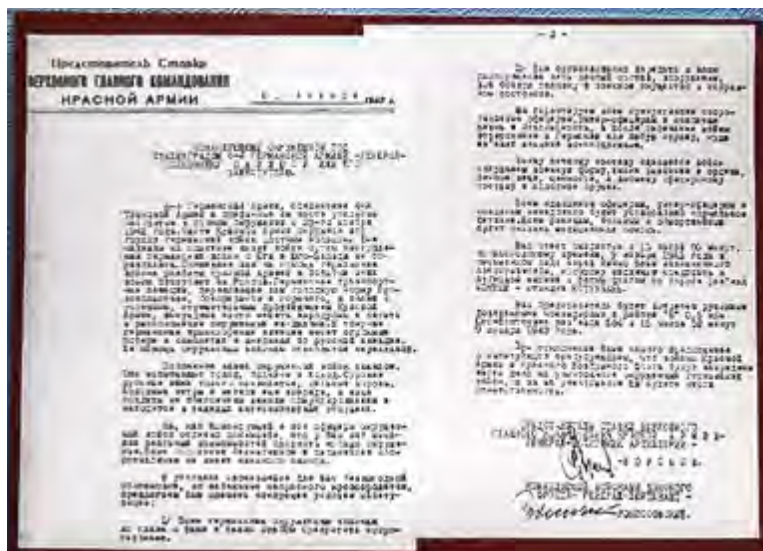
29 октября немцы еще до восхода солнца начали атаковать завод «Баррикады». Противнику удалось вклиниться между двумя батальонами 339-го полка и окружить цех, где находился штаб. Начальник штаба, капитан Дятленко, получил приказ

Омские
курсанты –
бойцы
308-й стрелковой
дивизии перед
отправкой
на фронт

Солдатские котелок и фляжка.
И список вещевого имущества
мобилизованного из 19 пунктов

Гуртьева выйти из окружения, вынести полковое знамя, документы и вывести раненых. Сан-инструктор Катя Смирнова, перетаскивая раненых, случайно обнаружила в углу цеха подземный лаз. Фугенфиров вызвался прикрыть отход товарищей. Он отстреливался до последнего, а когда патроны закончились, бросился в толпу фашистов с двумя гранатами, уничтожив еще 12 гитлеровцев. Старший лейтенант Семен Фугенфиров обеспечил отход уцелевших однопольчан, спас раненых и боевое знамя 339-го стрелкового полка. Ведь если знамя потеряно, полк расформируют...

Пленные
гитлеровские
генералы. Слева –
фельдмаршал
Паулюс

В ВОЗДУХЕ И НА ВОДЕ

Со старых фотографий на стенде смотрят красивые молодые люди. «Борис Лозоренко и Геннадий Киселев – Герои Советского Союза. У них очень похожие судьбы. Оба летчика были сбиты, попали в плен к фашистам, бежали, воевали в партизанских отрядах, а потом вернулись в свои воздушные подразделения и совершили еще немало боевых вылетов», – поясняет Анфиса Викторовна.

20-летний Геннадий Киселев прибыл под Сталинград 13 декабря 1942 года. Уже через день состоялся первый его боевой вылет на штурмовике Ил-2. А вскоре его эскадрилья вылетела на задание – уничтожить немецкие транспортные самолеты на аэродроме Большая Россошка. Несмотря на огонь вражеских зениток, Киселев уничтожил три «Юнкерса-52» и 25 вражеских солдат. Затем самолет Киселева атаковали два «Мессершмитта-109». Отбиваясь от атак «мессеров», на изрешеченном самолете Киселев сумел добраться до своего аэродрома.

С 5 мая 1943 года авиадивизия, в которой служит Киселев, действует на Орловско-Курском направлении. Геннадий Киселев – уже один из лучших летчиков

Бесстрашный летчик Геннадий Киселев

полка, ему поручают сложные боевые задания. Уже 7 мая во время очередного боевого вылета Киселев был ранен в руку, а его самолет подбит над территорией, занятой противником. Геннадий Киселев попал в плен, вместе с другими пленными его отправили в Германию. 19 мая за станцией Негорелое Киселев вместе еще с одним бойцом выпрыгнули из железнодорожного вагона и скрылись в лесу. Через три дня они встретили лесника, который привел их к партизанам. На земле отважный летчик проявил себя не хуже, чем в воздухе. 21 сентября 1943 года

Контр-адмирал Волжской флотилии Дмитрий Рогачев

он был переправлен через линию фронта. Спустя месяц он вернулся в свою часть и продолжил сражаться. В характеристике старшего лейтенанта Геннадия Киселева записано: «В бою неустраслим. С большим желанием идет на любое ответственное задание, не считаясь с риском и большой опасностью для личной жизни». После войны летчик продолжил службу в ВВС СССР. 15 мая 1946 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В 1952 году Геннадий Киселев окончил Военно-воздушную академию, жил в Омске... Бои шли не только на суше и в воздухе, но и на воде. Волж-

Геннадий Киселев партизанил в белорусских лесах с 21 мая по 20 июля 1943 года, но успел доставить фашистам немало неприятностей

Летный шлем с защитными очками

Настоящий
русский
богатырь
Виктор Ус

ская флотилия была создана уже в октябре 1941 года. В нее вошли некоторые гражданские суда, несколько бронекатеров и 32 тральщика. На бронекатерах устанавливались башни от танков Т-34, получались «плавающие танки». Еще их называли «речными букашками» – из-за небольших размеров.

Как раз на таком бронекатере служил рулевым омиш Виктор Ус. Не раз под вражеским огнем он совершал рейды через Волгу – переправлял боеприпасы, людей, продовольствие. В один из них под обстрелом погибли командир и несколько матросов, сам Виктор был тяжело ранен. Но, несмотря на это, он принял на себя командование катером, прорвался через ураганный огонь противника и обеспечил выполнение боевого задания. «Потом он совершил уникальный подвиг – переплыл Волгу в октябре, – рассказывает Анфиса Кокунина. – Потребовалось срочно установить связь с корректировочным пунктом на правом берегу, и Виктор вызвался с катушкой провода на спине переплыть реку под неприятельским огнем. Связь была восстановле-

на. Еще один подвиг Ус совершил уже в Керчи. Когда бронекатер, на котором он служил, был затоплен, Виктор в холодный ноябрьский день нырял в воду четыре десятка раз, чтобы достать из трюма катера ящики с боеприпасами».

Флотские атрибуты – компас, матросский воротник (гюйс) – не случайно: битва за Сталинград шла и на Волге

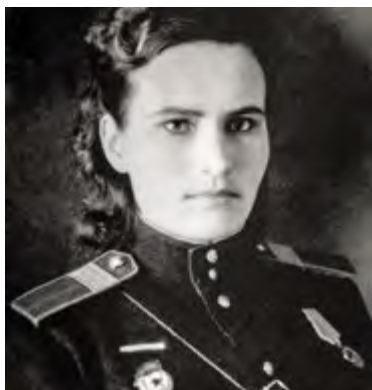
БЕССТРАШНЫЕ ДЕВУШКИ

85 тысяч медиков погибли или пропали без вести во время Сталинградской битвы. Средняя продолжительность жизни санинструкторов в Сталинграде составляла всего 14 минут...

Медицинские батальоны входили в состав каждой дивизии, зачастую служили в них совсем юные девочки. Они под огнем выносили раненых с поля боя, в тяжелейших условиях оказывали помощь в фронтовом госпитале, нередко располагающемся в обычной палатке.

«Анна Сербина служила в 308-й стрелковой дивизии. Она вспоминала, что бегала от одного раненого бойца к другому – перевязать, воды дать, успокоить. Споткнулась, упала и... уснула. Видимо, это был обморок, она, скорее всего, упала из-за усталости и истощения, – рассказывает Анфиса Викторовна. – Когда она очнулась, услышала, что кто-то говорит: «Не трогайте девушку, дайте ей отдохнуть, иначе она никому не сможет помочь». И Анна заплакала, потому что подумала, что никто не выживет в этом сражении.

Красавица и героиня
Анна Сербина

Но она осталась жива. В этой витрине – ее удостоверение и медаль «За оборону Сталинграда». Вот такие девочки не только спасали жизни наших раненых бойцов. Санинструктор Мария Чернявская встала к орудию, когда все артиллеристы погибли. Хрупкая 18-летняя девушка сама подносила снаряды, сама заряжала, сама стреляла... После войны Чернявская работала в омском мединституте, преподавала там микробиологию. 57-й батальон связи изначально не имел никакого отношения к Омску. В 1942 году остатки батальона были переброшены в Новохоперск, откуда старшины и лейтенанты отправились в Омск. Спешно набрали здесь девушек с хорошим слухом и стали их обучать. Омичка Татьяна Братцева вспоминала, что по звуку девушки должны были определить, какие самолеты летят и сколько их. После учебы девушки отправились на фронт. Обмундирование и оружие получили уже под Сталинградом. Их называли «глаза и уши армии» – девушки наблюдали за пролетающими немецкими самолетами и передавали координаты зенитчикам. «Татьяна Пикалова рассказывала, что однажды с вышки девушки увидели какого-то подозрительного типа. Они спустились и обезвредили немецкого разведчика, который перерезал провод связи. Захватили в плен и доставили в штаб», – добавляет Анфиса Кокунина.

57-й отдельный батальон ВНОС перед отправкой на фронт

Отдельная витрина посвящена подвигам девушек-санинструкторов

БЕЗМОЛВНЫЕ СВИДЕТЕЛИ

Представленные на выставке экспонаты – не просто предметы, а безмолвные свидетели сражения, изменившего ход Второй мировой войны, непоколебимой стойкости и массового героизма советских солдат. Многие артефакты экспонируются впервые. В центре первого зала стоит внушительный батальонный миномет. Такие выпускались в Омске на заводе Козицкого, и после войны один из них вернулся «домой». Вот знаменитый приказ «Ни шагу назад!», награды, которые получали наши солдаты. «В окопах давали орден Отечествен-

ной войны, это была одна из самых почетных наград. Кроме того, более 700 тысяч человек получили медаль «За оборону Сталинграда», – объясняет Анфиса Кокунина. – Есть в экспозиции и трофейные немецкие награды. К примеру, медаль «За восточную кампанию», впервые такие награды нацисты получали под Москвой, заранее празднуя победу, которой они не добились». Рядом в витрине представлена военная форма, которую шили в Омске на фабрике «Луч». Именно в такой бойцы из Омска уходили на фронт. А вот действительно уникальный экспонат – подлинный маскхалат. Странно: маскхалаты шились из простенькой хлопчатобумажной ткани, которая быстро приходила в негодность. Как же он сохранился до наших дней? «Случилась совершенно удивительная история, – рассказывает Анфиса Кокунина. – Часто по работе я пересекаюсь с войсковыми частями. Как-то одна из частей – она находилась не в Омске – была расформирована. И осталось несколько комплектов маскхалатов. Настоящих! Один из них передали нам. Это действительно уникальная вещь – единственная в нашем городе в такой сохранности».

ПОБЕДНОЕ «КОЛЬЦО»

В Сталинграде фашисты тоже поторопились праздновать победу: в ноябре 1942-го Гитлеру докладывали, что город практически взят. Но 19 ноября началась наступательная операция «Уран»: советские войска прорвали вражеские фланги – на Дону и южнее Сталинграда – и начали окружение противника.

9 января 1943 года командованию окруженных немецких войск был предъявлен ульти-

матум о капитуляции, но по приказу Гитлера он был отклонен. 10 января началась ликвидация Сталинградского котла силами Донского фронта – операция была названа «Кольцо». В этот момент численность окруженных войск составляла около 250 тысяч человек, в войсках Донского фронта сражались 212 тысяч. Враг упорно сопротивлялся, но Красная армия продвигалась вперед и 26 января расклевала немецкую груп-

Сталинград 23 августа 1942 года после массированного налета гитлеровской авиации. Чудом уцелевший фонтан на фоне разрушенных зданий

пировку на две части – южную, в центре города, и северную, в районе тракторного завода и завода «Баррикады». 31 января была ликвидирована южная группа, ее остатки во главе с фельдмаршалом Фридрихом Паулюсом сдались в плен. 2 февраля был завершен разгром северной группы...

«Гитлеровцы не ожидали, что разрушенный и измученный город остановит их наступление. Действительно, героизм был массовый. Наши бойцы отстаивали каждую пядь земли. Их подвиг достоин не только восхищения, но и изучения и пристального внимания. Нам есть чем гордиться, есть что помнить», – резюмирует Анфиса Кокунина.

Эта выставка неслучайно носит название «Железное кольцо Сталинграда». Непреодолимой преградой на пути врага, а потом и железным кольцом, сомкнувшимся вокруг армии Паулюса, стали бесстрашные советские люди. Многие из них отдали свои жизни ради того, чтобы жили мы. ♡

«Нам есть чем гордиться, есть что помнить», – уверена заведующая Музейным комплексом воинской славы омичей Анфиса Кокунина

В. ван де Вельде Младший. Бой между английским кораблем и берберийскими пиратами на лодках

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

КАПЕРСКИЙ ПАТЕНТ

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

ДУМАЮ, ТЕ, КТО ПРИВЫК ИЗУЧАТЬ В АРХИВАХ ОПИСИ И КАТАЛОГИ, НЕ РАЗ ПЕРЕЖИВАЛИ УДИВИТЕЛЬНЫЕ МГНОВЕНИЯ, КОГДА, ПЕРЕВЕРНУВ ОЧЕРЕДНОЙ ЛИСТ ПОЖЕЛТЕВШЕГО ДЕЛА И РАЗОБРАВ ЗАГОГУЛИНЫ ПИСАРСКОЙ СКОРОПИСИ, НЕ МОГЛИ ПОВЕРИТЬ СВОИМ ГЛАЗАМ. ПОСКОЛЬКУ ПОНИМАЛИ, ЧТО В ЭТОТ МОМЕНТ ИСТОРИЯ СОВЕРШИЛА ОЧЕРЕДНОЙ НЕВЕРОЯТНЫЙ КУЛЬБИТ. ТАК СЛУЧАЛОСЬ И СО МНОЙ.

ЛИСТАЯ ПЕРЕПИСКУ консула Франции в Петербурге и по совместительству тайного агента французского правительства Анри Лави, я обратил внимание на одно имя. Отправленное из российской столицы 27 июня 1718 года послание было адресовано статс-секретарю по иностранным делам, кардиналу Гийому Дюбуа. Писалось оно в драматичные дни: только что в казематы Пет-

ропавловской крепости был заключен царевич Алексей, велось следствие, шаг за шагом распутывавшее сети широко-масштабного заговора против царя Петра, а на далеких Аландских островах шли тайные переговоры о мире со Швецией. Сообщал Лави и о захваченном русскими торговом корабле, идущем с грузом вина из Кёнигсберга в Стокгольм. Его отвели в Ревель, а все вино царь распорядился «подарить» главным офицерам своего флота, чтобы снабдить их запасом в плавание». И вдруг, словно бы вскользя, Лави пишет: «Госпо-

дин Кассар, бывший во Франции капитаном 1 ранга, ожидается здесь с нетерпением и поступит во флот в чине контр-адмирала».

Кассар? Не тот ли это капитан Жак Кассар, которым гордился грозный французский корсар Рене Дюге-Труен, назвавший его «самым великим моряком Франции»?

КАПИТАН КАССАР

Рассвет застал капитана Кассара на излюбленном месте – у штир-борта, возле кормы. Наблюдая за маневрами штурмана, колдовавшего над морскими приборами, корсар вглядывался в розоватый горизонт, предчувствуя скорое появление родной французской земли. Его рискованная миссия в Вест-Индии увенчалась полным успехом – величайшим в истории Франции...

Жак родился в портовом Нанте 30 сентября 1679 года. Отец, бретонский негоциант Гийом Кассар, владел небольшим торговым судном. Он скончался, когда мальчику было 10 лет. Вдова, Жанна Дуар, осталась с тремя дочерьми и сыном на руках почти без средств к существованию. Друзья семьи пристроили мальчика на рыбачий бриг, отправлявшийся на промысел к берегам Ньюфаундленда.

С тех пор Кассар не знал жизни без моря. Первая слава пришла к молодому моряку в 1697 году, после участия в корсарской экспедиции барона де Пуэнти в Картахену: Кассар командовал отрядом флибустьеров с Сан-Доминго и отличился при бомбардировке крепости. Сам король дал ему аудиенцию и назначил в Дюнкерк, откуда Кассар до самого конца Войны за Пфальцское наследство охотился за караванами противников Франции.

Новая полоса в жизни Кассара наступила с началом Войны за Испанское наследство. Блестящие военные операции следовали одна за другой: разгром английской торговой флотилии (1708), закупка хлеба в странах Леванта и сопровождение

Окончание. Начало см.:

«Русский мир.ru» №7 за 2023 год.

15 купеческих судов в охваченный голодом Прованс, отмеченное двухдневным сражением с британской эскадрой возле Бизерты (1709), конвоирование в Марсель хлебного каравана из Смирны, заблокированного британцами в Сиракузах, и захват вражеской торговой флотилии и двух военных кораблей (1710). Но военные победы не всегда сопровождались финансовыми успехами. Марсельские купцы не торопились выплачивать причитающиеся Кассару и его людям призовые деньги и обещанное вознаграждение, а судебные иски ни к чему не приводили. Столь же плачевной в материальном смысле была и операция по прорыву блокады в Каталонии, где томились войска под командованием внука короля, герцога Вандомского: Кассар истратил на нее более 200 тысяч ливров, однако ни монарх, ни принц крови возмещать расходы не стали.

Подлинный триумф ждал Кассара на исходе войны. Во главе небольшой эскадры из шести кораблей он пересек Атлантический океан, по дороге захватив порт Прая на португальском острове Сантьягу (острова Зеленого Мыса), а затем, ускользнув от британцев, добрался до центра французских владений в Вест-Индии – острова Мартиника. Здесь он получил подкрепление – 800 флибустьеров – и в июле 1712 года разорил британские Антигуа и Монтсеррат. А затем совершил рейд по владениям Нидерландов (Суринам, Саба и Синт-Эстатиус, Кюрасао), завершившийся в марте 1713-го. Его добыча оценивалась в 13,5 миллиона ливров, а нанесенный врагу ущерб – в 30 миллионов ливров. Правда, если доверять найденному нами в Национальном архиве Франции рапорту интенданта Наветренных островов Никола-Франсуа Вокрессона, командиры французских регулярных войск пересмотрели договоренности с флибустьерами и лишили их почти трети положенной им добычи.

Жак Кассар, французский корсар. Гравюра XVIII века

Как настоящий бретонец, Кассар был вспыльчив, отличался буйным нравом, привык командовать и не терпел возражений. Своих людей он держал в узде и всегда помнил, что его корсары сражаются ради денег и славы. Но, пуская кровь неприятелю во время жаркого абордажного боя, они знали, ценой каких невзгод достается морская добыча, сколько раз приходится рисковать своей жизнью. И не забывали, как мимолетна сомнительная слава вольных добытчиков, если она не подкреплена деньгами, отложенными на будущее. Иначе придет время, и недавние корсары превратятся в жалкие, искалеченные развалины, побирающиеся на паперти ради Христа. Красивые слова и рукоплескания в адрес героев морей ничего не стоили, слава их быстро рассеивалась, не оставляя ничего, кроме горьких воспоминаний.

В мае 1713 года Кассара задержали в Тулоне, как только его корабли вошли в порт. В этот момент в Утрехте шли мирные переговоры, и действия Касса-

ра посчитали пиратскими. Всем было ясно, что в море он вышел еще во время ведения войны и понятия не имел о перемирии. Потому освободили его быстро. Король Людовик XIV дал ему аудиенцию, героя произвели в чин капитана первого ранга и пожаловали орденом Святого Людовика. Вот только никаких денежных выплат из королевской казны не последовало. А дальше началась темная история с призовыми выплатами и марсельскими арматорами. По одной из версий, Кассар, всегда расплачивавшийся со своими корсарами, передал королю оставшееся золото и серебро, получив в обмен ассигнации. Богатства в его руках оказались немалые: один только денежный выкуп за Суринам составил более 8 миллионов ливров, не считая материальных ценностей и черных невольников, вывезенных из Парамарибо. Но ассигнации вскоре превратились в простую бумагу – над страной уже нависла тень банковского краха финансового афериста Джона Ло. Кассар превратился в банкрота – марсельские купцы, вложившие деньги в его карибский рейд, требовали выплатить обещанные им дивиденды. Началась бесконечная тяжба, в разгар которой Кассар получил предложение из России. Переговоры с корсаром вел агент царя Жан Лефорт, и 20 августа 1717 года в направленной регенту Филиппу Орлеанскому от русского двора грамоте была изложена просьба отпустить на русскую службу шатбенахта (младший флагман, военно-морской чин четвертого класса, соответствующий чину контр-адмирала. – Прим. авт.) Кассара. Но до Петербурга Кассар не добрался, и сведений о том, что он поступил на русскую службу, не осталось.

Судебное дело против строптивого капитана никто не отменял, обвинения в недисциплинированности, нарушении субординации сочетались с жалобами на его ужасный характер и жестокость. Марсельские торговцы предъявили Кассару иск о не-

справедливом распределении денег, полученных от продажи добычи. Все, что бы он ни делал, оборачивалось против него, о его заслугах перед страной старались больше не вспоминать. Проиграв судебное разбирательство, Кассар остался даже без пенсии. Статс-секретарь военно-морского флота граф де Морепа высокомерно бросил неслыханному корсару: «Берите свою подачку и убирайтесь вон». Гордец взорвался: «Мне ваша милостыня не нужна! Пусть король возместит мне переданные ему миллионы». После таких слов Кассар стал *persona non grata*, в Версале видеть его больше не желали. Деньги быстро закончились, и знаменитость Франции впал в нищету. Желание восстановить справедливость заставила Кассара предпринять решающий шаг. В феврале 1735 года он получил аудиенцию у первого министра, кардинала де Флери. Что на ней произошло, никто из участников никогда не рассказывал. По-видимому, холодно встреченный бретонский упрямец потерял голову и наговорил лишнего, оскорбив и министра, и правительство. Этого ему не простили: корсара объявили умалишенным и заточили в замок Гам. 21 января 1740 года он скончался.

Судьба Жака Кассара наводит на мысли, которые в научных кругах могут счесть предосудительными. Действительно, в истории не может быть сослагательного наклонения. Но есть ли хоть один историк, который не задавался бы этим вопросом: а что было бы, если бы? Так и с Кассаром. Успей российская дипломатия перехватить гордого бретонца и заполучить его на службу – и петровские планы проникновения в Восточную Индию и на Мадагаскар могли обрести отличного исполнителя! Хотя кто может сказать, что случилось бы в действительности, явись Кассар из Амстердама в Петербург. Ведь корсары – опасные и очень ненадежные союзники, привыкшие работать на того, кто больше платит.

Пират Арудж Барбаросса. Миниатюра XIX века

ФРАНЦУЗ С СЕРЕБРЯНОЙ РУКОЙ

В преданиях Средиземного моря сохранилась легенда о барбарийском корсаре Арудже, известном как Барбаросса. Во время осады крепости Бужии пушечное ядро раздробило ему руку, ее пришлось ампутировать прямо на поле сражения. Арудж едва не умер и с горя даже забросил корсарство. Однако искусные хирурги смастерили разбойнику серебряный протез на шарнирах, и с тех пор торговцы Средиземного моря не знали покоя.

Легенда о корсаре с серебряной рукой живет и на Балтике. В июле 1711 года в шведской Карлскроне во время эпидемии чумы скончался 60-летний француз Яков де Пру, биография которого не усту-

пает истории Кассара. Вот только, в отличие от своего бретонского соотечественника, на службу к царю Петру он не стремился, отдав предпочтение Карлу XII и став настоящим злым гением новой столицы России.

В России о нем знали не понаслышке. «А во флоте де морском стоит вице-адмирал, прозвище Депроу, породы французской, у которого рука левая сделана серебряная, для того что тое руку оторвало у него за многие годы гранатом», – писал русский информатор, перепутав, правда, правую руку с левой и превратив стальной механический протез в серебряный.

Гутенот де Пру, родившийся в 1651 году, служил на королевском флоте и покинул Францию после отмены Нантского эдикта. Сражаясь теперь против «короля-солнца», он перебрался в Англию, а затем осел в Швеции, женился на дочери мэра Гётеборга и вскоре уже вполне сносно изъяснялся на шведском языке. Поначалу он подвизался в пехотном полку. Но потом из-за несчастного случая потерял руку и решил, что пора вернуться к морскому делу и сражаться с режимом Людовика XIV на стороне Англии и Нидерландов в Северном и Средиземном морях. К началу Северной войны он уже был произведен в вице-адмиралы шведского флота, а в 1704 году ему поручили ответственное дело – обеспечить шведское господство в Финском заливе и нанести удар по русскому «пристанищу с превосходной кораблестроительной верфью» в устьях Невы.

В Стокгольме были крайне обеспокоены появлением здесь русской крепости. Тем более что на взморье, на острове Ретусари (Котлин), русские начали возводить форт Кроншлот (Коронный замок). В июле 1704-го шведы заполучили два небольших рукописных чертежа, снятых с Выборгской стороны шведским прапорщиком Х. Бютнером: «Чертеж Ниеншанца и заложенного ныне называемого русского Петербурга» и зарисовку форта Кроншлот. Комментируя черте-

П. Пикарт. Форт Кроншлот. Гравюра XVIII века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

жи, командующий шведскими войсками в Карелии генерал-лейтенант Майдель подчеркивал, что «Петербург очень хорошо основан и укреплен; его положение таково, что он может стать одновременно и сильной крепостью, и процветающим торговым городом; если царь сохранит его в течение нескольких лет, то его власть на море станет значительной».

После безуспешной попытки прорваться к осажденной русскими Нарве де Пру с «маленькой эскадрой» – из военного корабля, пяти фрегатов, пяти бригантин и брандера – направился к главной своей цели – «царскому замку» в устье Невы. Стоявшие перед ним задачи были сформулированы четко: «разрушить укрепления, которые враг возвел на острове Ретусари, расположенном между Ингрией и Финляндией, в 4 лье от Петербурга» и, оказав поддержку наступавшему на город экспедиционному корпусу Майделя, стереть с лица земли Петербург. Судя по официальным шведским донесениям, эскадру де Пру на подходе к Ретусари встретили семь русских фрегатов, в битве с которыми шведы во главе с одноруким французом явили подлинный героизм. Вот только это не соответствует действительности, так как на 9 июля 1704 года у России на Балтике имелся лишь один фрегат «Штандарт» и несколько десятков галер. Корабли же, упомянутые в шведских реляциях, еще достраивались и сошли со стапелей только осенью. Попахивает вымыслом и шведское описание ожесточенной битвы за Ретусари. Де Пру якобы высадил десант и атаковал неприступные позиции, пленив «многих, кто имел счастье ускользнуть от шпаги». Судя же по исследованиям Павла Кротова, отчаянная «битва за Котлин» свелась к бесплодным попыткам де Пру высажить 12 июля на остров десант, атака которого была отбита. Бомбардировка крепости также была заранее обречена: шведские корабли стояли слишком далеко от крепости и не рискнули из-за незнакомого фарватера прибли-

Корнелий
Иванович
Крюйс, адмирал,
вице-президент
Адмиралтейств-
коллегии

предоставлено М. Золотаревым

зиться к берегу. Неудачу признал и сам де Пру, в донесении посетовавший на нехватку пригодных для операции военных судов.

В июне 1705 года де Пру вновь явился к Котлину. На этот раз в составе флота адмирала Корнелиуса Анкаршерны он атаковал левое крыло русского флота и Кроншлот. Сражение было яростным, шведские корабли терпели немалый урон от русских пушек, и, по словам командовавшего Балтийским флотом вице-адмирала Корнелиуса Крюйса, «щепы от бомбардирских их судов вверх летели». Тем не менее под прикрытием корабельного огня шведам удалось десантироваться, но под натиском русских войск остров пришлось оставить. Предпринятая 14 июля попытка шведов взять реванш закончилась сокрушительным поражением: на котлинском побережье осталось несколько сотен погибших, и «неприятельских солдат не возвратился на карабли ни один человек, а на оной акции взято в полон 18 человек обер-офицеров».

В течение следующих лет де Пру командовал шведскими эскадра-

План осады
крепости
Ниеншанц
в 1703 году

предоставлено М. Золотаревым

ми на Балтике, но больших успехов не добился. В 1710 году, уже будучи адмиралом, он был направлен с большим флотом к Борнхольму для обеспечения безопасной торговли зерном между Швецией и прусскими портами и охоты за датскими торговыми судами. Успешно выполнив поставленные задачи, де Пру осенью 1710 года командовал авангардом шведского флота в сражении в Кёге-бухте. Это была лебединая песня однорукого адмирала...

БАРОН ДЕ СЕНТ-ИЛЕР

Эстафету по уничтожению Кроншлота подхватил другой французский наемник, барон де Сент-Илер, объявившийся в Стокгольме в мае 1720 года и поделившийся с королем Швеции Фредериком I своим замыслом по уничтожению внезапным ударом и Петербурга, и всего русского флота. «Предположим, сир, – писал барон, – что их (русских. – Прим. авт.) было 50 тысяч вместо 10 или 12 и что даже весь берег Ингерманландии был бы усеян войсками московитов. Разве не были бы мы все равно хозяевами моря, имея флотилию в 10 военных кораблей? И, следовательно, разве не были бы мы вольны взять его или оставить, не подвергаясь ни малейшему риску... Если бы богу было угодно... и были собраны семь или восемь тысяч человек, о которых я просил, чтобы атаковать Ратосари или Петербург, тогда бы наша кампания имела несомненно больше успеха, чем имеет сейчас».

Письмо было написано 20 июня 1720 года, в самый в разгар острейшего кризиса на Балтике. В мае британская эскадра под командованием адмирала Джона Норриса прибыла в Стокгольм, и объединенный англо-шведский флот готовился к атаке Ревеля и Петербурга. «Этот человек, – докладывал в Париж посол Жак де Кампредон, – предложил провести флот прямо к Кронштадту без всякого риска, разрушить склады, захватить крепость и после этого отправиться прямо к Петербургу,

который лишен всякой защиты». Король, по уверениям де Кампредона, рассмотрел проект Сент-Илера и «нашел его вполне осуществимым». Сент-Илер был взят на борт шведского военного корабля и в составе флота направился к Ревелю.

1 июня корабли подошли к Ревелю, и Сент-Илер вместе с командующим шведским флотом адмиралом Карлом Вахтмейстером на шлюпках осуществил рекогносцировку. Результаты ее в тот же вечер обсудил военный совет, заключивший, что атаковать Ревель с моря, не имея поддержки с суши, невозможно. Выступал на совете и Сент-Илер, обладавший неплохими познаниями в инженерном деле. Своими соображениями он поделился и с президентом шведской Адмиралтейств-коллегии адмиралом графом Клаусом Спарре: «В 200 шагах от ручья, который впадает в бухту близ монастыря Святой Бригитты, я заметил новопостроенный форт, стоящий в море на сваях на расстоянии одного мушкетного выстрела от берега, рядом с которым прошли корабль и парусная галера. Этот форт кажется оснащенным множеством артиллерийских орудий. С его левой стороны стоит пятидесятипушечный корабль, а с правой стороны – сорокапушечный прам. Корабль располагается со стороны города, а прам со стороны моря и Святой Бригитты». Не менее ценными оказались и сведения относительно устройства мола в Ревельской гавани, также были описаны окружавшие его оборонительные сооружения и крепостные батареи. «Если бы мы располагали войсками, можно было бы произвести высадку вблизи Бригитты, дабы атаковать форт, корабль и прам, стоящие с той стороны, при помощи батареи, которую можно было бы выставить на земле, или беспрестанно обстреливать их калеными ядрами и бомбами, тогда бы сподручнее было атаковать мол и Ревельскую гавань». Прошло три дня, и Сент-Илер направил письмо самому коро-

Обложка книги
«Французский
авантюрист при
дворе Петра I.
Письма и бумаги
барона де
Сент-Илера».
Составитель
И. Федюкин
(М., 2018)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лю: «Мне представляется, что, по всей видимости, варвары не совершат в этом году вторжений во владения вашего величества. Таким образом, сир, единственной целью вашего величества должен быть Санкт-Петербург, уничтожив который, вы нанесете царю большой урон, нежели захватив половину его владений. Я придерживаюсь мнения, что нужно отправить как можно больше войск для осуществления экспедиции в этом году, пока англичане с нами».

В этом Сент-Илер ошибался – формально Великобритания оставалась нейтральной. А британские офицеры не питали в отношении барона никаких иллюзий, «признавая его за дурака». Сделанные им чертежи Ревельской гавани их не убедили. Адмирал Норрис также посчитал замыслы Сент-Илера химерами, а самого барона – пустым фантазером. Да и по мнению шведов, замысел Сент-Илера «погубил бы шведский флот в гавани Ревеля, вместо того, чтобы сжечь московский». Более того, узнав о том,

что Сент-Илер пытается сбыть в Стокгольме привезенный из России груз бургундских и шампанских вин, и вовсе посчитали его тайным агентом царя Петра.

Сильно повредил репутации барона инцидент на борту британского флагмана. 1 июня туда явился с письмом от ревельского губернатора капитан-поручик Яков Саввич Барш, попутно, кстати, успешно собравший сведения о силах противника: «2 шведских адмирала – граф Вахмейстер и Спарре, у них 2 корабля по 70 пушек, 1 шутбенахт (70 пушек), 2 командорских корабля (по 70 пушек), 2 командорские по 64 пушки, 1 пинк (24 пушки 18-ти фунтовых), 1 бомбардирский корабль, 2 брандера; также ожидают из Швеции эскадру адмирала Вахмейстера (9 вымпелов). Силы англичан: адмирал Джон Норрис – корабль в 90 пушек, 2 шутбенахта (2 корабля по 80 пушек), 15 кораблей линейных (от 50 до 70 пушек), 3 фрегата новых по 36 весел, 2 бомбардирских судна, 1 брандер, 4 корабля оставлены для конвоя торговых судов в Копенгагене».

На корабле Барш узрел Сент-Илера и опознал «француза-барона», успевшего поведать англичанам, что он «был в нашем флоте шутбенахтом и академию в Петербурге привел в совершенство, и будто женился в доме кронпринцессы на знатной персоне; и объявлял им, что будто наши крепости и гавани все знает и чертежи делает, из которых он капитан-поручик и видел чертеж косе около Котлина-острова и более того шутбенахт английский смотреть его не допустил и закрыл сукном». Англичане решили навести справки, и Барш

Ревель. Гравюра
XVII века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

не преминул с гордостью поведать им, что Сент-Илер никаким «шаутбенахтом не бывал и академии не приваживал, и англичане больше поставили ему французу в дурость и в смех».

Кем же был таинственный барон? Реконструировать его запутанный жизненный путь долгое время было крайне затруднительно, но благодаря исследованиям Игоря Федюкина перед нами наконец предстала его удивительная биография. Родился Иосиф (Жозеф) Сент-Илер в мещанской семье в Тулоне в 1678 году и действительно в 1715-м женился на Кристиане Шарлотте фон Арним – любимой фрейлине кронпринцессы Шарлотты, супруги царевича Алексея Петровича. В Россию он попал, пройдя путь, достойный настоящего авантюриста. Став негодичником в Байонне, Сент-Илер попался на мошенничестве со страховками и был приговорен к галерам, но успел бежать в Испанию. Обаятельный и вызывающий доверие проходимец стал секретным агентом, исколесил с какими-то темными дипломатическими поручениями дороги между Парижем, Лиссабоном, Веной, Неаполем и Лондоном. Нередко попадая в опасные переделки, он ловко скрывался от французских спецслужб, подозревавших его в поджоге королевских арсеналов в Тулоне, внедрялся в секретные организации якобитов, скрывался в тайных убежищах в Англии, сидел в тюрьме в Неаполе, в перерывах успевая соблазнять доверчивых дам и получать кредиты. Полицейское досье могло бы выглядеть аналогично «служебной характеристике», данной Сент-Илеру агентом Лави: «умом гибок и проницателен, легко раскрывает секреты, свои и чужие, чрезмерно охоч до женского пола, чувствителен к лести и не брезгует вином».

В январе 1715 года судьба привела Сент-Илера в Россию. Пройдя выдавал себя за отменного моряка и рассчитывал получить место «генерального интенданта» царского «арсенала и флота», «для надзора за постройкой га-

Князь Борис Иванович Куракин, первый постоянный посол России за рубежом. Гравюра П. Гунста

лер на галерной верфи» с жалованьем 4 тысячи рублей в год, казенной квартирой и средствами на оплату русского и французского переводчиков. Столь странная должность ему не досталась, но, быстро став своим в Петербурге, он обрел друзей, покровителей, женился на племяннице барона Ганса Христофора фон Шлейница, русского посланника в Ганновере и Франции. Французский прожектер буквально фонтанировал «великими проектами», один из них касался создания Академии морской гвардии, регламент которой оказался фактически скопирован с французских образцов. Представив царю контракт-капитуляцию, Сент-Илер летом 1715 года был назначен директором академии. Но чиновничье рвение барона быстро сошло на нет – за короткий срок он перессорился с преподавателями академии, немногочисленными соотечественниками, петербургскими вельможами – Менши-

Адмирал флота сэр Джон Норрис. Портрет работы Г. Кнеллера. 1711 год

ков, например, угрожал побить француза палками – и, главное, довел самого царя Петра. Тот не смог больше выдерживать бесконечные скандалы вокруг директора и 12 февраля 1717 года писал из Амстердама: «барона С. Гилера, для его прихотей, отпустите, ибо мы надеемся на его место сыскать здесь другого».

Летом 1717-го Сент-Илер покинул Россию и, поездив по европейским странам, остановил свой выбор на Швеции. Но и Россию из виду не терял. 10 февраля 1721 года он решил сорвать куш на тайных переговорах между Петербургом и Стокгольмом, поделившись в письме русскому послу в Нидерландах князю Борису Ивановичу Куракину своими новыми грандиозными замыслами: «Я нисколько не сомневаюсь, что вашему превосходительству известно, что я перебрался из Голландии (где я был в прошлом году) в Швецию и что этот поступок может легко заставить подумать, будто я окончательно выступил против его царского величества. Милости, которые я получал от этого великого монарха, и те, которые я теперь получил от его величества короля Швеции, преисполнили меня стремлением к правде и справедливости, и дабы выразить им обоим мою искреннюю признательность, я придумал, как составить проект, который дал бы способ привести их к миру, что будет отвечать их взаимным интересам».

Действительно, почему бы и нет? Ведь так хорошо познавший природу Московии барон мысленно уже рисовал радужную картину того, как ловко он наживется на своем «проекте». Вот только следовало бы также приложить к посланию Куракину и написанные Сент-Илером в 1720 году королю Фредерику письма с планами уничтожения столицы России – вот тогда «проект» выглядел бы еще более полновесно!

Куракин не ответил на послание барона, и больше имя Сент-Илера в документах не встречалось. 📌

О. Верне.
Автопортрет.
1835 год

ТАЙНАЯ МИССИЯ ОРАСА ВЕРНЕ

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

В ТОМ, ЧТО ХУДОЖНИКИ – НАТУРЫ ТОНКИЕ И ТВОРЧЕСКИЕ, НИКТО НЕ СОМНЕВАЕТСЯ. НО ИНОГДА ОНИ ОБЛАДАЮТ И ДРУГИМИ ДОСТОИНСТВАМИ. К ПРИМЕРУ, ВЫДАЮЩИМИСЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИМИ КАЧЕСТВАМИ. ТАК, ПИТЕР ПАУЛЬ РУБЕНС ПРОСЛАВИЛСЯ НЕ ТОЛЬКО КАК ГЕНИАЛЬНЫЙ ЖИВОПИСЕЦ, НО И КАК НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ ДИПЛОМАТ, ВЫПОЛНЯВШИЙ ВАЖНЫЕ МИССИИ В ГОДЫ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ. «РУБЕНСОМ XIX ВЕКА» НАЗЫВАЮТ ИЗВЕСТНОГО ХУДОЖНИКА-БАТАЛИСТА ОРАСА ВЕРНЕ. ОН БЫЛ ЛЮБИМ В РОССИИ И ПО ПРИГЛАШЕНИЮ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I РАБОТАЛ В НАШЕЙ СТРАНЕ. А КОРОЛЬ ЛУИ-ФИЛИПП ПОРУЧИЛ ХУДОЖНИКУ НЕГЛАСНУЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКУЮ МИССИЮ: ПОПЫТАТЬСЯ НОРМАЛИЗОВАТЬ НЕПРОСТЫЕ ФРАНКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ.

ДЕЛО В ТОМ, ЧТО ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ КРАЙНЕ НЕГАТИВНО ОТНОСИЛСЯ К французской Июльской революции 1830 года, которая привела к власти короля Луи-Филиппа Орлеанского. Русский самодержец считал его «узурпатором трона» и никогда не называл «государь, брат мой», как того требовал монарший этикет. Понятно, что контакты между странами были ограничены; Николай I не любил, чтобы его подданные посещали Францию, особенно Париж. Да и иностранцам было не так просто попасть в Россию: говоря словами шефа Третьего отделения генерала Александра Христофоровича Бенкендорфа, император опасался «тлетворного влияния Запада». Однако при всем своем негативном отношении к «фальшивой» Июльской монархии к самой Франции, ее истории и культуре государь относился с большим уважением. Кроме того, для него было важно мнение Европы, он хотел прослыть меценатом и покровителем искусств. Кстати, он неплохо разбирался в искусстве и покровительствовал талантам, не смешивая политику и культуру или, скорее, используя искусство в целях прославления России. Поэтому в царствование Николая Павловича в нашей стране трудилось немало французских ученых, живописцев и архитекторов.

АФРИКАНСКИЕ ПУСТЫНИ И РУССКИЕ РАВНИНЫ

По приглашению императора Эмиль-Жан-Орас Верне (1789–1863), главный батальный живописец короля Луи-Филиппа Орлеанского и одновременно убежденный бонапартист, дважды побывал в России – в 1836-м и в 1842–1843 годах.

Имя художественной династии Верне было давно известно в России. Дед художника, пейзажист Жозеф Верне, был одним из любимых живописцев русской аристократии, его работы коллекционировали Екатерина II, Павел I и Александр I. Французским био-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

графом художника была подмечена любопытная деталь: коренной парижанин, родившийся в апартаментах деда-художника в Лувре, Орас Верне видел либо российские степи и заснеженные равнины, либо бескрайние африканские пустыни. Его привлекали контрасты, а в его сердце царили Россия и Африка. Алжир стал главным колониальным завоеванием Луи-Филиппа, и Верне написал много батальных картин, посвященных пребыванию французов в Северной Африке.

А еще художник прославился своими картинами для Галереи Славы Версальского музея. После Революции конца XVIII века Версаль был заброшен, но Луи-Филипп, придя к власти, захотел превратить его в национальный музей Франции и в 1837 году устроил там Галерею Славы, воспевающую все главные битвы французской истории.

В Парижском салоне 1836 года Верне выставил четыре свои работы, для которых уже было подготовлено место в Галерее Славы. Казалось, перед художником открывались блестящие перспективы: он мог стать главным баталистом короля, тем более в условиях набравшего обороты культа Наполеона I. Но Верне неожиданно уезжает в Россию. По общепринятой версии, художник разошелся во взглядах с Луи-Филиппом: он не согласился с трактовкой королем сюжета кар-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тины «Осада Валансьена». Живописец отказался изобразить Людовика XIV во главе штурмовой колонны, так как посчитал недопустимым искажать историю: ведь «король-солнце» не принимал участия в осаде. Когда один из придворных заметил: «Король вам за это платит, делайте то, что хочет король», Верне якобы ответил: «Мне не платят за ложь».

Но все же визит Верне в Россию вряд ли был спонтанным: Николай Павлович уже давно выражал желание видеть художника в Петербурге. При посредничестве русского дипломата, миллионера и мецената Анатолия Демидова

О. Верне.
Конный портрет
Луи-Филиппа
(1773–1850),
будущего герцога
Орлеанского,
в мундире
генерал-
полковника
гусар.
1824 год

О. Верне. Осада
Константины
10 октября
1837 года.
1838 год

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ КОРОЛЯ

Уже в ноябре 1836 года художник получил письмо от одного из своих петербургских знакомых: «Возвращайтесь! Отовсюду я слышу только один вопрос: «Вернется ли Верне?» Однако визит в Россию пришлось отложить: в 1837 году художник устремился в Северную Африку, где французские войска взяли алжирский город Константину. Луи-Филипп поручил Верне к 1 января 1842 года написать несколько эпизодов из истории взятия Константины для Версальского музея. Едва закончив работы, 1 июня того же года художник сел на корабль в Гавре и через десять дней прибыл в Петербург. Так начался его второй визит в Россию.

Однако, едва прибыв в Петербург, Верне был вынужден покинуть Россию: 13 июля 1842 года, в тот самый день, когда живописец присутствовал на императорском празднике в Петергофе, в Париже произошла трагедия. В результате дорожного инцидента погиб старший сын короля, наследник престола герцог Фердинанд-Филипп Орлеанский. Верне решил незамедлительно ехать во Францию.

Именно во время встречи с королем, которая состоялась 9 августа,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Э. Росси. Анатолий Николаевич Демидов. Акварельный портрет. 1840 год

Луи-Филипп, по словам Верне, решил поручить ему неофициальную дипломатическую миссию в России. Вероятно, для того, чтобы найти подход к российскому государю, нужен был «посол» несколько иного рода, нежели кадровый дипломат. Тем более что после дипломатического инцидента 1841 года (из-за Восточного вопроса отношения России и Франции обострились. В 1841 году посол России во Франции граф П.П. Пален, не поздравив короля с Новым годом, покинул Париж. В ответ поверенный в делах Франции в России Казимир Перье получил приказ не поздравлять императора Николая I. – Прим. ред.) интересы двух стран представляли поверенные в делах.

К тому же Луи-Филипп прекрасно знал о трепетном отношении Николая I ко всему связанному с военной славой и о том, как он уважал память императора Наполеона I. Поэтому кандидатура художника-баталиста Ораса Верне, командора ордена Почетного легиона, вполне подходила для восстановления контактов с русским двором. Вскоре после встречи с королем Верне покинул Париж и уже 20 августа находился в Копенгагене – на пути в российскую столицу, куда прибыл, вероятно, в начале сентября.

ПИСЬМА ЛУИЗЕ: ВОСТОРГИ И...

О пребывании художника в Петербурге нам известно из его писем жене Луизе. Это не интимная семейная переписка, а настоящая хроника событий, глубокий и внимательный анализ различных аспектов жизни не только петербургского, но и в целом российского общества. Вероятно, эти письма были адресованы не только и не столько супруге, сколько королю Луи-Филиппу или, по крайней мере, его ближайшему окружению. А с учетом того, что переписка подвергалась перлюстрации российскими властями (Верне прекрасно знал об этом), можно предположить, что еще одним адресатом писем являлся сам Николай I: таким образом художник мог доне-

О. Верне. Король Луи-Филипп в окружении своих пяти сыновей покидает Версальский дворец после военного парада 10 июня 1837 года. 1846 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

сти до государя позицию французского правительства.

По прибытии Верне сразу был принят Николаем Павловичем, о чем поспешил сообщить жене: «Я видел императора, принявшего меня с неизменной сердечностью». Верне была оказана огромная честь: живописцу было предложено сопровождать императора в путешествии по России с его ближайшим окружением – графом Алексеем Федоровичем Орловым и генерал-адъютантом Владимиром Федоровичем Адлербергом. Накануне поездки Верне писал жене: «Предстоящее путешествие весьма для меня интересно. Шесть недель я буду неотступно, буквально каждую минуту, при Великом Человеке,

и, конечно, не обойдется без частых и продолжительных разговоров о взаимном сближении, которого мы все желаем. Я в это верю, потому что общественное мнение к этому вполне готово, и каждый желает видеть Францию, сблизившуюся с Россией. Надо только убедить императора в том, что его дальнейшее сопротивление будет воспринято всем светом как упрямство. Слова короля, которые я остерегусь передавать сразу, вселяют в меня надежду на успех».

При этом Верне подчеркивал, что Европа имела весьма смутные представления о России и ее императоре: «...Еще раз повторю свое давнее убеждение: Европа глубоко заблуждается относи-

Граф Алексей Федорович Орлов. Гравюра П.Ф. Бореля. 1860-е годы

Генерал-адъютант Владимир Федорович Адлерберг

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

О. Верне.
Инвалид,
подающий
прошение
Наполеону
на параде
гвардии
перед дворцом
Тюильри
в Париже.
1838 год

ремены, осуществлявшиеся в стране под эгидой императора: «...у меня нет никакого сомнения в том, что создаваемые правительством учреждения, несмотря ни на что, способствуют прогрессу». Причем, по его словам, «все, что делается без участия общественного мнения, а лишь по воле одного человека, прекрасно организовано. Армия, школы, больницы приведены в образцовый порядок, и в них даже видна некоторая роскошь».

Хотя, отмечал художник, такой порядок наблюдался далеко не везде. В одном из писем он сообщал, что если «во Франции все зависит от совокупности желаний всех, то здесь все направлено на исполнение воли одного человека, и невозможно, чтобы было как-то иначе, ведь Россия – это, так сказать, постепенно рассеивающийся хаос».

Как и многие его соотечественники, Верне подчеркивал военнизированный характер преобразований: «Здесь свобода вводится через армию. Каждый солдат становится свободным человеком, а его дети получают образование и достигают унтер-офицерских чинов...» При этом военная мощь России его пугала: «Этой громадной армии когда-нибудь понадобятся враги, и чем больше завоеваний она сделает, тем больший страх будет вызывать Россия у других стран».

И, что особенно важно, Верне полагал, что преобразования – сплошные «потемкинские деревни». Это словосочетание прочно засело в сознании французов, хотя современные историки считают, что «потемкинских деревень» на самом деле как раз и не было, это был миф, сформированный иностранцами. Посетив «заведения для ремесленников, лесников и т.п.», художник пришел к выводу: «...и здесь одна пустая видимость: огромные здания, множество начальства, палочная дисциплина. Результаты на первый взгляд недурны, но, по сути дела, ничего для людей, и все заранее съедается коронными привилегиями».

тельно характера Его Величества <...> Как я уже писал, мне довелось увидеть здесь удивительные вещи, о которых во Франции не имеют ни малейшего представления».

Помня, что его письма подвергаются перлюстрации, Верне не переставал восхищаться Николаем Павловичем. Он писал жене: «Сам император, как всегда, является собой образец совершенной красоты. Что я сделал для него? Пока еще совсем ничего, а он тем не менее обходит со мной так, словно сам обязан мне, да еще и почитает меня равным среди всех окружающих его персон! <...> я испытываю к нему чувство почтительного восхищения».

...КРИТИКА

Правда, в письмах Верне присутствовали не только восторги: «Я отдаю ему справедливость – это человек необыкновенный, но все-таки еще далекий от совершенства. Он обладает всем, чтобы завоевать сердца людей независимых; но, когда у него есть хоть наималейшая власть, жестокость его такова, какой я не встречал ни у одного человека». Но, подчеркивал художник, «для поддержания всеобщего повиновения он и не может вести себя иначе». Верне связывал это обстоятельство с особенностями русского характера: «Русские во всех слоях общества настолько склонны к беспечности, что их можно сдерживать только страхом. Если русский не дрожит от страха – это самый ничемный человек в свете».

При этом беспечность у русских, по мнению Верне, сочеталась с высшей степенью терпеливости. Как-то художник присутствовал на больших маневрах: «...невозможно представить страдания несчастных солдат. На другой день лес был буквально устлан этими бедолагами, валявшимися прямо в грязи, без сил хотя бы пошевелить рукой или ногой. Даже офицеры, почти все пораженные дизентерией, являли собой удручающе безропотное повиновение. Ни единой жалобы!»

Что касается развития России, то Верне отмечал большие пе-

О. Верне.
Царскосельская
карусель. Семья
императора
Николая I
в маскарадных
костюмах.
1843 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

РУССКАЯ ЗИМА И БЕЛЫЕ НОЧИ ПЕТЕРБУРГА

Между тем приближалась зима. Неофициальная дипломатическая миссия Верне не задалась, да и сам он не видел перспектив для сближения между двумя странами. Более того, посетив французское посольство, он стал свидетелем антирусских настроений, о чем сообщал жене 29 октября 1842 года: «Вчера обедал в посольстве в весьма узком кругу; там радуются статьям против России в *Journal des Débats*...» Император, по словам художника, также не проявлял никаких намерений к сближению: «...Судя по тому, что здесь делается согласно высшей воле, наш добрый король пошутил со мной, поручив передать (Николаю I. – Прим. авт.) прекрасные слова».

Художник жаловался жене: «Иногда мне хочется взять ноги в руки, ведь в конце концов то, чем я здесь занимаюсь, можно делать и в Париже; но оставить так внезапно императора, который так добр ко мне, было бы почти неблагодарностью». Поэтому зиму он решил провести в Петербурге. Возможно, именно дипломатические поручения Луи-Филиппа вынудили Верне остаться в России. Не менее весомой причиной была щедрость Николая I и придворного окружения, а также вероятность получения новых заказов. Действительно, император и петербургская знать завалили живописца заказами. Верне писал для Николая батальные картины, дворцовые и гвардейские сцены, делал эскизы трех коронаций – императоров Павла I, Александра I и Николая I.

Из прелестей русской зимы Верне понравились лишь сани, а общее впечатление было таковым: «Черт бы побрал этот север и этих мужиков! <...> У меня только одно желание – вернуться домой».

Однако настал февраль, световой день увеличился, и художник мог много работать.

Штурм Варшавы
в 1831 году.
Взятие
укрепления Воли.
Гравюра
с картины
О. Верне

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

6 февраля 1843 года он писал супруге: «Милый друг, наконец-то я снова счастлив – уже можно писать по шесть часов! Приятно смотреть даже на испачканные краской руки, это ведь не грязь». А дальше в тексте содержатся слова, выражающие то ли сознательное отношение к русским, то ли провокацию или трансляцию стереотипов: «Но все-таки я не решаюсь ездить в свет, не помывшись; медведи еще не настолько цивилизованы, чтобы с уважением относиться к неопрятности работника».

Наступила весна, а вслед за ней и знаменитые петербургские белые ночи, но и они не пришлось по душе художнику: теперь он не мог спать.

СВОЕНРАВНЫЙ ХУДОЖНИК И ВЕЛИКОДУШНЫЙ ИМПЕРАТОР

Как уже было сказано, Верне отказался пойти на компромисс с собственной совестью при создании работы «Осада Валансьена». Художник проявил независимость и в отношениях со своим новым щедрым покровителем, когда Николай I предложил ему написать картину на сюжет взятия Варшавы. А мы знаем, какой интерес и симпатию французы демонстрировали тогда к полякам и сколько проблем поляки доставляли Николаю.

Речь шла о взятии варшавского предместья Воля во время подавления восстания в 1831 году. Штурм продолжался два дня и стоил русским 539 офицеров

О. Верне.
Мастерская
художника.
1822 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и 10 тысяч солдат, выбывших из строя. Поляки потеряли убитыми и ранеными до 7800 человек, 3 тысячи были взяты в плен.

Верне ответил императору так: «Почему бы и нет, Ваше Величество, – разве я не батальный художник? К тому же мне пришлось изображать мучеников, а совсем недавно и страдания самого Христа среди его палачей». Однако работать над картиной он начал только в 1847 году, а в Петербург она была отправлена в июле 1849 года. Картина была размещена в одной из комнат Зимнего дворца рядом с Александровским залом, а в 1854 году украсила Фельдмаршальский зал. Ораса Верне император удостоил личным письмом: «...вы остаетесь на стороне побежденных. В сей великолепной композиции русские показаны победителями, но главная и прекрасная роль отдана полякам, они изображены героями и мучениками. Однако я не в обиде и надеюсь в скором времени снова видеть вас в России, где вы всегда будете первым моим живописцем». Более того, за эту картину Николай наградил художника орденом Святого Владимира 3-й степени. Сегодня картина находится в Государственном Эрмитаже, но, к сожалению, посетители не могут ее видеть, поскольку с 1917 года полотно хранится закатанным на вал.

ЛИЦЕМЕРНЫЙ ЖИВОПИСЕЦ

В свой второй приезд Верне получил и другие награды: за картину «Царскосельская карусель», хранящуюся ныне в Государственном музее-заповеднике «Царское Село», он удостоился алмазных знаков ордена Святой Анны 2-й степени, а также получил множество подарков, в том числе рысак с санями и яшмовую чашу. Однако, несмотря на щедрые подарки и милость императора, Верне уезжал из России с облегчением. 20 мая он писал Луизе: «О! Как жаль, что я не медведь! Эти существа знают свою страну и как в ней приспособиться: спят по полгода и сосут лапу, а живут только в остальные шесть меся-

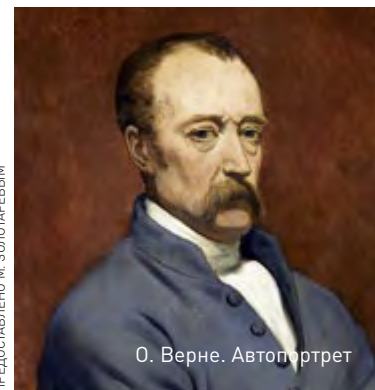
цев. Но мы-то люди, и что нам здесь делать? Нет, нет и тысячу раз нет – никакой цивилизации никогда не будет в этом гнусном месте. Самое большее, она может некоторое время прикидываться, будто существует здесь». Характерно, что лошадей он решил везти в Париж. Взял с собой и кучера, иронично сообщая жене: «...если он надоест нам, мы его съедим...»

Последнее письмо Верне из Петербурга помечено 23 июня. Вероятно, в течение месяца после этого он покинул российскую столицу. С Николаем I он встретился еще раз в Лондоне, в 1844 году, во время неофи-

О. Верне.
Портрет
императора
Николая I

О. Верне.
Крымская война.
Взятие Малахова
кургана
французскими
войсками
8 сентября
1855 года.
1855–1860 годы

О. Верне. Автопортрет

циального визита государя к королеве Виктории.

И еще один раз Верне оказался в России. С июня по август 1854 года художник был с французской армией в Варне, а затем направился в Крым, чтобы присутствовать при осаде Севастополя. Решающего штурма он не дождался: 63-летнему художнику было тяжело переносить тяготы полевой жизни. Однако этим сюжетам он посвятил несколько полотен.

...Верне-художник оставил Николаю I целую галерею картин, воплощавших апофеоз императорской России. Можно сказать, что за время пребывания в России он создал настоящий «двойной портрет» императора Николая и двора. Первый – это портрет живописный; второй – субъективный политический образ государя, его окружения, а также в целом России, зафиксированный в письмах художника.

Выполнил ли свою неофициальную миссию Верне-дипломат? Вероятно, нет, ведь даже поговорить с императором «о деле» художнику так и не довелось. Кроме того, на Николая I трудно было оказывать влияние, все решения он всегда принимал единолично. Другое дело, что с середины 1840-х годов прежняя нетерпимость к Июльской монархии и Луи-Филиппу у Николая Павловича в определенной мере ослабла. Однако вряд ли в этом была заслуга художника. Но именно Орас Верне, на мой взгляд, создал лучший портрет императора Николая I, хранящийся ныне в Государственном Эрмитаже. ■

РЕЗИДЕНЦИЯ ТРЕХ ИМПЕРАТРИЦ

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«МЫ ЖИВЕМ ХОТЬ И В СЕЛЕ, НО В ЦАРСКОМ», – ГОВОРЯТ ЖИТЕЛИ ЗНАМЕНИТОГО ПРИГОРОДА ПЕТЕРБУРГА. ГОВОРЯТ, КОНЕЧНО, КОКЕТЛИВО, ЛОЖНО СКРОМНИЧАЯ. ЖИТЬ В ПУШКИНЕ, В МЕСТЕ, НАД АРХИТЕКТУРНЫМ ЛАНДШАФТОМ КОТОРОГО ТРУДИЛИСЬ ТРИ РУССКИЕ ЦАРИЦЫ, ГУЛЯТЬ В ЧУДЕСНЫХ ПАРКАХ, ЛЮБОВАТЬСЯ ВЕЛИКОЛЕПНЫМИ ДВОРЦАМИ И ПАВИЛЬОНАМИ – ЭТО ВСЕ РАВНО ЧТО ВЫТЯНУТЬ СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ. КАЖДАЯ ПРОГУЛКА ЗДЕСЬ СТАНОВИТСЯ НЕПОВТОРИМОЙ, ВЕДЬ ЦАРСКОЕ СЕЛО – ЭТО НЕВЕРОЯТНЫЙ АТТРАКЦИОН СМЕНЫ ПРОСТРАНСТВ И ВПЕЧАТЛЕНИЙ, ЗДЕСЬ СМЕШАНЫ АРХИТЕКТУРНЫЕ СТИЛИ, ЭПОХИ, КОНЦЕПЦИИ. КАЖДЫЙ НАЙДЕТ ЗДЕСЬ ЧТО-ТО СВОЕ, К ЧЕМУ ЗАХОЧЕТСЯ ВОЗВРАЩАТЬСЯ ВНОВЬ И ВНОВЬ.

ПОЧЕМУ **ВООБЩЕ** Царское Село? Ответ кажется очевидным. Цари жили, вот и пошло. Однако не все так просто. Здесь мы имеем дело с примером весьма затейливой топонимики. Будь это место пусто, когда Петр I отвоевал его обратно у шведов, едва ли оно полу-

чило такое незатейливое буквальное название. Но земля эта была с историей, а уж история, куда нужно, туда и вывернула. Когда-то земли эти относились к владениям Великого Новгорода. В XV веке здесь находилось поселение Сарица, основными жителями которого помимо славян были финские народности ижо-

ры и воть. А это название, в свою очередь, произошло от финского топонима Саари, что значит «вышепность земли».

Когда в 1617 году после Столбовского мира эта территория отошла Швеции, став частью Ингерманландии, ее стали называть «Сааримойс» (Саарская мыза) и «Сарицгоф». А присматривали

за мызой высокопоставленные шведские сановники, приближенные к королю. В 1702 году, после одной из первых побед в Северной войне, эта территория перешла под контроль России. Петр I поручил приглядывать за приобретениями Александру Меншикову. Часть возвращенных земель, Ямбург и Копорье, император даже пожаловал товарищу в собственное владение, а вот Сарскую мызу он позже подарил Екатерине Алексеевне. Будущая императрица в тот момент еще не была венчанной супругой монарха, но уже родила ему дочерей. 24 июня 1710 года Меншиков уведомил копорского коменданта Лариона Думашева: «Отдать Катерине Алексеевне в Копорском уезде Сарскую и Славянскую мызы с принадлежащими к ним деревнями, со крестьяны и со всеми угодьями». Усадьба к тому времени состояла из деревянного господского дома

Памятник главному придворному архитектору эпохи Елизаветы Петровны был установлен в Царском Селе лишь в 1991 году

на шесть светлиц, сада, хозяйственных построек, служительских домов и всяких «заводов», а площадь ее превышала полсотни десятин. Вовсе не сразу здесь занялись перестройкой – в то время активно благоустривался Екатерингоф. Но кое-что потихоньку делалось и на мызе. Служилый люд прибывал, деревни разрастались, в 1716 году была построена деревянная Успенская церковь: Сарская мыза превратилась в Сарское Село. А где церковь, там и дворец. В 1718 году заложили первый камень будущих двухэтажных «палат о шестнадцати светлицах». А в 1720 году появилась ведущая ко дворцу Передняя (позже Садовая) улица. И село из Сарского стало Царским. Так в топографической истории известного нынче на весь мир пригорода Санкт-Петербурга была наконец поставлена точка. Или, скорее, восклицательный знак.

**АНАНАСЫ
БЕЗ ШАМПАНСКОГО**

Впрочем, в Петровскую эпоху еще ничего не указывало на будущую пышность Царского Села. Да, буквально на первом этапе благоустройства была определена композиция будущего блистательного парка, был заложен и потенциал для грядущих невероятных преобразований, но при Екатерине Алексеевне все было более чем скромно.

Небольшой двухэтажный дворец в голландском стиле, спроектированный Иоганном Браунштейном, скорее, напоминал деревенский коттедж. Да и само строительство его велось весьма экономно. Средства сэкономили не только за счет простоты оформления фасадов и интерьеров, но и благодаря развитию местного производства. В 1717 году в Царском Селе были открыты кирпичные заводы. Затем было налажено изготовление изразцов. Сначала предприятие работало по контракту с иностранным мастером Угонтом. Но так как он обязался обучить этому искусству русских рабочих, то скоро ведущим специалистом стал кузьминский крестьянин Лукоянов. Кроме того, мастера в дворцовой слободе ткали сукно, плотно, скатерти и салфетки.

Что до внешнего благоустройства, то, конечно, по моде того времени при дворце разбили небольшой регулярный сад с прямыми как стрелы аллеями, выкопали пруды строгой геометрической формы. Однако большую важность для хозяйки усадьбы вскоре приобрели огороды с теплицами. Как женщина простого происхождения, Екатерина Алексеевна тяготела к земле. В Царском Селе она нашла себя в искусстве выращивания ананасов.

Вообще, культивировать ананасы в России начали с подачи Петра I, а он эту моду перенял у голландцев. Если в Голландии могли успешно выращивать сочные плоды в оранжереях, чем хуже северный Петербург? Идея императора оказалась пророческой: к 1740-м годам уже многие петербургские вельможи разво-

Здания Адмиралтейства издали напоминают маленькие средневековые замки

дили диковинные фрукты в своих садах, еще позднее появились предприятия, выращивающие ананасы на продажу, причем существенная часть урожая часто шла на экспорт. Этот сельскохозяйственный тренд продержался более столетия, только во второй половине XIX века он пошел на спад. Екатерина Алексеевна одна из первых достигла в своем ананасовом искусстве больших успехов. Потом ее дело продолжит уже Екатерина II. При ней выращенные в царскосельских оранжереях ананасы будут продаваться в соседних деревнях. А сама царица полюбит лакомиться щами с квашеными ананасами.

РОСКОШЬ И ВЫДУМКА

В 1728 году по завещанию Екатерины Алексеевны Царское Село унаследовала ее дочь – цесаревна Елизавета Петровна. До ее восшествия на престол поместье оставалось скромной усадьбой. В дворцовой слободе появилась еще лишь каменная Знаменская церковь. Но стоило Елизавете стать императрицей, она развернулась здесь во всем своем блеске. Дочь Петра, как известно, нраву была веселого, очень любила жизнь и всегда стремилась превратить ее в праздник, не мыслила свое существование без балов, нарядов, маскарадов и гуляний.

Китайская тема в архитектуре вошла в моду при Екатерине II

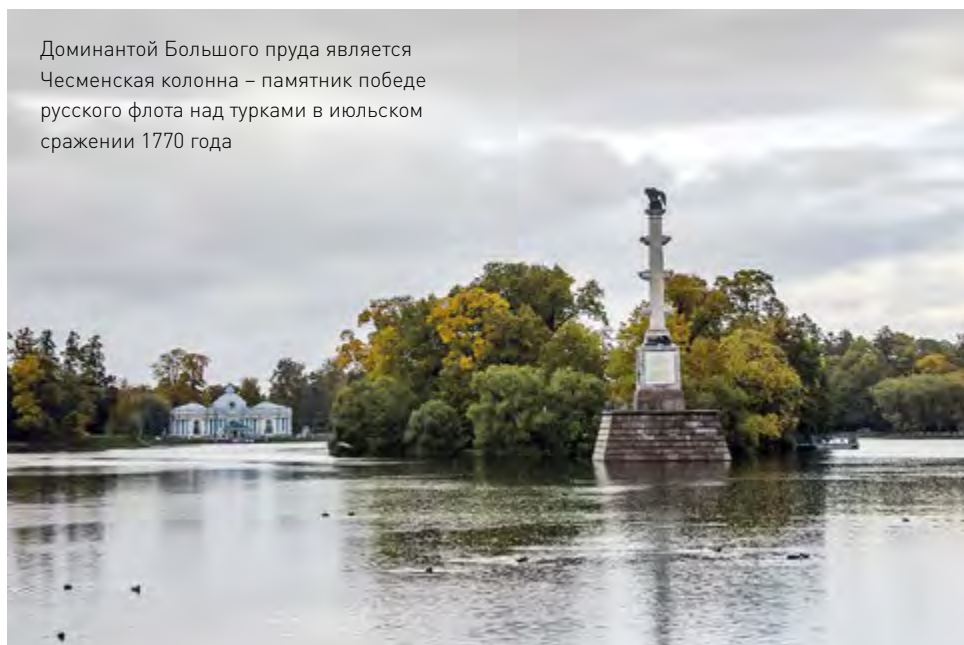
Новая правительница ценила во всем красоту, изящество и пышность. С ее правлением в Россию пришел стиль барокко. В 1742–1761 годах для украшения парка и перестройки царскосельских палат в роскошный дворец Елизавета Петровна привлекла лучших архитекторов – Земцова, Квасова, Трезини, Чевакинского, Растрелли, садовых мастеров Жирара, Шредера, Кондакова. В 1740–1750-х годах в Царском Селе расшири-

ли Старый сад, распланировали Новый сад и возвели парковые павильоны. На композиционной оси по разные стороны дворца построили парковые павильоны Эрмитаж и Монбизу («Мое сокровище»). Последний до наших дней не сохранился, на его месте в XIX веке появился Арсенал. А великолепием первого мы можем восхищаться до сих пор. Небольшой голубой павильон с диагональной планировкой,

Камеронова галерея выглядит монументально и строго, внутри – бюсты философов, которых выделяла просвещенная императрица

украшенный колоннами с позолоченными капителями и увенчанный серебристо-белым куполом, похож на отдельный дворец. Он, словно крепость, окружен рвом, механические мосты через преграду всегда готовы подняться и отрезать путь в него. Но это было сделано не для обороны, а для увеселения публики. Павильон изначально был задуман как аттракцион «Метаморфозы». Во времена Елизаветы мосты поднимались, когда гости уже оказывались на острове, создавая, во-первых, атмосферу веселой суматохи, а во-вторых, даря попавшим в ловушку время поразмыслить о вечном. Противоречиво, конечно. Но не так ли и в жизни? Сначала человек куда-нибудь спешит, а после смиряется и давай философствовать. Здесь философствовать было нетрудно. Ранее на куполе возвышалась скульптура «Похищение Прозерпины», символизирующая смену времен года и вообще цикличность всего в природе и мире. Но стоит человеку найти какой-нибудь выход (или вход, как в случае с павильоном), вся философия обычно снова

Доминантой Большого пруда является Чесменская колонна – памятник победе русского флота над турками в июльском сражении 1770 года

летит к чертям. Попадая внутрь Эрмитажа, гости поднимались на подъемных платформах в огромный и пустой зал. Взгляды их устремлялись вверх, все любовались плафоном, расписанным Джузеппе Валериани, на котором Юпитер и Юнона приглашают олимпийцев на роскошный пир. И тут же – гости не успевали и ахнуть – картина претворялась в жизнь: из-под пола выдвигались пять богато сервированных столов с яствами и напитками. После ужина столы вновь опускались вниз, и зал превращался в пространство для танцев. Уставшие от музыки и плясок уединялись в галереях и кабинетах, вновь настраивавших гостей на философский лад. Круг замыкался. Если так сложно и оригинально был устроен всего лишь один из летних павильонов, можно представить, что сотворила Елизавета Петровна с большим дворцом. Да что воображать, сегодня каждый имеет возможность увидеть все своими глазами. Дворец, конечно, подвергался переделкам и позже, во времена Екатерины II, но основную работу по превращению «палат о шестнадцати светлицах» в архитектурное

Эрмитаж – павильон метаморфоз, гости предавались здесь сначала забавам, а затем размышлениям

чудо проделала все же Елизавета Петровна. Внешне дворец и сегодня выглядит так же, как в середине XVIII века. Хотя тогда такое оформление фасада было почти вызовом. Праздничное сочетание небесно-голубого и белого с золотым считалось довольно дерз-

ким, а обилие декора вызывало не только изумление, но и ропот. А масштаб? Протяженность анфилады в 325 метров равнялась длине всего здания. Парадные залы с огромными сквозными окнами поражали воображение. Посещавшие Царское Село российские сановники и иностранные гости находились в состоянии потрясения: от самого дворца, от всего дворцово-паркового ансамбля, от чудесных садов и прудов, от размаха увеселений и оригинальности выдумок. Множество самых высоких похвал оставил делу Елизаветы Петровны в Царском Селе русский гений Михаил Ломоносов. «Как есть ли зданиям прекрасным умножить должно звезд число, созвездием являться ясным достойно Сарское Село», – писал он в одной из своих од, посвященных императрице. А что же интерьеры дворца? Они в полной мере отражали веселый уклад жизни императрицы и ее приближенных. В центральной части здания находились, да и сейчас находятся, парадные залы – огромные, богато декорированные пространства. В них проходили балы, торжественные приемы, светские

Несокрушимый герой на фоне могучего дерева

рауты. Голова здесь кружилась, однако, не только от танцев и близости к царственной особе, но и от роскошного убранства. Стены щедро, до чрезмерности, декорированы резьбой, покрытой сусальным золотом, пол выложен наборным паркетом, потолки расписаны плафонами Валериани и Перезинотти. И все это великолепие обито солнцем, врывающимся в залы сквозь огромные окна, между которыми установлены зеркала, отражающие и свет, льющийся из окон, и блеск золоченой резьбы. Зеркала еще больше раздвигают пространство, создают иллюзию бесконечности.

Самый впечатляющий зал дворца – Большой, он же Тронный. Его площадь около тысячи квадратных метров! Над головой – грандиозная роспись, изображающая в аллегорической форме триумф Российского государства. Плафон этот, созданный Валериани, позже был заменен Екатериной II, и это спасло его от полного разрушения в XX веке. Боковые композиции плафона Валериани, прославляющие победы и мир, были после Великой Отечественной войны найдены в хранилище Михайловского замка, а центральная часть была восстановлена командой

Турецкая баня – павильон, возведенный уже при Николае I в честь победы в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов

реставраторов, возглавляемой Яковом Казаковым.

Иде танцы, там и пир. Особый интерес во дворце представляют Кавалерская и Парадная столовые. Обе они находятся по разным сторонам от Парадной лестницы. Кавалерская столовая свое название получила благодаря тому, что здесь устраивались ужины для кавалеров орденов Святого Георгия, Андрея Первозванного и Святого Владимира. Изображения этих орденов украшали заказанные позже Екатериной II орденские сервизы. Белая парадная столовая интересна своим охотничьим интерьером. Главное здесь – это натюрморты Иоганна Гроота. Сегодняшних трепетных посетителей натуралистичность трофеев в виде подстреленных птиц и зайцев, пожалуй, может и смутить. А вот Елизавета Петровна была страстной охотницей, и подобная живопись была ей по вкусу. Любопытен и ассортимент блюд, подававшихся в этой столовой. Кажется, их названия тоже по нынешним временам не особенно аппетитны, но как минимум оригинальны. Чего только стоит кабанья голова в глинтвейне, вываренная мед-

Мода на египетский стиль только зарождалась в конце XVIII столетия и внушительных следов в Царском Селе не оставила, разве что появилась здесь небольшая пирамида

вежья лапа, бычьи глаза в соусе «поутру проснувшись», рагу из лосиных губ, жареная рысь. Такое вот тонкое изящество, такое вот барокко, на которое неизменно указывали сложная драпировка скатертей и утонченный цветочный декор. Столовую обслуживали 14 скатертников, и у каждого еще было по два помощника.

Кстати, сама Елизавета Петровна барочную сложность предпочитала отнюдь не во всем. Что до драпировок и прочих розочек, то это дело императрица ценила не только в интерьерах, но и в одежде: известно, что она была та еще модница, ее гардероб насчитывал более 15 тысяч нарядов. А вот в еде дочь Петра предпочитала что-нибудь простое: борщ, блины, тульские пряники. Из деликатесов жаловала лишь устрицы, даже пыталась разводить их в Балтийском море, но безуспешно.

Однако вернемся к интерьерам и украшающей их живописи. Стоит отметить Картинный зал дворца. Его необычность состоит в оформлении. Работы испанских, итальянских, голландских, фламандских и французских мастеров полностью покрывают стены от пола до потолка. Такая шпалерная развеска живописи была очень популярна в XVIII веке. Для нее характерны определенная симметрия и парность сюжетов, что можно было обеспечить или тщательным подбором картин, или же их предварительным заказом под конкретный интерьер. Основная часть коллекции – более ста картин – была приобретена по распоряжению Елизаветы Петровны в 1745 году в Праге и Богемии упомянутым уже Проотом за 12 тысяч рублей. Она состоит из произведений XVII – начала XVIII века, включая архитектурные композиции Эммануэля де Витте, жанровые сцены Адриана ван Остаде и Давида Тенирса, пейзажи Яна Бота, натюрморты Давида де Гема и Яна Фейта, аллегии скульптуры и музыки Жана-Марка Наттье и т.д.

Елизаветинское барокко вызывало у гостей императорской резиденции самые разные чувства

ХРУПКОЕ СОЛНЦЕ

О Янтарной комнате, конечно, знают все. Даже самые неискушенные, непросвещенные туристы. Просто последние, бывает, ищут ее то в Зимнем дворце, то в Петергофе, но ищут с благоговением, спрашивают о ней с придыханием, понимая, что речь идет о чем-то совершенно уникальном. Что ж, тем удивительнее ее история. Особенно ее начало, ведь янтарный кабинет, подаренный еще Петру I Фридрихом Вильгельмом I, почти тридцать лет оставался не собранным.

Сама история началась в 1699 году, когда немец Андреас Шлютер в процессе перестройки Большого королевского дворца в Берлине разработал проект Янтарной комнаты. Поначалу Шлютер работал вместе с датчанином Вольфрамом, но не успели они сделать и половины задуманного, как первый впал в немилость и был отстранен. Вольфрам пытался продолжать дело со шведом фон Гете, но тот не смог сработаться уже с самим камнем: янтарь – материал все же довольно хрупкий и вообще капризный. В общем, пока возились, уже и король

В Царскосельском дворце очень много позолоты. Даже несмотря на то, что Екатерина II старалась приглушить наследие Елизаветы Петровны

Фридрих I приказал долго жить, а его преемнику, Фридриху Вильгельму, все эти янтарные затеи были не интересны. И тут русский царь про эти дела прослышал и захотел янтарный кабинет для Кунсткамеры. Ну а раз немцу не жалко, а русскому – приятно, то оформили все как дипломатический подарок.

В новую столицу России янтарный кабинет везли в ящиках на 18 телегах через Кёнигсберг, Мемель и Ригу. Но то ли изначально случился некомплект из-за чехарды с исполнителями, то ли по дороге часть растворилась, то ли при распаковке потерялась – надо заметить, что груз принимал

Кажется, во время прогулки по анфиладам дворца может развиваться самая настоящая золотая лихорадка

Александр Данилович Меншиков, человек хоть и преданный императору, но очень уж одолеваемый всем известной слабостью. В общем, собрать кабинет не получилось, не хватало многих деталей, и янтарные панно остались лежать в покоях Летнего дворца Петра. Только через несколько лет после его смерти их нашла Елизавета Петровна. Нашла и решила все же собрать кабинет. К счастью, за дело взялись гении – Александр Мартелли и Франческо Растрелли. Они восполнили нехватку деталей зеркальными пилястрами и росписями панно «под янтарь». И в 1755 году янтарный кабинет занял свое место в Большом Царскосельском дворце. Впечатление комната производила на гостей неизгладимое. Вот только платить за это приходилось дорого. Нежный янтарный убор разрушали перепады температуры, печное отопление и сквозняки. Первая реставрация случилась уже при Екатерине II, она же довела интерьер кабинета до совершенства. Последующие реставрации проводились в 1833, 1865, 1893–1897 и 1933–1935 годах. В 1941-м

Белоснежно-пурпурная парадная лестница куда больше похожа на «взбитый крем», как называла Екатерина творение своей предшественницы, но интересно то, что такое ее оформление сложилось уже в середине XIX века

Белая парадная столовая, кажется, сочетает несочетаемое: пышность барокко и натурализм охотничьих натюрмортов

плановая реставрация не состоялась. А вскоре нацисты вывезли Янтарную комнату в Кёнигсберг. Но при отступлении сокровище забрали и оттуда, а куда – неизвестно. По одной из версий, подарок прусского монарха Петру I был уничтожен пожаром, по другой – хранится где-то в нераскрытых бункерах Германии или пещерах Дрездена, по третьей – покоится на дне Балтийского моря. Версий подобных – десятки.

В конце 1970-х годов Янтарную комнату решено было восстановить по эскизам и фотографиям. За двадцать лет удалось воссоздать утраченный интерьер лишь наполовину. Зато к этому времени отыскались некоторые подлинные фрагменты. В 2000 году министр по делам культуры ФРГ Михаэль Науман передал в Царское Село обнаруженную в Германии флорентийскую мозаику «Обоняние и осязание», созданную в 1787 году при Екатерине II, и янтарный комод, изготовленный в 1711 году берлинскими ремесленниками. К 2003 году Янтарная комната была полностью восстановлена и открыта для посетителей.

Александр Сергеевич – самый знаменитый обитатель Царского Села. После царей, конечно

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРИРОДЕ

Ансамбль Царского Села создавался более ста лет. После Елизаветы за преобразование резиденции взялась Екатерина II. Не сразу, конечно, сначала она и не понимала даже, как приступить к делу – все было ей тут не по душе, слишком пышно и пестро, она называла убранства дворца «взбитым кремом», а сам стиль барокко «варварской роскошью». Но можно ли было что-то изме-

нить в грандиозном творении предшественницы, созданном с таким трудом? Однако Екатерина все же рискнула соединить елизаветинское барокко со строгим классицизмом. Эту непростую задачу она поручила шотландскому архитектору Чарлзу Камерону.

Он оформил несколько парадных залов – Арабесковый, Лионский и Китайский, создал Синий, Зеркальный и Серебряный кабинеты, Рафаэлевскую

Янтарная комната – настоящая реликвия, к которой путешественники устремляются из разных концов планеты, точно паломники

комнату, Голубую гостиную. Но пространства дворца архитектору оказалось мало, и тогда рядом появились великолепная Камеронова галерея и Холодная баня с Агатовыми комнатами, здесь же были устроены чудесные висячие сады. Восточнее появилась Китайская деревня. Впрочем, не совсем в том масштабе, в котором затевалась.

Императрица хотела видеть в своей резиденции что-то похожее на китайский павильон в шведском Дроттнингхольме. В деревне должны были построить 18 стилизованных китайских домов с пагодой в центре, над которыми возвышалась бы восьмиугольная куполообразная обсерватория. Этим планам не суждено было сбыться: всего построили только 10 домов, неподалеку от них Китайский театр, Большой китайский, Драконов и Крестовый мосты.

Больше всего изменился при Екатерине парк. Впечатленная трудами Дидро и Руссо и попавшая под влияние английской моды императрица не любила скучную геометрию регулярных садов, она хотела вернуть природе ее гармо-

нию. При новой правительнице в Царском Селе перестали подстригать деревья, берегам Большого пруда придали естественные плавные очертания, а в отдалении разбили новые пейзажные парки.

Одним из таких стал Баболовский парк. Он появился в восточной части Царского Села, в верховьях реки Кузьминки. На реке построили мост-плотину, выше него обустроили пруд. Около водоема возве-

Цветочные композиции дворца не деталь декора, а отдельные произведения искусства

ли для фаворита императрицы, Григория Потемкина, небольшой дворец, точнее, банный павильон в виде готической купальни, здесь же установили легендарную царь-ванну. Все остальное пространство – без малого 270 гектаров – оставили почти нетронутым, разве что придали лесу и полянам немного композиционной стройности. Прогулки в этом полудиком лесу стали любимым времяпрепровождением Екатерины во время пребывания в Царском Селе.

С Баболовским парком соседствовали обширные земли бывшего Зверинца, за которым Екатерина поручила Джакомо Кваренги построить дворец в классическом стиле для любимого внука, Александра. Вокруг тоже разбили чудесный английский сад. Александру все это пришлось по сердцу. С детства он полюбил это место и продолжил дело, начатое бабкой. Александровский парк с его изящными прудами и чудесными куртинами стал при новом императоре гармоничным продолжением любимого Екатериной Баболовского парка. Примкнув к регулярному Екатерининскому саду, парк Александра окончательно примирил и разные эпохи, и мироощущения трех русских императриц.

Впрочем, соединилось все не только в закольцованности природного пространства Царского Села. Разные концепции и стили вдруг обрели единство в идее открытия Царскосельского лицея. Философия просвещения Екатерины II, скромный быт Екатерины I, идеи избранности и привилегированности Елизаветы – все нашло отражение в устройстве воспетого Пушкиным учебного заведения. С открытием Лицея в перестроенном флигеле Екатерининского дворца практически закончилось формирование дворцово-паркового ансамбля Царского Села. И с него же теперь начинается путешествие в этот невероятный мир. ■

АНДРЕЙ + МУСЯ

Андрей
Платонов
с женой
Марией.
Между
1939
и 1942
годами

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВ

ОНИ ПОЗНАКОМИЛИСЬ В БИБЛИОТЕКЕ.
ОН – ПРОСТОЙ РАБОЧИЙ ПАРЕНЬ,
ПРОБУЮЩИЙ СЕБЯ В ЖУРНАЛИСТИКЕ.
ЛИЦО НЕЗАМЫСЛОВАТОЕ, ВЫДЕЛЯЛСЯ
ЛОБ – ЛОБ СТРАДАЮЩЕГО МЫСЛИТЕЛЯ.
ХАРАКТЕР РЕЗКИЙ, БЕСКОМПРОМИССНЫЙ,
ПРИДИРЧИВЫЙ. ОНА – ИЗ РОДА ГРАФОВ
ШЕРЕТЕВЫХ. КРАСАВИЦА, КОТОРЫХ
ПРИНЯТО НАЗЫВАТЬ НЕПРИСТУПНЫМИ.
НО ВМЕСТЕ С ТЕМ ОБАЯТЕЛЬНАЯ,
ОТЗЫВЧИВАЯ, ПРЕКРАСНО ВОСПИТАННАЯ –
СКАЗЫВАЛОСЬ ДВОРЯНСКОЕ
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СТОЛИЧНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ.

ЭТО НАЧАЛО ТИПИЧНОЙ истории, миллион раз испытанной на практике: он безумно влюбляется в нее с первого взгляда, она к нему равнодушна. Он – Андрей Платонов, она – Мария Кашинцева. 1921 год. Воронеж.

«Я ВАС СМЕРТЕЛЬНО ЛЮБЛЮ»

Через неделю после встречи в библиотеке он пишет ей письмо. Тон энергичный и напористый: «Мария! Я не смог бы высказать Вам всего, что хочу, я не умею говорить, и мне бесконечно трудно рассказать о

самом глубоком и сокровенном, что во мне есть. Поэтому я прошу прощения, что пишу, а не говорю (писать как-то несуразно). Простите меня за все и послушайте меня. Мария, я Вас смертельно люблю. Во мне не любовь, а больше любви чувство к Вам. Восемь дней мое сердце в смертельной судороге. Я чувствую, как оно вспухает во мне и давит душу». И далее набор таких же напыщенных словес о чувствах, любовных страданиях, одиночестве. Заканчивает Андрей так: «Я умру без Вас, у меня все растет и растет сердце».

Ну что должна думать девушка, получив письмо с такими пафосными строками? «Вот дурачок-то...». И засмеяться. И забыть его.

Но он не дал о себе забыть. Пишет ей письмо за письмом. А живут-то в одном городе, поэтому действительно «писать несуразно», проще встретиться. Но она избегает встреч, потому рождается страстный эпистолярный монолог о любви, о любовной горячке. В его записной книжке есть запись того года: «Люби и верь – и будешь счастлив!» Он любил и верил, потому тон от письма к письму все энергичней, все напористей:

«...И опять... смертельная любовь, тоска, вселенная, поля и кладбища, и я один среди них, радостных, сытых людей земли, один с точным ослепительным знанием, что я не их, не из этого мира...».

«...Вы молчите, молчите. Боже мой, нет во мне слов. Заперта во мне Вами душа, Вы только можете ее отпереть...».

«...Ради тебя зазвонят звезды и луна будет новым солнцем, чтобы светить твоему сыну синим пламенем в тихие летние ночи, когда земля вся будет в радости, игре и огне смеха...».

«...Вы – мой экстаз. И я люблю Вас такую – сущую, реальную... с глазами Девы Марии и с тоскою Магдалины...».

Иногда он вставляет в письмо стихи:

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мария Кашинцева

Андрей
Платонов.
1922 год

Тьма, и дождь, и бесконечность,
И не видно ни звезды.
Тихо мрут над гробом свечи,
Мертвый жизни не простит.
Вряд ли юную девушку при-
влекли кладбищенские мо-
тивы.
А он продолжает осаждать не-
приступную крепость.
Платонова не смущало, не пуга-
ло, что вокруг «его экстаза» по-
стоянно вьется рой ухажеров.
Он заливается соловьем:
«Лунное тихое пламя выжигает
из меня жизнь...»

«Любовь может быть только к
Вам, и только у меня. До сих
пор любви не было, и после нас
ее не будет никогда...».
«Зачем так рвете сердце, Ма-
рия! По всему телу идет стон от
тоски и любви...».
И твердыня пала!
Случилось это в деревне под Во-
ронежем, куда Мария поехала
выкорчевывать неграмотность.
Но, скорее, это был побег от
назойливого и напористого
Платонова. Много позже она
набросает автобиографическую

Воронеж.
Никитинская
площадь.
1920-е годы

повесть «История молодого че-
ловека и молодой девушки
20 века», и там есть такие стро-
ки: «Поняв, что А. занял в ее
сердце огромное место, она бе-
жит в деревню, на работу. Толь-
ко что ее отец и мать оконча-
тельно разошлись. И любовь А.
пугает ее. Она травмирована –
раздоры отца и матери довели
ее до того состояния, что она не
верит ни в какое чувство».

Не верила в чувство, но уступи-
ла напору. Может быть, пото-
му, что, как говорила одна моя
знакомая, «проще отдаться, чем
объяснять, почему не хочешь
отдаться».

В деревне на сеновале был за-
чат их сын Платон.

И стали они жить вместе. Имен-
но – «жить вместе», потому
что официально свой брак не
зарегистрировали, и лишь в
1942 году они, что называется,
расписались.

«ГДЕ НЕТ СТЫДА И ЖАЛОСТИ К САМОМУ СЕБЕ...»

Сохранилась записка Марии
Платонову: «Ваше чувство не ко
мне, а к кому-то другому. Меня
же Вы совсем не можете лю-
бить, потому что я не такая, ка-
кую Вы идеализируете. И еще –
Вы любите меня тогда, когда
есть луна, ночь или вечер – ко-
гда обстановка развивает Ваши
романтические инстинкты.
Муся». Но ведь и другое верно:
Платонов был не таким, каким
он выказывал себя в письмах.
Человек в любви глупеет – это
закон. И в письмах он смотрит-
ся влюбленным дурачком. Но
Платонов по жизни совсем не
такой, каким проступает из
бурных любовных строк. Если
почитать записные книжки пи-
сателя, то тон записей там спо-
койный, нет надрыва, нет сло-
весной пошлости. Посмотрим,
к примеру, записи 1921 года –
года знакомства с Марией. Это
записи человека техническо-
го склада – много о технике, об
электричестве, об устройстве
машин, о мелиорации. Видно,
что пишет рассудительный че-
ловек, человек думающий, раз-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

мышляющий. Вот, пожалуй-ста: «Свобода живет только там, где человек свободен и перед самим собой, где нет стыда и жалости к самому себе». Или: «В сущности нет ни детей, ни взрослых – есть одинаковые люди. <...> Великая ложь – смотреть на детей сверху: они хитроумный, удивительный и наблюдательный народ». Это можно сказать и о Платонове – удивительный и наблюдательный человек.

В записных книжках нет ничего от того человека, который в письмах вел любовную осаду. Можно даже сказать так: письма писал кто-то из героев будущих произведений Платонова. Рождался его индивидуальный стиль, который назовут «платоновским» – ему нет аналогов в русской литературе. Писатель Виктор Некрасов отметил: когда впервые увидел Платонова, удивился несовпадению Платонова-писателя и Платонова-человека, Андрей Платонович не имел ничего общего с персонажами своих произведений.

А первое письмо Платонова Марии с некоторыми коррективами было использовано в романе «Чевенгур», где персонаж по фамилии Дванов изъясняется в любви девице Крашениной: «Софья Александровна, я вас смертельно люблю. Во мне не любовь, а больше любви чувство к вам. Целый день мое сердце в смертельной судороге. Я чувствую, как оно вспухает во мне и давит душу. Я живу в каком-то склепе, и моя жизнь почти равна смерти. Я весь болею и хожу почти без сознания. <...> Вы моя смерть и мое вечное воскресение. Может, я говорю пошло и глупо, но во мне поет музыка, и мне больно и хорошо...» Эти строки напоминают письма писателя Марии, однако Дванов совсем не Платонов.

Много позже Андрей Платонович напишет: «Истинного себя я еще никогда и никому не показывал...» Так что его любовные письма можно считать неким литературным экзерсисом.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

У здания электростанции в селе Рогачевка, построенной под руководством Андрея Платонова. 1925 год. В центре – А. Платонов, справа – М. Платонова, слева – П. Климентов (брат писателя)

«ТЫ ЕДИНСТВЕННАЯ ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ВСЕГДА ДЛЯ МЕНЯ ПРЕКРАСНА»

Семья Платоновых в 1926 году перебирается в Москву. Он уже вполне чувствовал себя писателем. Заключен договор с издательством «Молодая гвардия» на издание сборника рассказов, Платонов предлагает свои вещи другим издательствам, журналам. Но жить на что-то

надо. И он уезжает в Тамбов – там ему предложили должность губернского мелиоратора. Как он вспоминал, «когда мне стало дурно, я без слова уехал, чтобы давать хлеб семье». Мария и Тошка остаются в Москве.

Тяжело в Тамбове добывать хлеб. Пишет Марии: «Обстановка для работ кошмарная. Склоки и интриги страшные. Я увидел совершенно неслыханные вещи. <...> Мелиоративный штат распущен, есть форменные кретины и доносчики. Хорошие специалисты беспомощны и задерганы. От меня ждут чудес». И еще: «Меня ненавидят все, даже старшие инженеры <...> Ожидаю или доноса на себя, или кирпича на улице».

В письмах из Тамбова настоящий Платонов – исчезла любовная горячка, нет надрыва, нет любовного бреда. В строчках – житейские бытовые подробности. Но осталась тоска, бесконечная тоска: «Единственное утешение для меня, это писать тебе письма и кончать «Эфирный тракт». <...> Но я знаю, что все, что есть хорошего и бесценного (литература, любовь, искренняя идея), все это вырастает на основании страдания и одиночества».

Он тоскует в Тамбове по жене, по сыну, переживает за них: «Оба вы слишком беззащитны

Мария с сыном Платоном. Алушта. 1927 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Андрей Платонов
с женой и сыном.
Коктебель.
1936 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и молоды, чтобы жить отдельно от меня. <...> Вас легко обидеть...» И в следующем письме: «Просить о приезде тебя не смею. Ты не выживешь здесь – такая кругом бедность, тоска и жалобность».

Он делится с Марией творческими планами: «Я не буду литератором, если буду излагать только свои неизменные идеи. Меня не станут читать. Я должен опошлять и варьировать свои мысли, чтобы получались приемлемые произведения. Именно – опошлять». Подчеркнуто Платоновым. Вот уж неожиданно! Уж чего-чего, а пошлость в произведениях Платонова не разглядишь и в электронный микроскоп.

С чего вдруг он использовал это слово?

А Тамбов, при всех ужасах жизни и работы, оказался для Платонова тем же, чем Болдино для Пушкина. «Я такую пропашть пишу, что у меня трясется рука», – пишет он Марии. И в следующем письме: «Я работаю как механизм и очень утомлен».

Но все же непросто складывались их отношения. Он зовет ее в Тамбов, но ставит условие: «Только приезжай для радости и покоя, а не для дурных драм. Я сделаю все, что возможно в тамбовских условиях, чтобы тебе тут было хорошо». Она, видимо, много чего резко писала ему в письмах, если у

него вырываются такие строки: «Я был очень растревожен твоими выпадами и открытой ненавистью ко мне. Ты знаешь, что дурным обращением даже самого крепкого человека можно довести до сумасшествия. <...> ты всегда понимаешь меня как-то исподволь, и я сам удивляюсь твоему толкованию моих мыслей. Ты мне приписываешь часто то, что мне и в голову не входило». И тут же: «Я не могу жить без семьи. Я мужчина и говорю об этом тебе мужественно и открыто. Мне необходима ты, иначе я не смогу писать».

«СЛИШКОМ ЛЮБИМОЕ И ДРАГОЦЕННОЕ»

Сын Платон был любим Андреем и Марией. Тоша, Тошка, Тотка – так ласково они его называли. Души в нем не чаяли. В 1925 году Платонов пишет: «Тотка – настолько дорогой, что страдаешь от одного подозрения его утратить. Слишком любимое и драгоценное мне страшно – я боюсь потерять его, потому что боюсь тогда умереть».

В июне 1926 года Платоновы переехали в Москву. Жили скудно. Ютились то в одном случайно снятом углу, то в другом.

В 1931 году Сталин прочитал повесть Платонова «Впрок», опубликованную в «Красной нови», и пришел в негодование, исчеркал поля журнала злобными комментариями: «дурак», «болван», «пошляк», «балаганщик», «беззубый остряк»... И отправил в редакцию отклик: «Рассказ агента наших врагов, написанный с целью развенчания колхозного движения и опубликованный головотяпами-коммунистами с целью продемонстрировать свою непревзойденную слепоту». Понятно, что после такого отзыва Платонова перестали печатать, издавать. Но как бы ни было трудно материально, Мария и Тоша отправлялись летом в Крым. Сын ни в чем не знал отказа, родители его обожали. Потому арест Тоши в 1938 году стал для них ужасным ударом. Их 15-летнего

Платон, сын
писателя. Фото
из следственного
дела

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

сына обвинили в шпионской деятельности.

Тогда многие пострадали, что называется, ни за что. Многие липовые обвинения заканчивались расстрелами и длительными лагерными сроками. А вот Платона Платонова арестовали действительно не просто так. Платон и его приятель Архипов написали письмо корреспонденту немецкой газеты с предложением: они ему некие секретные сведения, а он им – деньги. Чекисты письмо перехватили. Какого-то внятного или логичного объяснения поступка двух юношей не существует. Никакими секретными сведениями Платон и Архипов не располагали. Конечно, деньги молодым всегда нужны, но все же не до такой степени! А если еще вспомнить, что в то время пропаганда призывала население к бдительности, в обществе – густой навар шпиономании... И вдруг двое юношей сами напрашиваются в «шпионы». Может, шутка? Но уж чересчур тупая даже для 15-летних подростков.

Платон Платонов получил десять лет лагерей и поражение в политических правах на пять лет. Отправили его в Норильлаг – Норильский исправительно-трудовой лагерь. Гиблое место.

Андрей Платонов решил бороться за сына. Он пишет письмо наркому внутренних дел Ежову. Пишет прокурору РСФСР Панкратьеву. Пишет Сталину. И произошло чудо: в октябре 1940 года Платона освободили. Судя по всему, многое для освобождения Тошки сделал Михаил Шолохов. Автор «Тихого Дона» относился к Андрею Платонову с уважением, ценил его творчество, помогал морально и материально.

Но год в Норильлаге оказался для Платона трагическим: он заболел туберкулезом. Мария Александровна позже вспоминала: сын вернулся из лагеря смертельно больным, его вынесли из вагона на носилках –

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Андрей
Платонов,
Мария
Александровна
и Платон.
Ноябрь 1942 года

Андрей
Платонов.
1939 год

он был крайне истощен, не мог ходить. Платонову удалось достать путевку для сына в туберкулезный санаторий Шафраново под Уфой. Но было поздно.

Платон умер 4 января 1943 года. Мария шесть дней не разрешала хоронить сына. Стояли сильные морозы, покойник лежал в холодной комнате: она не могла смириться с тем, что

придется расстаться с сыном навсегда. Платонов был близок к помешательству. «С черным, как чугун, лицом стоял над сыном Платонов, неотрывно глядя на него, и вид у Андрея был такой нездешний, отрешенный, как если бы вместе с сыном уходила и его жизнь», – вспоминал один из знакомых Платоновых.

После похорон Андрей и Мария официально оформили свой брак. В 1944 году у них родилась дочь Мария. Теперь она их радость и отрада.

ЕДИНСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Во время Великой Отечественной войны Платонов – корреспондент «Красной звезды». Он постоянно ездит в длительные командировки в действующую армию. Пишет Марии: «В одном из прежних писем я писал тебе, чтобы ты обязательно продала мой гражданский костюм, пальто и ботинки. <...> Зная твоё своеобразие, повторяю свою просьбу. Денег у тебя сейчас почти нет или очень мало. А ты носишь ребенка, идут самые решающие месяцы. <...> Прошу тебя, сделай это скорее и пойми мое беспокойство».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

После рождения Маши письма Платонова начинались так: «Дорогая Мума, дорогая маленькая Кхы!», или «Здравствуй, дорогая Муся, затем маленькая Мусенька», или «Дорогая Муся и маленькая Мума». ...Жизнь Платоновых после войны по-прежнему скудная, почти нищенская. Андрея Платоновича не печатают, не издают. К 50 годам Платонов выглядел глубоким стариком, измученным, тяжело больным. У него, как и у Тоши, открывается туберкулез. В последний год жизни он пишет письма из санатория и из больницы. Последнее письмо жене датировано 30 апреля 1949 года: «Моя дорогая Мария! Поздравляю тебя с днем рождения. Мне тяжело, что я не могу уже второй год провести этот день вместе с тобой. Ты знаешь, как я люблю тебя. Сейчас я хочу еще раз сказать тебе, что ты была и будешь до конца моей жизни самым любимым человеком для меня и единственной женщиной, которая всегда для меня прекрасна. Пусть это напоминание о моей любви к тебе заменит в нынешнюю годовщину твоего рождения мой подарок тебе...»

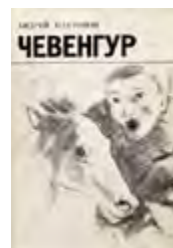
Платонов умер 5 января 1951 года. Юрий Нагибин подроб-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

но описал в дневнике похороны великого писателя. И есть в дневниковой записи такие строки: «Гроб поставили на землю, у края могилы, и здесь очень хорошо плакал младший брат Платонова, моряк, прилежавший на похороны с Дальнего Востока буквально в последнюю минуту. У него было красное, по-платоновски симпатичное лицо. Мне казалось: он плачет так горько потому, что только сегодня, при виде большой толпы, пришедшей

Писатель с женой Марией Александровной и дочерью Машей. 1950 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Издание романа «Чевенгур». Издательская обложка с рисунком В. Чекрыгина (Париж, 1972)

Одно из последних фото писателя. Декабрь 1950 года

отдать последний долг его брату, венков от Союза писателей, «Детгиза» и «Красной Звезды», он поверил, что брат его был, действительно, хорошим писателем. Что же касается вдовы, то она слишком натерпелась горя в совместной жизни с покойным, чтобы поддаться таким «доказательствам»...

Конечно же, сразу обращаешь внимание на строчку: «Что же касается вдовы, то она слишком натерпелась горя в совместной жизни с покойным...» Многозначительное слово – «натерпелась», но вряд ли можно ему доверять. Все было в семейной жизни – и горести, и счастье. Была любовь. Она длилась три десятка лет – страстная с его стороны, спокойная – с ее. Их роман доставлял ему страдания, они выясняли отношения, вспышки ревности и у него, и у нее, горечь расставания, радость встреч... Но ведь из этого состоит жизнь любой семьи.

Мария Кашинцева стала его Музой – он сам так ее называл. И оставалась Музой до конца его дней. Его единственной любовью.

Мария понимала, не могла не понимать, что рядом с ней живет гениальный человек, творец, чьи произведения останутся в веках. Она прожила после его смерти почти столько же, сколько длилась их совместная жизнь. Тщательно занималась его архивом, привела его в порядок, готовила рукописи к печати, верила, что наступит час, когда у него будут миллионы читателей. В перестройку и после нее произведения Андрея Платонова выходили миллионными тиражами. Но Мария Александровна не дожидаясь этого счастья – она умерла в 1983 году.

...Из Тамбова он писал ей: «Ты знаешь, мне пришло в голову: если собрать твои и мои письма, проредактировать их, переделать, – то можно составить интересный роман».

Может, когда-то и будет издан этот роман. ■

Сергей
Тимофеевич
Морозов.
1890-е годы

СКРОМНЫЙ БРАТ

АВТОР

МИХАИЛ ДРОЗДОВ

НЕ РАЗ ПРИХОДИЛОСЬ СЛЫШАТЬ В МОСКВЕ ОТ ЭКСКУРСОВОДОВ: «ЭТО ДОМ САВВЫ МОРОЗОВА. ЭТО – ДОМ ЕГО ЖЕНЫ, ЭТО – ЕГО ЛЮБОВНИЦЫ.

А ЭТОТ – ТОЖЕ ПРИНАДЛЕЖАЛ САВВЕ...»

КОНЕЧНО, САВВА ТИМОФЕЕВИЧ МОРОЗОВ – САМЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ОГРОМНОГО КУПЕЧЕСКОГО РОДА МОРОЗОВЫХ. И ДО СИХ ПОР В ТЕНИ ЗНАМЕНИТОГО СТАРШЕГО БРАТА ОСТАЕТСЯ СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ МОРОЗОВ. СКРОМНЫЙ ЧЕЛОВЕК, БЛАГОДАРЯ КОТОРОМУ В РОССИИ НАЧАЛСЯ РАСЦВЕТ НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ.

СЕРГЕЙ БЫЛ МЛАДШИМ братом Саввы Тимофеевича и последним, десятым ребенком в семье московского купца-фабриканта, рогожского старообрядца Тимофея Саввича Морозова и его жены Марии Федоровны.

Еще недавно точная дата рождения Сергея была предме-

том споров: называли и 1860, и 1863, и другие годы. «Выписка из метрической книги Пристава Мясницкой части» 1876 года, хранящаяся в ЦГА Москвы, однозначно отвечает на этот вопрос: «Марта 2 дня потомственный почетный гражданин Тимофей Саввич и жена его Мария Федоровна Морозовы, являсь к приставу Мясницкой части Мо-

сковской городской полиции, представили засвидетельствованную копию с семейного их списка, выданную ему, Морозову, из Богородской городской управы 15 ноября 1875 г., <...> что от брака их по расколу, показанного в 10-й народной переписи, родились у них дети: 1858 года июня 5 дня – дочь Юлия, 1862 года февраля 3 дня – сын Савва и 1863 года июля 28 дня – сын Сергей». Получается, что 9 августа 2023 года исполнилось 160 лет со дня рождения Сергея Тимофеевича.

В том же архиве имеются документы, позволяющие заполнить некоторые пробелы в биографии и Сергея, и его брата. Например, в «Свидетельствах о приписке» указано, что приписаны они к 1-му участку Покровского уезда. Поскольку воинская приписка производилась тогда по месту рождения, подтверждается, что братья родились в местечке Никольское в Покровском уезде Владимирской губернии, где и размещались морозовские фабрики (ныне – Орехово-Зуево Московской области).

Детство братьев прошло в московском доме родителей в Большом Трехсвятительском переулке. Первоначальное образование они получили в семье, а затем поступили в 4-ю московскую гимназию на Покровке. В отличие от бойкого и шустрого Саввы Сергей был нрава тихого. По воспоминаниям подруги их детства Марии Александровны Крестовниковой, в гимназические годы Сергей «был очень застенчив, немного заикался, когда конфузился, а главное, был... не от мира сего, т.е. никогда ничего не знал, не замечал и все для него было новостью... В противоположность брату, он был страшно высок и худ. Лицо очень правильное и с красивыми чертами. По здоровью он был слаб, вследствие чего часто впадал в хандру».

Братья окончили гимназию в 1881 году. Впереди обоих ждал Московский университет. Отец, не имевший образования, кро-

ме самого малого домашнего, твердо решил дать сыновьям образование высшее. Это было впервые в истории всех ветвей обширного морозовского рода. Сергей учился на юридическом, брат – на химическом отделении естественного факультета. В «Формулярном списке о службе члена Совета Строгановского Центрального училища технического рисования коллегского асессора Сергея Тимофеевича Морозова» этот период сформулирован кратко: «В августе 1881 года был принят в студенты Московского университета, окончил кандидатом». Однако в архивном фонде МГУ имеется и такой документ: «Запрос из Лицея Цесаревича Николая в Московский университет от 27 февраля 1885 года. Студент Московского университета 4 курса юридического факультета Сергей Морозов обратился в Правление Лицея Цесаревича Николая с прошением о принятии в число студентов Лицея...» Катковский лицей просит уведомить о наличии препятствий к переходу. В марте 1885 года на запрос дан положительный ответ. Было ли это желание реализовано – пока не ясно. В любом случае, исходя из устава лицея, разницы между юрфаком и университетским отделением лицея – почти никакой.

Тимофей Саввич Морозов.
1860-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЖИВОПИСЬ ВМЕСТО ЮРИСПРУДЕНЦИИ

И вот Сергей – кандидат права. Но ни юриспруденция, ни коммерция ему не интересны. Его влечет живопись, отчасти – музыка. Отслужив недолго в армии, как было положено в таких случаях – вольноопределяющимся, он поехал отдохнуть в Крым, в семейное владение. По пути встретился со знакомым художником, учителем Исаака Левитана Василием Дмитриевичем Поленовым. В письмах жене Поленов подробно пишет об их путешествии. Довольно долго они вместе жили на даче вблизи Ливадии – в «месте приятном». Бывали на экскурсиях, вместе ходили на этюды, причем Морозов тоже делает зарисовки. 24 сентября 1887 года Поленов сообщает: «Живем мы с Сергеем Тимофеевичем довольно хорошо. Я вчера дал ему урок

Интерьер дома Морозовых в Большом Трехсвятительском переулке. На стене портреты Саввы Тимофеевича, Тимофея Саввича и Сергея Тимофеевича

Исаак Ильич Левитан (1860–1900).
1894–1895 годы

живописи. Он был в восторге, все объяснял, отчего у меня выходит...» О способностях Морозова Поленов отзывался весьма откровенно: «Мне кажется, что из него ничего не выйдет. Он слишком много рассуждает, слишком хорошо знает все причины, отчего и почему что происходит, и поэтому непосредственного чувства в нем очень мало». Вернувшись в Москву, начинающий художник во дворе в Трехсвятительском переулке перестраивает оранжерею в прекрасную мастерскую. К тому времени родительский дом пустеет: сестры Анна, Александра и Юлия замужем, Алевтины уже нет в живых, брат Савва с 1888 года снимает с молодой женой дом на Большой Никитской. Близкое знакомство с Поленовым, а через него и с Левитаном, приводит к тому, что Сергей Тимофеевич трезво оценивает свои способности в живописи и понимает, что они довольно ограничены. И тогда «наш пейзажист», как называл Морозова Аполлинарий Васнецов, находит своему первоклассному художественно-жилому хозяйству в Трехсвятительском переулке прекрасное назначение: пускает туда своего друга, пока еще не очень известного художника Левитана. Дружба Морозова с Левитаном продолжалась до последних дней Исаака Ильича. Они вместе выезжают на этюды, ездят в Плещ. И в бывшей морозовской мастерской привезенные Левитаном этюды пре-

Мария Федоровна Морозова.
1881–1882 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

вращались в шедевры русской живописи.

Сергей Тимофеевич в определенном смысле опекал и оберегал друга. Левитан не только пользовался его квартирой и мастерской, но нередко бывал и в загородном имении Морозова – Успенском. Приглашал туда и своего товарища студенческих лет – Чехова. Антону Павловичу там не понравилось. «Дом, как Ватикан, лакеи в белых пикейных жилетах с золотыми цепями на животах, мебель безвкусная, вина от Лева, у хозяина никакого выражения на лице – и я сбежал», – писал Чехов летом 1897 года издателю Алексею Суворину. Надо сказать, что характеристика раздраженного писателя была неверной, Левитан Чехову про это говорил, и Чехов, конечно, это понял. 26 января 1898 года Левитан пишет Антону Павловичу в Ниццу: «Очень рад, что Морозов тебе понравился, он хороший, только слишком богат, вот что худо, для него в особенности»...

КУСТАРНОЕ ДЕЛО

К счастью, знакомства в художественном и художественно-кустарном мире вдохновили Сергея Морозова на новое дело. Поддержка и развитие народного художественного творчества – искусства ремесел, традиционных кустарных промыслов – оказались смыслом его жизни, его судьбой.

Сергей Тимофеевич стал продолжателем дела Абрамцевского (Мамонтовского) кружка художников, участники которого первыми начали серьезно относиться к народному искусству, к народным художественным промыслам как ценной части русской культуры. В результате изделия мастеров-кустарей – шкафчики и полочки, ларцы, шкатулки, ковши, тарелки и блюда, берестяные туеса и пр., оформленные в «народном стиле» росписи и резьбы, – перестали рассматриваться только как утилитарные вещи и приобрели статус художественных произведений.

Сергей
Тимофеевич
Морозов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В 1889 году Сергей Морозов входит в Кустарную комиссию при земской губернской управе. В 1890-м становится заведующим Кустарным музеем, тихо существующим в Москве с 1885 года. Полное его наименование – «Торгово-промышленный музей кустарных изделий Московского губернского земства».

Сергей Тимофеевич переводит музей в новое здание на Большой Никитской, 23 и реорганизует его. К музейной, торговой и складской функциям добавляется учебная, которая реализуется через систему мастерских – филиалов музея. Экономическая и организационная поддержка главных центров промыслов, привлечение к работе музея известных художников, сохранение национального характера кустарных изделий – все это и многое другое стало возможно благодаря Сергею Тимофеевичу. Он не только руководит музеем, но и вкладывает немалые личные средства в его развитие, в организацию земских учебных мастерских и создание новых отраслей кустарных промыслов, отправляет специалистов в заграничные командировки. Назовем для примера первые земские учебные корзиночные мастерские в Голицыне и игрушечные – в Сергиевом Посаде.

Вид села
Успенского
и усадьбы
Сергея
Тимофеевича
Морозова
от Москвы-реки.
1900-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Попутно заметим, что в 1891 году Сергей Тимофеевич стал попечителем Стрекаловской школы для портных в Москве. Это, конечно, не резьба по дереву и не художественное плетение, но дело крайне нужное, и он его, похоже, не бросил до самого 1917 года.

Морозов возглавлял музей девять лет, затем директорское кресло занял выпускник Московского технического училища, инженер-технолог Владимир Гаврилович Крапивин. А Сергей Тимофеевич стал почетным попечителем музея, что вряд ли сильно уменьшило его заботы. Перестав непосредственно руководить музеем, он не оставил любимое дело, только стал смотреть на проблемы кустарного производства шире. Для успешного развития художественной промышленности не хватало мастеров, умеющих не только копировать образцы. Нужны были кадры художественно образованных специалистов. И неслучайно в марте 1899 года Морозов назначен в совет Строгановского училища, готовившего мастеров по многим направлениям прикладного искусства. В августе того же года он утвержден членом совета Строгановского Центрального училища технического рисования.

Годы пребывания Сергея Тимофеевича в совете училища пришлось на реформы директора этого заведения, Николая Васильевича Глюбы, назначенного в 1896 году. Преподавать в училище были приглашены такие корифеи-архитекторы, как Сергей Соловьев и Федор Шехтель. Результат не заставил себя ждать: на Всемирной выставке в Париже в 1900 году училище показало себя блестяще. Впрочем, как и Кустарный музей. Можно сказать, что выставка принесла обоим международную известность. Сергей Тимофеевич активно участвовал

Интерьер
Кустарного
отдела
на Всемирной
выставке
1900 года
в Париже.
Проект
А.Я. Головина

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

в работе Главного комитета по организации Кустарного отдела выставки. Российский павильон кустарных изделий пользовался большим успехом. Кстати, именно там публика впервые увидела русскую матрешку, которая была изготовлена в мастерских при Кустарном музее.

Но радость от успеха и полученных на Всемирной выставке золотых медалей омрачила смерть Левитана в 1900 году. Близкий друг Морозова скончался в его доме после долгой болезни...

В МАСШТАБАХ РОССИИ

Служба Сергея Тимофеевича в совете Строгановского училища продолжалась семь с лишним лет. В 1906 году он подает прошение об отставке: после волнений революционного, 1905 года, забастовок на морозовских фабриках, таинственной смерти брата Саввы, вооруженного восстания в Москве начало ухудшаться и без того слабое здоровье Сергея Тимофеевича.

Но все его мысли по-прежнему занимает родное детище – Кустарный музей. На собственные средства он приобретает владение Анатолия Мамонтова (брата Саввы Мамонтова) в Леонтьевском переулке, 7. Здание перестраивается по проекту Сергея Соловьева, и в 1903 году туда с Большой Никитской переезжает Кустарный музей. Через восемь лет Морозов пристраивает помещение

для торгового отдела. И начинает реформу кустарных дел.

Сергей Тимофеевич представил в Московское губернское ведомство отчет о содействии кустарной промышленности. После чего чиновники утверждают проект положения о Кустарном музее в Москве.

Согласно этому документу, Кустарный музей состоял из музеев промыслов и образцов, торгового, кооперативного и технического отделов, столярно-резных и отделочных мастерских. Под музеем образцов подразумевалась своего рода художественно-экспериментальная лаборатория, где создавались бы высокохудожественные образцы кустарных изделий, которыми могли воспользоваться все желающие. При музее работали разнообразные мастерские, в которых шлифовались навыки будущих мастеров и шел поиск новых образцов продукции. Самым активным был отдел оптовой и розничной торговли с магазином

Здание
Кустарного музея
в Леонтьевском
переулке.
Москва.
1910-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

продукции российских кустарей. Отдел налаживал прямые связи с мастерами, их снабжали материалами и орудиями труда. Большое внимание уделялось также учебе и подготовке новых кадров, сборанию и коллекционированию продукции отечественных мастеров. В итоге Кустарный музей стал одним из самых посещаемых в Москве. Триумфом музея стал визит императора Николая II в августе 1912 года...

Морозов поддерживал создание производственных артелей кустарей, организовал фонд кредитования кооперативного движения, передав московскому земству для этой цели 100 тысяч рублей. Фондом, получившим имя С.Т. Морозова, управлял особый комитет. Иными словами, деятельность Морозова по развитию кустарных промыслов приобрела всероссийский размах.

МЕЦЕНАТ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬ

После смерти матери в 1911 году Сергей Тимофеевич был вынужден возглавить семейное дело – огромную Никольскую мануфактуру. Правда, возглавлял он ее в общем-то формально, перепоручив свои обязанности верным сотрудникам. От своей зарплаты он отказался в их пользу. Как уже говорилось, коммерция его не интересовала, все его мысли и чаяния были, как и прежде, связаны с Кустарным музеем.

Но не только «художества русских кустарей» были предметом меценатства и благотворительности Сергея Тимофеевича. В свое время Сергей с братом поддерживали материально и организационно первое Русское гимнастическое общество, затем – Московский художественный театр.

Софья Андреевна Толстая в своем дневнике писала о приезжавшем к ним «Сергее Тимофеевиче Морозове, болезненном купце, закончившем курс в университете» и пожертвовавшем значительную сумму «на голод». В 1903 году он передал крупный взнос в московское Попечительство о бедных Пресненской части. Был членом-учредителем Комитета для

устройства Музея изящных искусств – будущего ГМИИ. После смерти брата Сергей построил самый большой в Москве роддом, способствовал завершению строительства театра для рабочих в Орехово-Зуеве, начатого Саввой. Когда разразилась Первая мировая война, он сделал одно из самых больших пожертвований на военные цели – 500 тысяч рублей. А когда Василий Поленов задумал построить дом для Общества народных театров, то субсидировал и это начинание. И это далеко не полный список его благотворительных проектов и пожертвований.

Но все же главным его делом оставались Кустарный музей и кустарная промышленность. Неудивительно, что 25-летие деятельности Сергея Тимофеевича на поприще содействия народному искусству широко отметили в Москве 13 декабря 1914 года. Публикации в газетах по этому поводу свидетельствовали о широком признании его заслуг. А спустя год он стал почетным гражданином Сергиева Посада, художественную промышленность которого курировал много лет...

ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

Революция лишила Морозова всех его фабрик, миллионов, городского дома и загородного имения. А Сергей Тимофеевич, которому уже за 50, неожиданно... женится. Его избранница – свойственница Ольга Васильевна Кривошеина – моложе его всего на три года.

Поясним ситуацию. Старшая племянница Морозова, дочь сестры Анны – Елена Геннадьевна Карпова, – была замужем за Александром Васильевичем Кривошеиным, ставшим одним из царских министров, продолжателем дела Столыпина, гофмейстером и действительным тайным советником. Когда он вышел в отставку, его ввели в правление Никольской мануфактуры. В 1918 году, еще до национализации, произошло формальное слияние двух крупнейших текстильных предприятий России – Саввинской

Гости и дети
Анны
Тимофеевны
Карповой
(урожденной
Морозовой;
сидит в центре).
Слева стоит
И. Левитан,
справа –
Савва
Тимофеевич
Морозов.
Усадьба
Сушнево,
Владимирская
губерния.
Начало 1890-х
годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

(Никольской) и Викуловской мануфактур. Под соответствующим договором стоят подписи и Сергея Тимофеевича, и Александра Васильевича. Весной 1918-го Кривошеин возглавил в Москве антибольшевистский «Правый центр» и затем был вынужден бежать на юг России, где стал председателем правительства у Врангеля.

Новая власть выселила Морозова из собственного дома на Садовой-Кудринской. Сергея Тимофеевича и его жену пригрела родственница, дочь Ивана Викуловича Морозова – Ольга Ивановна Некрасова. И хотя между двумя ветвями морозовского рода – Викуловичами и Тимофеевичами – отношения были непростыми, Ольга Ивановна очень помогла Морозову и его жене, пустив их в свой дом в Ржевском переулке. В беседах с автором статьи Ольга Ивановна не лучшим образом отзывалась об Ольге Васильевне, но очень тепло вспоминала о Сергее Тимофеевиче,

отмечая его страсть к Кустарному музею и поделкам русских мастеров. Он и там, в Ржевском, в тяжелое время, делал рисунки для кустарных изделий.

Лишившись всего, Сергей Тимофеевич продолжал бесплатно работать консультантом в Кустарном музее и участвовал в заседаниях секций Государственной академии художеств. Тем временем родных в Москве становилось все меньше: кто погиб в Гражданскую, кто стигнул в лагерях. В 1920 году умерла сестра, Юлия Крестовникова, в 1924-м – сестра Анна Карпова. Морозовых звали в Париж, где обнаружилось довольно много племянников, племянниц и их детей. Во Франции же проживала с детьми и Елена Кривошеина – вдова брата Ольги Васильевны.

Наверное, последней выставкой в Центральном кустарном музее ВСНХ, которую Морозов видел в Советской России и к которой наверняка имел отношение, стала грандиозная выставка «Кустарь и Революция». Это был как бы смотр-отбор новых работ, созданных для демонстрации на Международной выставке современных декоративных и промышленных искусств в Париже... Подробности отъезда Морозовых из России неизвестны. Родственники говорили всякое, в том числе и про некий выкуп. С другой стороны, в то время официальная эмиграция «для воссоединения семей» была не таким уж редким явлением.

Один из залов
Кустарного
музея. Москва.
1910-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В 1925 году, получив разрешение на выезд, супруги Морозовы уехали в Париж. Позже жили в Севре, в войну перебивались где-то в провинции. По свидетельству правнучатой племянницы Сергея Тимофеевича, Ирины Саввишны Морозовой, побывавшей у родных в Париже, и там, по их словам, старый и уже больной Сергей Тимофеевич продолжал рисовать какие-то эскизы и композиции – узоры, орнаменты, цветы. Кое-что о его жизни той поры можно узнать из писем родственников. В частности, из переписки будущего архиепископа Василия (Кривошеина) с матерью Еленой Геннадьевной, тетей Ольгой Васильевной и братьями. В тот момент архиепископ был еще простым афонским монахом. В 1926 году он пишет тете Оле: «Передай мое поклонение С.Т. с пожеланием молитвенным всего доброго и спасительного». Родственники, в свою очередь, сообщают ему и о Морозовых. «Из наших близких, Морозовы (С.Т. и т. Оля) все в довольно трудном положении – их деньги приходят к концу, настроение подавленное, Сергей Тимофеевич в неврастении, что тяжело сказывается на тете Оле», – пишет Василию в 1934-м брат Кирилл. Через пять лет он же сообщает: «Тетя Оля и С.Т. пока в Нейи, под Парижем, они плохо переносят воздушные тревоги, они чаще, чем в прошлом году». В 1942 году Елена Геннадьевна делится с сыном: «Я живу с тетей

Олей и Сергеем Тимофеевичем в убежище памяти о. Георгия Спаского. Сейчас нам тепло, а раньше мы мерзли, мы не голодаем... Тетя здорово устает с С.Т.». В июне того же года она сообщает: «Сергей Тимофеевич очень похудел, но в свои почти 80 лет сохраняет светлый ум, энергию и интерес ко всему выше многих. Он несколько раз причащался у нас, но когда причащается, то без исповеди, так как очень глух. Тетя предана целиком заботам о нем, и несомненно, что этим придала ему жизни на несколько лет. Сама она бодра, несмотря на то, что старше меня. Только одно, на мой взгляд, печально, что бывает часто раздражительна и нетерпима с людьми...» И, наконец, в июне 1945 года Кирилл пишет брату: «Из семейных новостей: дядя Сергей скончался без страданий, и ему было 85 лет. Тетя Оля чувствует себя хорошо, но сдала. Она из Севра иногда приезжает в Париж».

Сергей Тимофеевич Морозов в эмиграции с женой Ольгой Васильевной (урожденной Кривошеиной) и потомками Карповых

Успенское, бывшее имение Сергея Тимофеевича Морозова. В советское время загородное отделение больницы АН СССР. 1980-е годы

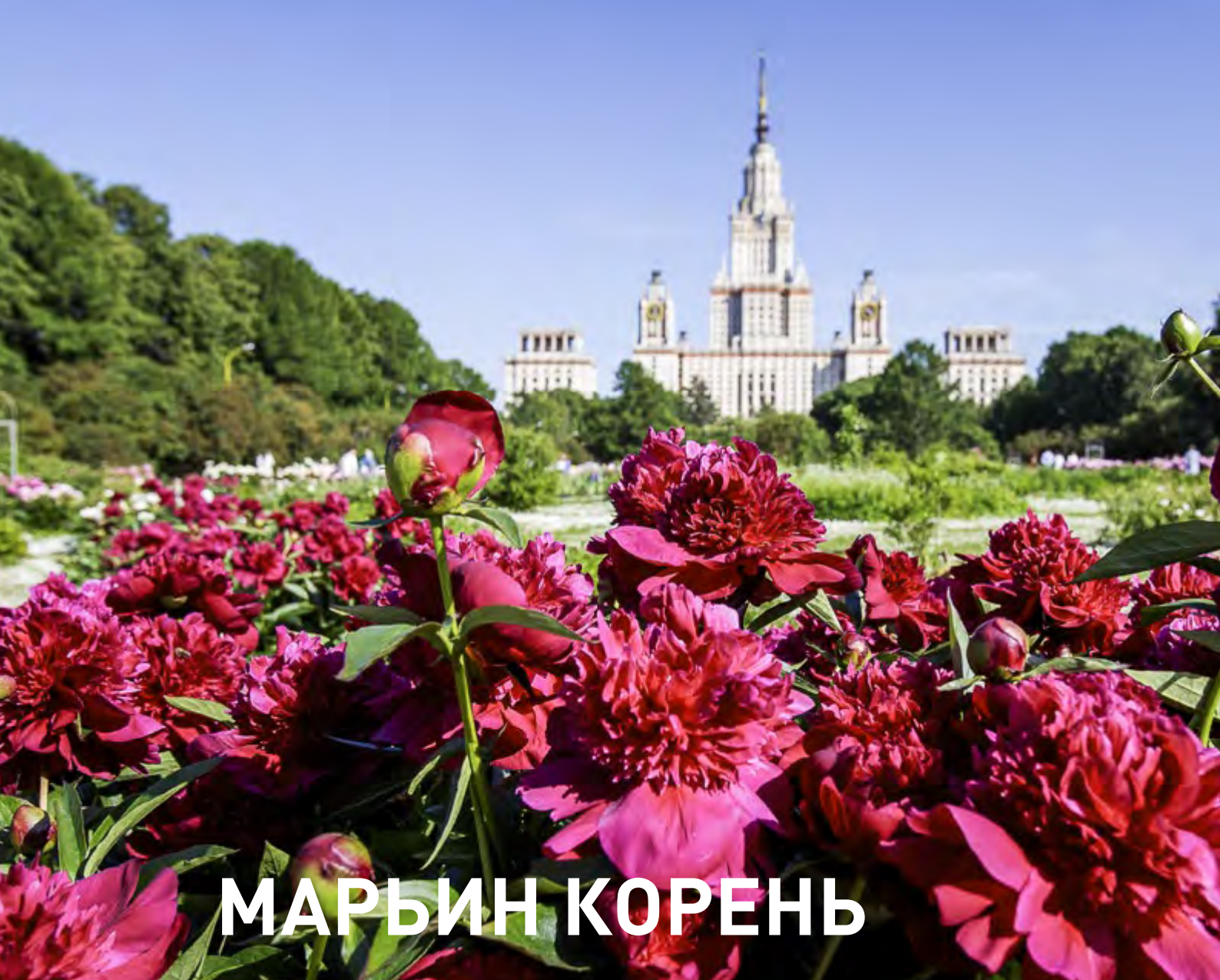
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

...Сергей Тимофеевич умер 11 декабря 1944 года, через три с половиной месяца после освобождения Парижа от фашистов. Его внучатый племянник, герой Сопротивления Игорь Кривошеин, еще сидел в Бухенвальде, Кирилл, тоже участник Сопротивления, работал в «Лионском кредите», Василий монашествовал на Афоне, с которого только что ушли немцы. Внучатый племянник Савва Тимофеевич Морозов, полный тезка своего деда, служил военным корреспондентом на Северном флоте...

Хоронить дядю пришлось, скорее всего, Кириллу Кривошеину. Впрочем, родственников во Франции тогда еще хватало. Наверное, многие из них и провожали Сергея Тимофеевича в последний путь на Сен-Женевьев-де-Буа. В Москве о его смерти узнали только тогда, когда в 1948 году в СССР приехал Игорь Кривошеин...

Что осталось в Москве от Сергея Тимофеевича? Его дома на Садовой-Кудринской и на Поварской сломаны. «Замок» в Успенском, в котором много лет размещалось загородное отделение больницы Академии наук, продается с 2022 года. В здании Кустарного музея, благополучно существовавшего до 1999-го, сегодня находятся разные учреждения. В доме, где прошло детство братьев Морозовых и где в советское время был детский сад, в котором снимали фильм «Усатый нянь», живут люди. Мастерская Морозова и Левитана, где общественность планировала создать музей художника, продана. Но есть место, где всегда помнят о Сергее Тимофеевиче. Это Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства, куда перекочевало многое из Кустарного музея – это и есть память о Сергее Тимофеевиче Морозове, великом подвижнике русских художественных промыслов, скромном брате знаменитого Саввы... ■

Автор глубоко благодарен безвременному ушедшему писателю и краеведу М.А. Некрасову за его важную помощь в этой работе.

МАРЬИН КОРЕНЬ

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

РАЗНОЦВЕТНЫЕ ОБЛАКА КЛУБИЛИСЬ
У ПОДНОЖИЯ ВЫСОКОЙ БАШНИ. СВЕТОЕ ЗДАНИЕ
С ЗОЛОТЫМ ШПИЛЕМ, НАПОМИНАЮЩЕЕ ТО ЛИ
ГОТИЧЕСКИЙ ХРАМ, ТО ЛИ МЕЖПЛАНЕТНЫЙ
КОРАБЛЬ, ЛИШЬ ОТТЕНЯЛО ИХ ЗЫБКУЮ КРАСОТУ.
А ЦВЕТА ЗАСТАВЛЯЛИ ПОЧТИ ПОЧУВСТВОВАТЬ
НА ЯЗЫКЕ ВКУС ТОПЛЕННОГО МОЛОКА, ВИШНЕВОГО
МОРОЖЕНОГО, НЕЖНОЙ САХАРНОЙ ВАТЫ,
ТЕМНОГО КРАСНОГО ВИНА... В МОСКВУ НАКОНЕЦ
ПРИШЛО ЛЕТО, И В БОТАНИЧЕСКОМ САДУ МГУ
РАСЦВЕТАЛИ 300 СОРТОВ ПИОНОВ!

«**Н** АША СТРАНА богата пионами. На территории России встречается семь диких видов этих растений, включая тот, который тысячелетиями культивируют в Китае», – начинает рассказ кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник

ник, руководитель группы декоративных растений и куратор коллекции пионов Ботанического сада Московского государственного университета Сергей Владимирович Ефимов. Пион молочноцветковый растет в Приморском и Хабаровском краях, Амурской и Читинской областях. Здесь проходит север-

ная граница ареала этого вида. Пион уклоняющийся сибиряки и жители деревень по верховьям рек Вычегды, Айювы, Печорской Пижмы называют «марьиным корнем» за его лечебные свойства. В дубравах Дальнего Востока распускаются бледные цветы пиона обратно-яйцевидного, названного так из-за продолговатых листьев. Кавказ может похвастаться пионом Млокосевича – крупнолистным, с цветами холодно-желтого оттенка. Его теперь объединяют с пионом крымским, названным по ошибке «даурским» вместо «таврического». Есть еще яркий, как шиповник, пион кавказский, внесенный в Красную книгу РФ. Пион Виттмана из окрестностей Сочи и Абхазии – это золотой шар тычинок в белой короне лепестков. А на склонах Крымских гор над копной узких длинных листьев распускаются кроваво-красные цветы пиона тонколистного.

КИТАЙСКИЙ ЛЕКАРЬ, НЕМЕЦКИЙ САДОВНИК

В отличие от многих других садовых цветов пионы могут долгие годы расти на одном месте. В Москве, например, на территории Тимирязевской академии пионы, высаженные еще в конце XIX века, росли более ста лет.

Пион не только садовое, но и лекарственное растение. Хотя он ядовит и в его листьях содержатся опасные алкалоиды, но высушенное корневище можно использовать в пищу и для приготовления настоек. Если европейцы как успокоительное средство использовали экстракт валерианы, то жители Дальнего Востока с той же целью применяли настойку пиона. А на Кавказе детям надевали на шею ожерелья из семян этого растения, чтобы отпугивать бесов.

Родиной пионов считают Китай, где его культивируют более двух тысяч лет. У европейцев царица

Пион «Памяти академика Курчатова» – махровый темно-розовый сорт назван в честь величайшего советского ученого, основателя Института атомной энергии

Куратор коллекции пионов Ботанического сада МГУ Сергей Ефимов легко ориентируется в цветочных лабиринтах

цветов – роза, а в Китае король цветов – пион. Точнее, пион кустарниковый, «цветок императора», у которого одревесневают побеги и почки зимуют выше почвы. Травянистый же пион в Китае можно считать аристократом из императорской свиты. В Поднебесной пионы олицетворяли богатство, знатность, их изображения заполняли китайские гравюры и шелка.

Согласно довольно запутанной древнегреческой мифологии, олимпийских богов лечил врач Пион. По одной версии, он был учеником бога-лекаря Асклепия и, на свою беду, превзошел учителя в искусстве врачевания. Асклепий решил отравить Пиона, однако боги превратили

его в прекрасный цветок, наделенный лекарственными свойствами. По другой – Пион сам был богом. Его имя упоминают и Гесиод, и Гомер в «Илиаде» и «Одиссее». Позже в древнегреческой литературе Пионом называли и Асклепия, и Аполлона...

Как бы то ни было, ясно, что лечебные свойства пиона были известны людям с древности. В том числе и европейцам, в аптекарских огородах которых примерно с XVI века выращивали и лекарственный вид пиона, и его садовые махровые формы: красный махровый (rubra plena), розовый махровый (rosea plena) и белый махровый (alba plena). Со временем пионы перекечевали из аптекарских

огородов в частные сады, где их культивировали уже как декоративное растение.

Когда же пионы появились в России? «По старинным гравюрам и описям мы точно знаем, что у царя Алексея Михайловича в усадьбах Измайлово и Коломенское выращивали эти растения, – рассказывает Сергей Владимирович. – По всей вероятности, это была садовая форма пиона лекарственного. Когда же Петр I перенес столицу в Санкт-Петербург, он просил прислать для Летнего сада из Измайлова «растений пахучих». И в ответном письме благодарил за присланные кусты пионов «с запахом». Значит, в саду Алексея Михайловича росли пионы молочноцветковые – китайские сорта, вероятно, попавшие в Россию из Юго-Восточной Азии торговыми путями».

Пион же лекарственный, который попал в Россию из Европы, не имел запаха. Скорее всего, он прибыл с иностранными лекарями, которых цари выписывали из европейских стран. Немцы и голландцы привезли в Россию и первые травники – сборники с рисунками растений и описанием их целебных свойств.

Пионы росли в императорских и аристократических усадьбах – в Петергофе, Кускове, Архангельском. Но что это были за сорта, мы не знаем, их названия на планах садов не указывали. А вот в усадьбе Царицыно пионов не было: здесь царил эстетика ландшафтного романтического парка, для которой характерно минимальное цветочное оформление.

В конце XIX века в Москве на Мясницкой улице работал большой цветочный магазин. Принадлежал он немцу Эрнсту Иммеру и его сыну, заложившим в городе два первых питомника, где выращивали и пионы. А еще Иммеры издавали книги с планами садов, на которых обозначались клумбы с пионами. Любопытчик, купив такую книгу, мог разбить в своей усадьбе подоб-

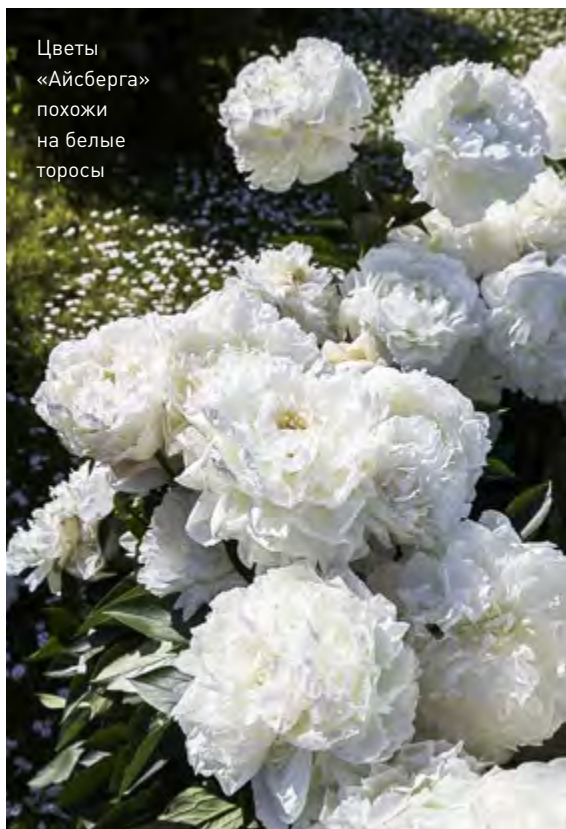
Сиренево-розовый сорт «Яблочкина» напоминает о дружбе московских селекционеров и артистов Малого театра

ный цветник. Пионы были широко распространены в России во второй половине XIX – начале XX века. Цвели они всего две-три недели, и их аромат возвещал о начале короткого русского лета.

СОВЕТСКИЙ ВАРИАНТ

«До середины XX века в Советском Союзе высаживали иностранные сорта пионов. Для меня загадка, почему долгое время наши ученые не обращали внимания на это растение», – говорит Сергей Ефимов. В 1937 году над разведением пионов начал работать профессор Московского института связи и Московского энергетического института, физик и цветовод-любитель Степан Давидович Купальян. В московском поселке Сокол, где жили многие известные садоводы, он высевал семена пионов. В 1939-м цветоводы поселка Сокол, в том числе и Купальян, получили на ВДНХ несколько высших наград за лучшее качество посадочного материала: непрофессиональные селекционеры уже собирали коллекции сортов, что было очень важно для селекционного процесса.

А первыми селекционерами-учеными, начавшими работать с пионами, были сотрудники Ботанического сада МГУ и Главного ботанического сада Академии наук. В МГУ пионами занимались Анастасия Антоновна

Цветы «Айсберга» похожи на белые торосы

Сосновец и ее ученица Вера Федотовна Фомичева, а в Главном ботаническом саду Академии наук – Надежда Сергеевна Краснова. Эти три женщины стояли у истоков научной селекции пионов в СССР.

С 1928 года в Ботаническом саду МГУ (ныне – филиал Ботанического сада МГУ «Аптекарский огород») в субтропической оранжерее начали проводить выставки, которые привлекли внимание многих цветоводов-любителей и спро-

воцировали всплеск интереса к декоративным растениям, в том числе и к пионам. Но садоводам нужно было где-то приобретать семена и саженцы. И в 1928–1933 годах Ботанический сад Московского университета становится, как тогда писали, «ячейкой селекции» для цветоводов всей Москвы. В научных институтах и у любителей формируются собственные коллекции. Появляется все больше посадочного материала, владельцы кол-

Ботанический сад МГУ – цветущий остров среди города

лекций обмениваются своими растениями с ботаническими садами. Так начинается процесс выведения новых сортов. Правда, этот процесс растягивается на годы.

Дело в том, что семена пионов отличаются длительным периодом прорастания – им на это требуется два года. Когда Анастасия Антоновна Сосновец начинала селекционную работу с пионами, у нее не было цели получить новые сорта. Она изучала способы прорастания семян и разрабатывала методику ускорения этого процесса. Анастасия Антоновна была цитогенетиком, и ее в первую очередь интересовало, как вывести растения из глубокого физиологического покоя. Решая чисто научные задачи, Сосновец обратила внимание, что в процессе работы получались интересные сеянцы, которые можно было регистрировать как декоративные сорта. Анастасия Антоновна вспоминала, что неожиданный результат так ее увлек, что ей захотелось вывести отечественные сорта пионов, которые выдерживали бы климатические условия средней полосы России.

Лепестки «Белого паруса» колышутся под ветром как полотнища корабля

Во время Великой Отечественной войны селекционные работы были приостановлены, часть сотрудников Ботанического сада МГУ была эвакуирована. В эвакуации ученые занимались исследованиями, которые помогли бы сохранить жизнь и здоровье наших солдат. Пригодился и опыт работы с пионами: корневища марьиного корня измельчали и в качестве витаминизированного комплекса добавляли в хлеб, который давали в госпиталях раненым.

Оставшиеся в Москве сотрудники Ботанического сада как могли сохраняли коллекцию растений. От бомбежек пострадало немало деревьев, были выбиты окна в теплицах, но ученые несли круглосуточное дежурство, разбирали завалы, топили теплицы, чтобы спасти растения от холода.

С 1945 года началась работа по возрождению коллекции Ботанического сада, возобновились экспедиции, из которых привозили саженцы. Буквально за три года фонды были восстановлены, и сотрудники сада возобновили селекционные работы.

Первое цветение сорта «Победа» пришлось на 1945 год

ПОЛЕЗНЫЕ НАРУШЕНИЯ

«Селекционный процесс, точнее, гибридизация позволяет увидеть некоторые процессы эволюции быстрее, чем они протекают в природе, – объясняет Сергей Владимирович. – Сорта – это нарушения нормы. Работая с такими нарушениями, мы делаем шаги в понимании общебиологических проблем. Например, как в процессе эволюции появляется то или иное отклонение? Так что эти исследования помогают понять процесс эволюции в целом. Обычно ботаники прово-

дят границу между природной и садовой флорой. Еще Карл Линней писал: «Ботаника должна изучать норму, а все отклонения мы оставим на радость садовникам». Долгое время так и было, а сейчас мы понимаем, что сорта и виды надо изучать комплексно, потому что это – уникальные комбинации генов. Признаки, которые позже ярко проявляют себя в сортах, изначально заложены в виде». К примеру, автор вывел сорт с интересными признаками, но не указал родительские формы. Используя молекулярно-гене-

Сорт «Варенька» благоухает нежным липовым ароматом

Возглавила новое направление Нина Александровна Базилевская. Она разослала письма в зарубежные ботанические сады, попросив коллег помочь создать коллекцию, и в новый отдел института стал поступать посадочный материал. Как ученый Базилевская изучала разные растения, но ее любимцем оставался пион.

В августе 1940 года Николая Ивановича Вавилова арестовали по ложному обвинению, а многих сотрудников института уволили. Потеряла работу и Нина Александровна, подписавшая письмо в защиту Вавилова. Направление «цветоводство» в институте закрывают, а собранные коллекции отправляют в Москву, в новый ботанический сад, ныне – крупнейший в Европе Главный ботанический сад РАН, работу по организации которого вел академик Борис Александрович Келлер. В этот же сад устроилась на работу и Базилевская, вновь возглавив отдел цветоводства. С началом войны сотрудников эвакуировали в Ашхабад, а после возвращения в Москву продолжилась работа над созданием Главного ботанического сада уже под руководством академика Николая Васильевича Цицина.

В 1945 году Нина Александровна перешла на работу в Институт леса АН СССР, а затем по поручению ректора МГУ, академика Александра Николаевича Несмеянова, занималась созданием Ботанического сада университета. Она же и стала его первым директором, собрав команду крепких профессионалов и известных специалистов. В их числе была и Елена Ипполитовна Шиповская, возглавившая отдел декоративных растений.

Базилевская добилась разрешения использовать валютный счет университета, чтобы приобретать для Ботанического сада посадочный материал у самых известных селекционеров мира. Генофонд, который она собрала в Ботаническом саду МГУ, бесценен. Нина Александровна поддерживала селекционные работы сотрудников. Она орга-

тический метод исследования и сравнивая последовательности ДНК, можно выяснить, от каких видов произошел новый сорт. Существует международный ресурс – база данных Генбанк (GenBank), поддерживаемый Национальным центром биотехнологической информации США, где учеными, в том числе сотрудниками Ботанического сада МГУ, выкладываются аннотированные нуклеотидные последовательности ДНК и РНК организмов. Полученные данные о происхождении cultivара (искусственно созданный сорт. – Прим. ред.) помогают понять, как ухаживать за сортом: на каком участке высаживать, какие удобрения использовать, каким заболеваниям он подвержен.

Селекционер пытается не изменить растение, а развить уже имеющееся в нем, выявить его новые признаки. «Селекционный процесс всегда длителен. Люди, занимающиеся им, не боятся неудач и многих лет кропотливого труда. Поэтому, мне кажется, практически каждый селекционер достоин отдельного рассказа», – замечает Сергей Ефимов.

ДИРЕКТОР МОСКОВСКИХ ПИОНОВ

История появления пионов в Ботаническом саду МГУ на Ленинских (Воробьевых) горах связана с Ниной Александровной Базилевской – его первым директором, ученицей и соратницей Николая Ивановича Вавилова. В 1937 году директор ленинградского Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства Николай Вавилов решил создать секцию цветоводства. Он заметил, что это направление советская наука практически не развивает. Вавилов поделился идеей с молодыми коллегами, те ее с готовностью поддержали.

Несколько сортов в Ботаническом саду посвящены русскому балету. Пион «Маяя Плисецкая»

Сорт «Восход» легко узнать по оттенкам розового цвета

низовала сеть сортоиспытательных участков для декоративных растений, исполнив мечту Николая Вавилова: теперь в разных регионах страны ученые могли испытывать новые отечественные сорта растений. Не без участия Нины Александровны на свет появился в 1958 году журнал «Цветоводство», издающийся до сих пор. Испытания новых сортов на соответствие принятым стандартам (комплекс декоративных и хозяйственно-биологических качеств. – **Прим. ред.**), секция цветоводства Московского общества испытателей природы, павильон цветоводства и озеленения ВДНХ – все это случилось благодаря Нине Александровне Базилевской.

ПИОНОВОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ

«В России действуют 114 ботанических садов, и практически в любом из них есть коллекция пионов, – рассказывает Сергей Владимирович. – В Москве крупнейшие коллекции пионов собраны в Главном ботаническом саду, в Ботаническом саду МГУ и во Всероссийском селекционно-технологическом институте садоводства и питомниководства. В Санкт-Петербурге самая большая коллекция пионов находится в Ботаническом саду Петра Великого. Очень хороши коллекции пионов во Владивостоке, Уфе и в ряде южных ботанических садов – в ялтинском Никитском и симферопольском Таврическом. А самый северный ботанический сад, в котором есть коллекция пионов, находится в Апатитах».

На форму и цвет пионов влияют климатические условия, объясняет Сергей Ефимов. Причем настолько, что в зависимости от климата региона один и тот же сорт может заметно меняться. Например, для растущих в Москве пионов южного происхождения климат довольно прохладен, и они могут из густомахровых становиться полумахровыми.

...Сергей Владимирович рассказывает об античных мифах и китайских лекарствах, садовниках пе-

Пионы цветут недолго, а живут до ста лет

тровского времени и советских ученых, а вокруг нас на зеленом острове среди московского асфальта клубятся белые, розовые, малиновые, желтые пионовые облака, сохраняя память и о тех, кем они были созданы, и о тех, кому посвящены.

На кусте у дорожки – соцветия с лепестками, на которых ярко-розовый цвет плавно переходит в оттенок бледного бутона вишни – эти пионы цветут уже три недели, придающие им цвет пигменты разрушаются, и лепестки выгорают, как волосы на южном солнце. Создавшая сорт селекционер

Ботанического сада МГУ Анастасия Антоновна Сосновец посвятила его великой актрисе Малого театра Александре Яблочкиной. Между сотрудниками Ботанического сада и труппой Малого театра были дружеские отношения. Артисты приглашали ученых на свои спектакли, и те приезжали с гигантскими корзинами цветов. Когда их выносили в конце спектакля, по залу проходил легкий ропот: «Откуда такая красота?» – «Ботанический сад приехал». – «Тогда понятно!»

В саду есть отдельная клумба сортов, посвященных легендам рус-

Кремово-белый цветок пиона «Галина Уланова» постепенно выцветает до белого

ского балета. Анастасия Антоновна Сосновец назвала пионы в честь Майи Плисецкой – редкий случай, когда в советское время сорт был посвящен известной личности еще при жизни. Как Майя Михайловна умела совмещать классику и авангард, так и этот цветок совмещает в себе разные формы. Когда он раскрывается, то похож на анемон. Потом центральные лепестки увеличиваются в размере, и пион превращается в крупный цветок безупречной шаровидной формы. Этот сорт, который любят писать художники, очень ароматный и обильно цветущий. Автор сорта «Галина Уланова», Степан Купальян, постарался соз-

дать цветок, напоминающий по форме балетную пачку. Бутон «Галины Улановой» бледно-зеленого цвета из-за содержащегося в лепестках небольшого процента хлорофилла. Он тормозит раскрытие, и, только когда хлорофилл разрушится, бутон раскроется в ослепительно белый цветок. Совсем иной по характеру сорт уфимской школы селекции «Рудольф Нуриев», цветы которого долго сохраняют интенсивный сиреневый цвет. Еще один сорт, «Мечта Королева», выведенный уфимскими селекционерами, посвящен академику Сергею Павловичу Королеву. В Ботаническом саду МГУ его хотят посадить вместе с «Памятью

Космонавт Юрий Гагарин погиб в 34 года, а названный в его честь цветок расцветает каждую весну

Гагарина» и «Валентиной Терешковой», объединив в экспозиции все сорта, названные в честь героев освоения космоса.

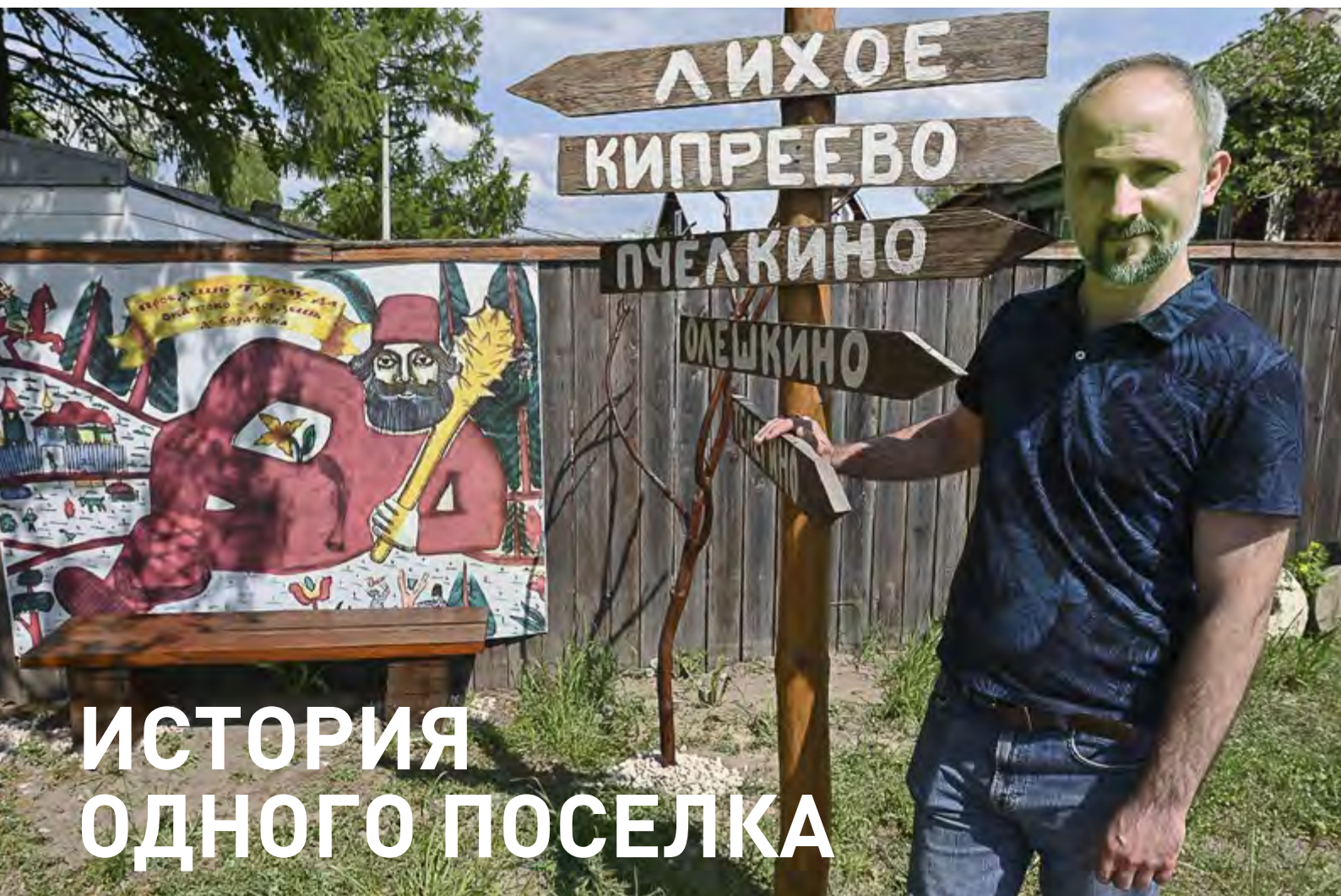
Сорт «Памяти Гагарина» вывела Надежда Сергеевна Краснова, работавшая, как и Анастасия Сосновец, в 1950-е годы. Она занималась селекцией сразу с несколькими декоративными растениями, в том числе и пионами. Обильно цветущий перспективный сеянец с полумахровыми соцветиями и тычинками интересного сложения Краснова получила в 1957 году, а после трагической гибели первого космонавта назвала растение в его честь.

Кстати, самым первым сортом, выведенным в Ботаническом саду МГУ Анастасией Сосновец, был пион «Белый парус». Раскрывшиеся лепестки, длинные и белые, колышутся на ветру как паруса, желтоватые стаминодии испускают приятный аромат, напоминающий запах ландыша. Этот сорт – визитная карточка Ботанического сада МГУ: «Белый парус» распускается первым. И это означает, что пришла пора цветения пионов.

На клумбах Ботанического сада МГУ растут и пряный пион «Памяти академика Курчатова», и «Варенька» с теплым липовым ароматом, и большой белый «Айсберг», и переливчатый «Восход».

Цветет на университетской грядке и первый отечественный сорт. Селекционер Степан Купальян отобрал перспективный сеянец еще в 1945 году, но зарегистрировал его только в 1958-м. У этого сорта бутон – пирамидкой, как у розы, и раскрывается он из центра, что нехарактерно для пионов, у которых обычно сначала расходятся внешние лепестки. Купальян назвал свой сорт «Победа». Бывший фронтовик, вероятно, прекрасно чувствовал скорбный и трогательный контраст между нежными цветами и безжалостным пламенем войны. Хрупкая красота первых оказалась сильнее ужасов второй, каждый июнь убеждая, что жизнь сильнее смерти. 🌸

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОСЕЛКА

АВТОР

Зоя Мозалёва

ФОТО

Андрея Семашко

ПОСЕЛОК ТУМА В РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ ХОТЬ И НЕБОЛЬШОЙ, НО КОЛОРИТНЫЙ. И ИСТОРИЯ У НЕГО БОГАТАЯ И РАЗНООБРАЗНАЯ. ЖАЛЬ, РАССКАЗЫВАТЬ О НЕЙ ДО НЕДАВНЕГО ВРЕМЕНИ БЫЛО НЕГДЕ – В ТУМЕ НИКОГДА НЕ БЫЛО МУЗЕЯ. ПИСАТЕЛЬ АЛЕКСЕЙ ГУШАН, ПЕРЕБРАВШИЙСЯ В ЭТОТ УГОЛОК МЕЩЁРСКОГО КРАЯ ИЗ ПОДМОСКОВЬЯ, РЕШИЛ ИСПРАВИТЬ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ И СОЗДАЛ МУЗЕЙ «БЫЛИ-НЕБЫЛИ», В КОТОРОМ ДАЖЕ МЕСТНЫЕ ЖИТЕЛИ УЗНАЮТ МНОГО НОВОГО О РОДНЫХ КРАЯХ.

АЛЕКСЕЙ РОДИЛСЯ в Ленинградской области, потом жил в Подмоскowie, а теперь он говорит «наша Тума» про небольшой поселок городского типа в рязанской глубинке. Три года назад семья Гушан решила поменять подмосковную квартиру на дом в глубинке, где «можно дышать свежим воздухом». «Мы три года искали свой дом, –

вспоминает Алексей. – Обездили все дальнейшее Подмоскowie, были в Смоленской, Тверской, Ярославской, Владимирской областях. В 2019 году добрались до Рязанской. Посмотрели много вариантов, все было не то. В январе 2020 года приехали в Туму Клепиковского района. Первое, что сделали, зашли в храм. Он нас поразил, и мы поняли, что надо подбирать дом здесь».

ТУМАНЫ, ТУМАКИ И ДУБЫ

В Туме Алексей не смог довольствоваться простой жизнью сельского обывателя и стал изучать историю поселка. «Я не ожидал, что она настолько увлекательная. Меня интересовали писатели и поэты, которые бывали в Туме либо писали о ней. К моему удивлению, их оказалось немало. Мне хотелось поделиться свои-

Еще три года назад Алексей Гушан даже не думал, что будет жить в рязанской глубинке и создавать музей, посвященный местным былям и небылям

Музей регулярно пополняется экспонатами – многое приносят местные жители, которые доброжелательно восприняли появление музея в их поселке

ми открытиями со всеми, – рассказывает новоиспеченный тумчанин. – Я поразился, что до нашего приезда в Туме не было музея и ее богатая история нигде не была отражена». Так и появилась идея создать музей.

Тума стоит на пересечении дорог, по которым каждый день многочисленные туристы едут во Владимир, Суздаль, Муром, Касимов. Но эти автобусы пролетают мимо поселка не останавливаясь. Осенью 2020 года, когда Касимовский центр ту-

ризма собирался организовать промотур для туроператоров из разных городов, Алексей Гушан попытался уговорить привезти их и в Туму, а в ответ услышал: «А что там смотреть?» «И мне стало очень обидно за Туму, – вспоминает Алексей. – Я подумал: если даже такого величественного храма недостаточно, чтобы привлечь внимание туристов, надо создать что-то еще».

Музейный проект писатель начал разрабатывать в сентябре 2020 года, собирая по крупицам детали местной истории, прокладывая дорожки в прошлое. Общался с местными жителями, собирая легенды и сказания. Понял, что реальные факты переплелись с вымыслом и уже не всегда можно докопаться до подлинной истории. Так и родилось название будущего музея – «Были-небыли», хотя, если быть точной, он именуется «Дом-музей тумского сказителя «Были-небыли».

И былей, и небылей в тумской истории предостаточно. Взять хотя бы версии о происхождении названия. Кто-то говорит, что поселок получил имя из-за туманов, кто-то вспоминает местных разбойников, которые прятались по лесам и нагрядали тумками проезжающих. «Я люблю работать со словарями, изучать местные диалекты. До прихода славян здесь жили финно-угорские племена – мордва (мокша и эрзя), мурома, мешеря. И если мы откроем словарь эрзянского языка, там можно найти слово – «тума», обозначает оно «дуб», – говорит Алексей. И указывает на дерево перед входом на территорию музея. – И вот он – красавец-дуб. Судьба так распорядилась, что мы приобрели дом с большим дубом. Когда покупали, и внимания не обратили. Была зима, что за дерево растет на участке, даже не поинтересовались. И теперь именно от этого дуба я начинаю свои экскурсии».

Часть экспозиции музея расположилась прямо под открытым небом

ЛЮБИМЫЕ БЛИНЫ ПУШКИНА

Экспозиция начинается прямо под открытым небом: Алексей Гушан создал во дворе несколько музейных зон. Указатель задает направления: «Лихое», «Кипреево», «Пчелкино»... В «Лихом», которое расположилось под тем самым дубом, гостей ждет разбойничья история Тумы: лесные обитатели когда-то были легендой этого края. «Земли у нас неплодородные, земледелием здесь занимались мало, в основном в каждом поселении были какие-то ремесла. А те, кто не хотел заниматься ремеслами, уходили в леса, сколачивали шайки и грабили проезжающих. Это был распространенный «промысел» в наших местах, – рассказывает создатель музея. – До сих пор сохранилась поговорка: «Проедешь Туму да Окотово – доедешь до Саратова». Окотово – это местечко в 40 километрах от Тумы, в Гусь-Хрустальном районе. Это был самый разбойничий участок». Вообще, с разбойниками здесь связано много легенд и историй. Местная жительница поделилась с Алексеем, что ее прадед видел разбойничью карту, на которой обозначены места кладов – якобы разбойники закопали в окрестностях Тумы 12 бочек с золотом. До сих пор местные ищут эти богатства, правда, пока ни одной бочки найти не удалось. Однако в этих лесных краях обитали не только сорви-головы, но и бортники. «В нашем краю многое связано с пчелами. А самая плодovitая среднерусская пчела именуется «мещёрка», – объясняет Алексей. – Исторически наши края – Туму, Клепики – называли Бортной землей. Отсюда больше всего меда и воска поставляли к царскому двору. Много «мещёрского золота», как именовали мед, отправлялось на экспорт».

Следующая стрелка указателя направляет в «Кипреево» – здесь можно не только попить вкуса-

Алексей Гушан создал тумскую достопримечательность – до этого никакого музея в поселке не было

Создатель музея проникся судьбой «тумской американки», и теперь музей «Были-небыли» стал хранителем удивительной истории Мэри Рид

ного иван-чая, но и отведать литературных блинов. Чтобы узнать о любимых лакомствах писателей и поэтов, Алексей Гушан связывался с музеями, и теперь в меню тумского музея есть блины по рецептам Софьи Толстой, семьи Цветаевых, чеховские блины... Самой большой популярностью пользуются пушкинские. «Няня Арина Родионовна готовила для Пушкина особые блины, розовые. Она добавляла в тесто свекольный сок. А он дает не только красивый цвет, но и добавляет сладости. Пушкин мог съесть до 30 таких блинов, – улыбается тумский сказитель. – Мне хотелось, чтобы у нас было не просто угощение, а меню с литературным колоритом. Ведь у нас не краеведческий, а историко-литературный музей».

ТУМСКАЯ АМЕРИКАНКА

С литературной историей Тумы знакомиться в музейном здании – небольшой избушке, в которой и размещается экспозиция. «Здесь я собрал информацию о тех писателях и поэтах, которые так или иначе были связаны с Тумой», – объясняет создатель музея. Особое место отведено «тумской американке» Мэри Рид – биография журналиста-международника и переводчика заслуживает отдельного рассказа. Алексей Гушан тщательно собирал информацию о непростой судьбе этой женщины и сегодня может рассказать много удивительных подробностей. О том, как, проникшись коммунистическими идеями, Мэри в 1927 году приехала в Советскую Россию, как пережила блокаду, потеряв единственного сына. И как потом прошла испытание лагерями. Как, освободившись, поселилась в Туме и даже после разрешения вернуться в Ленинград осталась в этом скромном уголке Рязанского края.

Недавно музейный уголок, посвященный Мэри, пополнился новым экспонатом – кукла в пуховом платочке, везущая воду на санках. «Это Мэри в блокаду, – поясняет Алексей. – Эту куклу изготовила мастерица из Рязани Светлана Бирюкова. Эта худенькая фигурка очень похожа на Мэри, у которой во время блокады была вторая степень дистрофии. Ее смогли выходить. Мэри работала на радио вместе с Ольгой Берггольц и тоже вела свой блокадный дневник, только на английском языке». В музее есть фотографии молодой Мэри Рид, а тумчане помнят ее уже пожилой – в глубинку Рязанской области американка приехала в возрасте 57 лет... Здесь же фотографии уголовного дела Мэри Рид, ее медали «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны». В Туме Мэри прожила шестнадцать лет. Скорее всего, Мэри намеревалась прожить в Туме до конца дней, но после перелома шейки бедра ее перевезли сначала в дом-интернат,

что тропа Паустовского начинается в Туме, – рассказывает Алексей Гушан. – Достаточно внимательно прочитать его повесть «Мещёрская сторона». Он сам пишет, что впервые попал в Мещёру с севера, со стороны Владимира, за Гусь-Хрустальным, на тихой станции Тума. Именно здесь был старт. Здесь он садится на поезд узкоколейки и едет в Рязань». Алексей Гушан обратился в Музей Паустовского в Москве и уточнил, когда именно писатель был в Туме. Оказалось, что приезжал он в 1930 году, а книга вышла девять лет спустя – в 1939-м. Нашел Алексей Гушан в повести и подробное описание мещёрской узкоколейки. «В то время здесь еще ездили паровозики бельгийского производства. Они были очень тихоходные, вспоминают, что 100 километров до Рязани поезд преодолевал за 10 часов. Люди из первого вагона могли выйти и пособирать ягоды и грибы и успеть сесть в последний вагон поезда. Паустовский пишет, что это была самая тихоходная железная дорога в Советском Союзе». В музее можно увидеть фотографию послевоенного паровозика, который у местных жителей получил прозвище «кукушка» – при движении колеса издавали своеобразный стук, напоминавший кукование. Тумчане любили свою узкоколейку. Жаль, что несколько лет назад рельсы разобрали и теперь никто уже не слышит позывные «кукушки».

В витрине музея можно увидеть книгу «Мещорская сторона», изданную в 1947 году – еще при жизни автора. «Интересно, что «Мещорская» тогда писалась через «О», – показывает на обложку Алексей.

Можно увидеть здесь «Мещёрскую сторону» и на французском – год назад в гостях у тумского сказителя были французы, и их очень порадовал экспонат на родном языке.

А еще Алексей Гушан нашел упоминание Тумы в трилогии «Живые и мертвые» Константина Симонова. Один из главных ге-

Константин Паустовский не раз бывал в Туме – он очень любил Мещёрский край, много бродил здесь по лесам и плодотворно работал

ТУМА ЛИТЕРАТУРНАЯ

Конечно, не могла экспозиция музея обойтись без Есенина. Оно и понятно: Есенин учился неподалеку – в Клепиках, а в Туму нередко приезжал со своим школьным другом. «Вот на этом пруду, – показывает Алексей на схему Тумы XIX века, – Сергей Есенин любил кататься на коньках».

Еще один писатель, судьба которого связана с Тумским краем, – Константин Паустовский. Каждый рязанец знает, что Паустовский не раз бывал в Мещёре. В Солотче даже есть знаменитая тропа Паустовского, которую сейчас активно развивают для туристов. «Но мало кто знает,

а потом в Переделкино. Там она и умерла в марте 1972 года и была похоронена на местном кладбище. «В прошлом году мы организовали конкурс, который назвали «Всесильна жизнь». Это из эпитафии на могиле Мэри Рид: «Всесильна жизнь – оружие героев», – говорит Алексей. – Конкурс проводится в двух номинациях: художественное чтение и рисунок. В этом году конкурс перешагнул границы Рязанской области, стал всероссийским, – продолжает Алексей Гушан. – Самому младшему участнику было 4 года, старшему – за 60. Хочется, чтобы о Мэри знали и помнили. Это удивительная страница истории Тумы».

Мало кто знает, что знакомство Константина Паустовского с Мещёрой началось именно в Туме

роев, генерал Серпилин, родом из Тумы. «Стал выяснять, откуда Константин Симонов знал про Туму, и оказалось, что писатель в детстве довольно долго жил в Рязани», – говорит Алексей.

Конечно, упоминается Тума и в произведениях Бориса Можаяева – автора с рязанскими корнями. В его книге «По дороге в Мещёру» Тума и окрестности описаны как дикий лесной край, где бродят лешаки и разбойники. Особое место в экспозиции Алексей Гушан отдал Александру Куприну, ведь знаменитый писатель бывал здесь не раз. Для многих местных жителей стало открытием, что в 30 километрах от Тумы, в селении Ветчаны, жил Станислав Генрихович Нат, муж родной сестры Куприна, Зинаиды Ивановны. «В 1897–1899 годах Куприн часто и подолгу гостил у своей сестры, здесь он начал работать над повестью «Олеся», написал цикл рассказов

Одна часть экспозиции рассказывает о крестьянском быте – об устройстве избы, о повседневных делах, о поверьях...

Приехав в Туму, Алексей Гушан стал интересоваться, какие поэты и писатели связаны с этим краем, и был очень удивлен, как много великих людей бывало в Туме или писало о ней

о Туме – «Болото», «Ночь в лесу», «Попрыгунья-стрекоза», «Мелюзга», – рассказывает Алексей.

Есть здесь и стихи автора музея – как говорит он сам, «из тумской тетради». В апреле в Новосибирске в одном из старейших литературных журналов, «Сибирские огни», вышла подборка стихов Алексея Гушана «По Мещёре».

ТУМА МАСТЕРОВАЯ

После Тумы литературной гости музея попадают в Туму мастеровую. Второй зал разделен на две зоны: одна посвящена ремеслам, вторая рассказывает о жизни и быте тумчан в конце XIX – начале XX века. И первый экспонат – резной наличник. «В музее много наличников, потому что такую красоту очень

Тумские мужики чаще всего занимались плотницким ремеслом и своим мастерством прославились далеко за пределами родного уезда

хочется сохранить и показать людям. Когда я приехал в Туму, ездил по деревням и фотографировал, что еще осталось. А потом познакомился с мужчиной, который снимал Туму в 2000 году – от того, что запечатлено на его фотографиях, осталась лишь треть», – сокрушается Алексей Гушан. А когда-то в Туме все дома были украшены наличниками с затейливой резьбой. Ведь мешёрские плотники и резчики славились за пределами родного края. Андрей Тулупов со своим топориком работал в Индии, Австралии, Китае, на Филиппинах. На стенах музея «Были-небыли» можно увидеть фото знаменитого резчика с супругой. Сделана эта фотография в Австралии. Еще один мастер, живший неподалеку от Тумы, в деревне Норин, – Косьма Иванович Букин. Он участвовал во Второй Всероссийской кустарной выставке, которая проходила в 1913 году в Санкт-Петербурге под патронажем императорской семьи. «Собрали мастеров со всей Российской империи. Наш мастер представил на выставке свою самопрялку. Я прочитал и думаю: ну что тут такого – вот они такие стоят. Но он за свое изделие получил Большую серебряную медаль, наградной лист. Когда я

начал поднимать архивы, выяснил, что самопрялку он сделал в виде модели парохода, – рассказывает Алексей Гушан. – Николай II обратил внимание на работу рязанца. По его повелению она была оставлена в Кустарном музее Санкт-Петербурга. Я начал искать хотя бы фотографию

Во всех окрестностях дома украшали резными наличниками – это была наглядная иллюстрация мастерства местных резчиков

этого изделия, но музей был расформирован в 1930-е годы, потом была блокада, и все где-то затерялось. Я обращался в Эрмитаж, в Этнографический, в Русский музей. Увы, пока ничего не нашлось».

На память о мастерстве еще одного местного умельца остались хотя бы фотографии. Тумский мастер Илларион Григорьевич Баранов делал удивительной красоты резные скворечники, поражающие тонкостью работы. Если присмотреться, видно, что даже окна в этих домиках застеклены! «К сожалению, сохранились только фотографии, но и их было не так-то просто найти, – говорит Алексей Гушан. – Родился этот мастер, судя по всему, в конце XIX века, а умер уже в советское время – в 1963-м».

Но не только резчики жили в этих краях. К примеру, в Туме делали большие кули из рогожки. Такая тара была незаменимой для торгового люда – пакетов в то время не было, а товары надо было упаковать. Кули пользовались большим спросом, ведь раньше по узкоколейке сюда привозили до 1,5 тысячи тонн грузов. Для изготовления кулей изобрели что-то наподобие примитивного станочка и поставили производство на серьезный поток – за год здесь делали до 870 тонн таких «пакетов».

Деревня Макарово славилась красивыми расписными саями, в деревне Молькино делали крестьянские фонари, в Гурееве – необычные, расписанные яркими ягодами сундуки... А жители Неверова прославились кузнечным мастерством. «Занимались не веровские кузнецы исключительно топорами. И делали они их такого высокого качества, что до революции сюда приезжали за топорами даже из Парижа, – утверждает Алексей Гушан. – Среди мастеров были известны две фамилии – Кузнецовы и Христовы. Христовы ставили на свои изделия крест, это был их знак качества».

ЛАПОТЬ ДЛЯ ДОМОВОГО

Познакомившись с промыслами Тумы и ее окрестностей, гости музея переходят во вторую часть зала – здесь все обустроено так, чтобы передать особенности крестьянского быта. В центре, конечно, русская печь – создатель музея сделал этот макет собственноручно, сам же и расписал. «Макет я смастерил по принципу глинобитной печи: делался деревянный каркас, который обмазывали глиной, потом поджигали – каркас сгорал, глина обжигалась, и получалась твердая как камень печь, – поясняет Алексей. – Позже стали складывать печи из кирпичей». Когда семья переезжала из старого дома в новый, с собой «приглашали» домового. «Я обратил внимание, что на чердаках старых домов часто можно увидеть старый лапоть. Это был «транспорт» для домового – лапоть клали под печку, а потом переносили под печку в новом доме – так домовый переселялся на новое место». Росписи и витиеватые наличники не просто дань красоте, а украшение со смыслом. Считалось, что нечистая сила может проникнуть в дом через дверь, окна и печку. Их украшали резбой и росписью, рассчитывая, что это защитит от проникновения непрошенных гостей. Украшения на одежде, кстати, тоже служили оберегом. В традиционный мешёрский костюм в музее наряжена симпатичная куколка. «Я называю ее «мешёрская княжна Акулина». Вот так выглядели жительницы Мешёры, – показывает Алексей куклу в разноцветном наряде и в кичке с высокими рогами. Высота рогов свидетельствовала не о неверности мужа, как однажды предположили посетители музея, а о количестве детей – чем больше, тем выше».

Один из важных экспонатов – массивный ткацкий станок. «Мне привезли его в разобранном виде, это был непростой конструктор, долго пришлось думать, как его собрать. К счастью, нашелся человек, который мне в этом помог. Станок оказался не совсем традиционным

Создатель музея собрал подробную информацию о промыслах Тумы и соседних сел и деревень

Гости музея могут узнать и об использовании предметов по прямому назначению, и об их роли в обрядах

для наших широт, как правило, у нас были маленькие, а этот большой, серьезный. К тому же у него необычный механизм, который называется «челнок-самолет», – объясняет Алексей. – А вот эта конструкция называется «журавли». Когда ткали что-нибудь цветастое и были нужны определенные цвета, нажимали на педальку, и шли нити определенного цвета».

ЗАЯЦ-ТУМАК

Один из экспонатов музея «Были-небыли» – заяц. Но заяц этот непростой: есть заяц-русак, есть заяц-беляк, а этот именуется «тумак» – смесь беляка и русака. Они обычно крупнее своих сородичей. Охотники таких зайцев не жалуют, их трудно догнать, они хитры и смелы. «У нас есть история, связанная с этим зайцем, – рассказывает Алексей. – В 1825 году, когда Пушкин из своего имения ехал в Санкт-Петербург, чтобы поспеть к восстанию декабристов, перед его каретой пробежал заяц-тумак. Александр Сергеевич был очень суеверным – раз заяц пробежал, значит, пути не будет, и поэт повернул обратно».

В небольшом музее много разных экспонатов, каждый из которых может поведать о чьей-то судьбе. Старинные часы и шкафчики, швейные машинки, матрас, в котором были спрятаны церковные книги... Каждый предмет может рассказать целую историю. «Вот этот шкафчик в советские годы был перекрашен, оклеен обоями, картинками. Когда я все это очищал, нашел в щели монетку 1905 года», – вспоминает Алексей. А одна из посетительниц музея принесла ангелочка, которого ее прабабушка слепила из гипса. Ангелочку уже

Музей еще совсем молодой – недавно ему исполнилось два года, но за это время здесь побывало более тысячи посетителей

более века. «Я даже не думал, что музей будет так обрастать экспонатами, – удивляется Алексей. – Изначально у меня не было никакой коллекции, а сегодня все трудно разместить».

Похоже, музейная деятельность стала для Алексея Гушана еще одним видом творчества. Ведь каждую экспозицию надо оформить, продумать все так, чтобы нагляднее донести информацию. Алексей признается, что основная творческая энергия сейчас направлена именно на музей. «Кто-то сказал мне – все, пути назад уже нет. Теперь только вперед, – улыбается он и делится планами по развитию. – Со временем, думаю, придется расширять экспозицию. Конечно, для реализации всех задумок нужны средства. Мне очень повезло, что супруга такая понимающая. Мало кто смог бы терпеть, что муж тратит деньги из семейного бюджета на какие-то экспонаты. Меня жена во всем поддерживает, у меня очень надежный тыл».

Недавно музею исполнилось два года. И за такой короткий срок сделано немало. Высокой оценкой Алексей считает тот факт, что его детище включили во второй том энциклопедии, посвященной литературным музеям России. «Было неожиданно, когда мне позвонили из Музея истории российской литературы имени Даля. Теперь статья о нашем музее есть в энциклопедии литературных музеев. Это приятно». «У нас есть книга отзывов – там так много теплых слов, и это для

Даже местные жители узнают в музее много нового – до Алексея Гушана никто так скрупулезно не систематизировал богатую историю Тумы

меня главная награда, – говорит Алексей. – Мне хотелось, чтобы о Туме узнавали, рассказывали, потому что она достойна внимания. Здесь очень богатая и увлекательная история. Хочется, чтобы и местные жители прониклись этим духом. Многие внушают своим детям: учись, а то здесь останешься. Туму считают глухоманью, а я хочу, чтобы они по-другому взглянули на свою малую родину. Этот поселок достоин большего внимания. Мне очень хочется, чтобы местные жители гордились Тумой».

Взрослым Алексей Гушан рассказывает перипетии судеб людей, связанных с Тумой, с детьми играет в «угадайку», предлагая догадаться о предназначении предметов старины, рассказывает про разбойников и клады. «А со временем, надеюсь, будем делать театрализованные экскурсии – с чаепитием, в костюмах, – делится он планами. – Радует, что все больше людей узнает об этом удивительном месте».

В КИТАЙ-ГОРОД РЕКОЙ

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

КАКОЙ-ТО ХОРОШИЙ ДЯДЯ СДЕЛАЛ ДОБРОЕ ДЕЛО В ЭТУ МАЛУЮ ГОРОДСКУЮ НАВИГАЦИЮ. «ПОЧЕМУ ДЯДЯ? МОЖЕТ БЫТЬ, ТЕТЯ?» – УДИВЛЯЕТСЯ МОЯ ЖЕНА. НЕ ВРЕМЯ СПОРИТЬ, Я ЗВОНЮ ДОЧЕРИ, КОТОРАЯ ДРУЖИТ С ИНТЕРНЕТОМ. И ДОЧЬ ТУТ ЖЕ ЗАКАЗЫВАЕТ НАМ ЭЛЕКТРОННЫЕ БИЛЕТЫ НА КАТЕР. БИЛЕТЫ В СМАРТФОНЕ У ЖЕНЫ ОТРАЖАЮТСЯ...

Т ЕПЛОХОДИК КАЖДЫЙ день в 10.00 утра возит всех желающих прямо к Зарядью. От родного Кленового бульвара и в Китай-город! Представляете? И всего-то за 100 рублей с носа!

Да это же, как испокон веку говорили в нашей семье, – «Задаром, дети!». Что может быть лучше в летнее утро – кораблик прямо от дома в центр нашего великого города! Плышем!

Плышем и по сторонам с удовольствием смотрим. И с нами человек двадцать плывут – дедушки, бабушки, внуки и внучки. И еще десяток персон с жизненным опытом и задумчивым видом. День-то мы выбрали по уму, не выходной, не праздничный, обыкновенный. Когда народу на причале поменьше. И для кого на палубе, пусть негромко, этот нудный рэп включили? Для кого, а? Непонятно. Солнышко по левому борту – и то в недоумении. Мило на реке, вольготно. Располагаемся на открытой верхней палубе. От буфета и от рэпа подальше. Кораблик шустро отдает швартовы и бодро так идет против

Отдать швартовы!
Причал
Кленовый
бульвар

Нагатинский
метромост
соединил
Кожухово
и Нагатино
в 1969 году.
Длина речного
пролета
114 метров

течения, вверх по реке, к первому большому мосту на нашем пути. По мосту Нагатинскому люди в метро, автобусах, машинках на работы свои спешат, а мы внизу, под мостом, оставляя повседневные заботы на берегу, по воде мирно шлепаем. Никому не мешаем, не толкаемся и пробок никаких не боимся.

А пейзаж извилистой в наших краях Москвы-реки потихоньку меняется. Пейзаж, река, люди на реке и на суше – объекты нашего наблюдения. Они заставляют нас что-то вспомнить и что-то узнать, чему-то удивиться, огорчиться, обрадоваться, вздохнуть, улыбнуться, изумиться, охнуть.

Например, нельзя тут на палубе собственные, принесенные с собой в сумке безалкогольные напитки употребить. Надо в местном буфете потратиться. Цены в речном буфете куда выше земных. Речные цены. Нарушаем, естественно, что мы, Ротшильды, что ли? И все кругом нарушают, кроме тех, кто без всяких напитков обходятся, а просто смотрят по сторонам.

Вот место для курения, тут честь по чести, на корме главной палубы оборудовано. Рядом с туалетом. Удобно. Но какой-то хмурый пассажир ворчит под нос: «Надо было пивка на берегу загрузить. Про пивко по радио ничего не говорили...»

***

Теперь уже трудно представить, что никакого моста из Кожухова в Нагатино раньше не было. И существовали сами по себе два отдельных мирка по двум берегам широкой реки. И попасть из одного в другой можно было только на катере, на моторке, на веслах в конце концов.

Я еще застал те времена и помню, как долго мост этот строили. Катера, выстроенные на местном МССЗ, за пятачок, за 5 копеек то есть, словно метро или автобус, возили людей с правого берега на левый или обратно. На работу возили или так – по личным твоим делам.

К примеру, в пионерский лагерь я отправлялся из Нагатина. А жили мы тогда в Кожухове. Вот и начинался мой путь в первую летнюю смену на катере, через Москву-реку.

Коричневый старый чемодан, верный попутчик, стоял у моих ног на палубе и тоже плыл с левого берега на правый, потом размещался в трамвае (три остановки), потом в грузовике, куда все весело сдавали принесенную кладь, освобождались от груза. Усаживаясь на сиденье львовского автобуса и высматривая тех, с кем сдружился в лагере прошлым летом, я в последний раз махал в окошко отцу. Именно он всегда провожал меня в лагерь. Он и чемодан старый нес. Путь в лагерь, в лето, начинался с реки и с отца, это запомнилось и осталось со мной.

А вот теперь здесь строят мост поскромнее. Мост через затон Новинки. Он вот-вот будет сдан и соединит два новых района,

Территория бывшего ЗИЛа застраивается активно

которые давно уже строят на территории бывшего ЗИЛа. Мостик этот, пусть небольшой, станет главной дорогой для тысяч машин, выезжающих куда-то по делам из своих огромных новых жилищ, прозванных нашим остроумным и сметливым народом «человейниками».

Мы проходим мимо строящегося моста правым бортом, река гнется вправо почти под девяносто градусов, и плывут далеко впереди белые бакены, отмечающие на реке мели. Торопятся на берегу со строительством набережной! И это правильно, не будет широкой набережной, куда же съезжать с моста? Кипит, кипит на берегу стройка... Вот на другом берегу, на Даниловской набережной, пока поспокойнее.

***

Даниловский мост, второй на нашем пути, построенный еще в начале XX века, мост исключительно железнодорожный. Теперь это владение МЦК, которому в сентябре исполнится аж 7 лет. Семилетка всего – а как мы привыкли к этому железнодорожному колечку вокруг города! Самый строгий критик городских властей при упоминании аббревиатуры МЦК пасует. Необходимый и успешно реализованный проект, удобный и нужный людям.

Слева – Котлы, по которым четыреста лет назад шли и окружали Москву с юга польские гетманы, а прежде налетели отсюда на москвичей орды крымского хана. Справа на берегу бывший

Мост через затон Новинки обещают открыть в этом году

ЗИЛ, некогда гордость и слава отечественного грузового автомобилестроения, а ныне учебно-показательный полигон для будущего архитектурного облика многих районов города. Тут аббревиатура выглядит не так симпатично – ЖК. Жилой комплекс. Молчаливая женщина за третьим столиком вдруг отчетливо произносит: «Ни за какие коврижки!» И ее понимают без пояснений – соседи глядят на коричневые, одинаковые, раз-

мещенные впритирку друг к другу громады с неподдельным ужасом.

Ни за какие коврижки не хочется поселиться на этой широко разрекламированной набережной Марка Шагала. При чем тут, кстати, Шагал, граждане? Не знаете? Я не знаю.

Хотя люди живут. Гуляют с детьми. Учатся в местной и тоже огромной школе. Ездят на МЦК. Привыкают. Вон, малыши теплоходнику нашему машут...

Составы МЦК ходят по Даниловскому мосту уже семь лет

Даниловский монастырь расположен на правом берегу Москвы-реки

***

Впереди словно закольцовывает невеселые думы старый знакомый – Автозаводский мост. Нет уже ни Автозавода, ни ЗИЛа, а название моста осталось. Осталась справа и невзрачная нынче высокая «коробка» с большими буквами «ЗИЛ» на крыше – бывшее заводууправление.

Как же, бывал... В директорском кабинете, на высоком этаже. С самим генеральным директором ЗИЛа разговаривал. На торпедовскую волнующую тему. Интервью брал для газеты. Не с последним ли директором? Надо припомнить... Какую-то тяжелую книжку он мне вручил. Фолиант. О славной истории предприятия... Я ее сдал потом в районную библиотеку.

А слева по борту сверкают на солнышке, успокаивают купола и кресты вечного Данилова монастыря.

Крутой поворот реки! Опять почти на девяносто градусов.

Река Москва, как образ нашей «расейской» истории, знай себе поворачивает, туда-сюда...

Но что-то, как белеющий за деревьями Данилов монастырь, к счастью, остается в ней неизменным. Вот дали поворот направо под девяносто, а теперь даем под

Под Автозаводским мостом...

девяносто налево... Фарватер, однако!

Слева Даниловскую набережную сменила Павелецкая... Справа интереснее – там появилась «Девушка с веслом» на лужайке. В современном исполнении. Эротично. Красиво. Фигуристо. Вопросов нет.

Сохранившаяся одинокая башня Симонова монастыря... Громады нового ЖК у разрушенного недавно стадиона «Торпедо». Раз, два, три, четыре, пять... Нет, их не сосчитать, всех этих новых блочных монстров, устремленных к небу... Они растут как живые. Они кучно нависают над рекой, уже достроенные и еще не достроенные. И строительный шум долетает сюда, до реки... Кипит, кипит стройка!

Крутицкая набережная тоже в большой работе, а как же – ведет к Кремлю! Жить в этих нарождающихся не по дням, а по часам исполинах будет куда как престижно. Река, монастырь, крутой берег, в соседях Кремль... И ты – этак на самом верху, на лоджии, с сигарой и доброй порцией виски – озираешь окрест... Жизнь удалась? Безусловно.

Стадион «Торпедо» обещали открыть к столетию футбольного клуба – к 2024 году. Потом пе-

«Девушка с веслом» из XXI века

ренесли – на 2025-й. Но, кажется, не удастся и к 25-му. Намеют новую дату. Дома в срок построить – важнее. ЖК, знаете ли... ЖК! Этим не шутят.

«Эх, «Торпедо», «Торпедо», всем заводом ведь строили...» – вспоминает тот самый любитель пива и, глядя куда-то вдаль, резко обрывает фразу.

А впереди виднеется Новоспасский мост. Река выравнивается. И начинается у Новоспасского моста, как мне кажется, совсем иная, центральная московская история. Юг и юго-восток города плавно перетекают в центр.

***

У Новоспасского – первая остановка на пути. Допосадка пассажира, которые пойдут уже дальше, в Лужники. Стоянка недолгая, минут пять. Можно перекурить на главной палубе, осмотреться по сторонам.

Так... Слева впереди хороший знакомый – Водоотводный канал, мирно впадающий в реку. На маленьком мостике над ним пробка из автомобилей, узковат мостик. Справа, вблизи, Новоспасский монастырь в темных одеждах – завершат реконструкцию, надо сходить... Вода в реке мутная, грязная... Впереди мая-

Башня «Дуло»
Симонова
монастыря

чит Дом музыки со всем своим окружением – отсюда, с воды, и в самом деле приличный вид, можно сказать, помпезный... По мосту спешит трамвай «А», торопится от Чистых на Пролетарку...

Ох ты, здесь и рэп надоевший закончился. Сел экскурсовод, началась по радио экскурсия... Так куда веселее, не правда ли? Нет, точно мы уже в центральной части города. По всему видать и слышать. Жена записывает что-то в записную книжку. Кажется, что-то о создании моста? Или монастыря, чьим именем мост и назван? Или об отце А.С. Пушкина, служившем когда-то напротив? Или вносит название теплохода,

что обошел нас слева? «Фортуна», вот как он называется.

Здравствуй, Космодамианская набережная, сколько раз мы по ней гуляли... Привет, Большой Краснохолмский мост, парящий участок Садового кольца, здесь теперь царят автобусы, а не троллейбусы.

«Какой еще мост на Садовом кольце через реку?» – отрываю жену от записей.

«Крымский», – после минутной паузы отвечает жена, москвичка с большим пешеходным стажем. Наш кораблик уже никуда не торопится, впадение таинственной Яузы с правого борта у Большого Устьинского моста проходит вполне торжественно.

Впереди
большой
Краснохолмский
мост

Малый
Устьинский
мост, а под
ним Яуза

Некоторые делают селфи на фоне высотки. Экскурсовод успевает сказать и про сталинскую высотку на Котельнической, и про то, что их построили семь, а намечали девять, и про то, что мостик над Яузой тоже Устьинский, только Малый.

Ну а мы с женой особенно почитаем Большой Устьинский мост. Чаще других путешествуем именно по нему, то в Замоскворечье на трамвае из центра, то, наоборот, с южных окраин на бульвары вообще и к Александру Сергеевичу Грибоедову в частности.

Изящной, незаметной сразу дугой входим тихонько в заключительный поворот – к Кремлю,

к Москворецкой набережной, к Большому Москворецкому мосту – седьмому на нашем пути. Он самый официальный из всех. И немудрено – соединяет Красную площадь, Васильевский спуск с Балчугом и Большой Ордынкой. И все центральные мосты здесь, у Кремля, схожи, все они 1938 года постройки, широки, мощны и надежны, как старшие братья.

Причаливаем. Впереди швартуется теплоход с замечательным пушкинским названием – «Вещий Олег». Впрочем, почему только с пушкинским? «Но вещий Олег свою линию гнул, да так, что никто и не пикнул...» – справедливо подмечал Высоцкий.

И точно, «Вещий Олег» высадил своих пассажиров раньше нас, раньше посадил новых, раньше он и ушел в рейс.

А мы, с некоторой даже грустинкой, ровно через час и десять минут плавания стали вновь... столичными пешеходами. И побрели к ближайшему светофору. Последний светофор мы переходили на Кленовом бульваре, а теперь мы в Зарядье, в Китай-городе мы, где солнце печет намного сильнее и прямо в затылок, жжет прямо из Замоскворечья – с другого берега реки.

***

Жена предлагает посетить на закуску новомодный парк «Зарядье», где мы, кстати, никогда не были. Зайти на Парящий мост. На смотровую площадку. Еще раз взглянуть на реку. Передохнуть на тихой лавочке. В тени.

Аргумент приводит хороший: «раз уж мы здесь»...

В самом деле – парк рядом.

Пробыли мы в парке 12 с половиной минут.

Жена успела сделать четыре наблюдения. Я – ни одного.

Я только и делал, что берег голову от солнца. Жарило немилосердно. У жены в сумке нашлась панама. Так что, сами понимаете, кому было легче.

Вот наблюдения моей жены.

«Не парк, а одни ступеньки. То вверх, то вниз. То вниз, то вверх.

На корме особый
взгляд на реку
и ее берега

Строительный
кран у реки.
Исчезающий вид

Как же прикажете быть мамам с колясками?

Почему все надписи тут именно на русском, английском и китайском языках?

Приятно, что туалет большой и бесплатный.

Если продолжают обрезать все деревья, включая молодые березы, то тенька здесь никогда не появится».

На Парящий мост жена подниматься отказалась. Она выбрала

ГУМ, как кратчайшую дорогу к дому, к метро. И наиболее горизонтальную.

Короче говоря, после посещения парка «Зарядье» в себя мы пришли только в стареньком скверике на Автозаводской, в сумраке лип, кленов и тополей, там, где лавочки сделаны с удобной спинкой и добрый стаканчик кофе варят на каждом шагу.

О чем говорим? Скорее, молчим. Вспоминаем. Думаем. Курим.

От парка «Зарядье» до Кремля – рукой подать

Река добавляет нашему городу красоты

Думаем о том, например, что не встретили на реке ни одной баржи. Ни одной судоходки. Что закрыт Северный речной порт (не путать с Северным речным вокзалом!). Что исчез и застроен новым ЖК Западный речной порт. Что скоро закроют и Южный речной порт (не путать с Южным речным вокзалом!). И что возведут на его месте какой-нибудь новый, очень хороший, очень нужный ЖК, с башней рекордной высоты, какой в мире еще не имеется.

Вспоминаем, как однажды заметил в нашу сторону седой речник-пенсионер на Кленовом бульваре: «Река в Москве больше не работает, ребята... Река гуляет. А раньше река как-то вот и то, и другое успевала...» По Кленовому бульвару мы возвращаемся домой. А к одному-единственному причалу с разных сторон подходят и подходят новые пассажиры, гости вечной реки на часок-другой. И появляется справа, у порта, приближающаяся к нам белая точка. Это спешит к людям на берегу белый двухпалубный кораблик, изготовленный давным-давно на местном судостроительном и судоремонтном нагатинском заводе. 📍

«МЫ БЫЛИ ТАКИЕ, КАК ВЫ...»

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ОТ ЗНАМЕНИТОГО «ГОРОДА МЕРТВЫХ» У ОСЕТИНСКОГО СЕЛЕНИЯ ДАРГАВС НАС ОТДЕЛЯЛО ВСЕГО 15 КИЛОМЕТРОВ – ОСТАВАЛОСЬ ТОЛЬКО ПРЕОДОЛЕТЬ ВПЕЧАТЛЯЮЩИЙ СЕРПАНТИН. МЫ НЕТЕРПЕЛИВО ЕРЗАЛИ НА СИДЕНЬЯХ. НО ВОДИТЕЛЬ МАШИНЫ БЫЛ НЕВОЗМУТИМ, ДАЖЕ УБРАЛ РУКИ С РУЛЯ. ПРЯМО ПОСРЕДИ ДОРОГИ СТОЯЛА БОЛЬШАЯ РЫЖАЯ КОРОВА, КОТОРАЯ ЧТО-ТО НЕСПЕШНО ЖЕВАЛА И ГЛУБОКОМЫСЛЕННО РАЗГЛЯДЫВАЛА НАШ АВТОМОБИЛЬ.

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО минут я не выдержала: «Давайте мы выйдем и просто прогоним ее!» «Зачем? – обернулся водитель. – Сейчас она постоит и сама уйдет. Чужая корова. Зачем ее прогонять?» «Да ведь уже в третий раз сегодня из-за коровы останавливаемся!» «Так живут они здесь, – удивился водитель. – Зачем нервничать? Смотрите, как красиво вокруг! Горы! Кавказ! А воздух какой!» Пришлось согласиться. Что правда – то правда: красота в горах

сказочная. Такая, что забываешь о скорости жизни в больших городах, проблемах и неотложных делах, которые на поверку оказываются не такими уж и срочными. Вода в родниках здесь кристально прозрачная, воздух – чистый, до неба, кажется, рукой можно достать, а от снежных вершин трудно отвести взгляд.

Мы смирились, поскольку уже поняли, что горы вообще не любят суеты, не терпят торопливости и требуют уважительного отношения ко всему и ко всем. Включая коров...

Наконец ленивая буренка не торопясь отошла к обочине и принялась придирчиво рассматривать усеянную одуванчиками траву. А мы тронулись в путь, с тревогой поглядывая на небо, на котором, откуда ни возьмись, появились подозрительные тучи. Погода в горах Кавказа весьма переменчива – в этом мы тоже успели убедиться на собственном опыте.

Правда, в этот раз нам повезло: когда мы добрались до подножия горы Раминьраг, на каменистом склоне которой раскинулся удивительный «Город мертвых», тучи рассеялись.

ЗЕМЛЯ ЛЕГЕНД

Если любоваться горой Раминраг издали и не знать, что перед вами крупнейший на Северном Кавказе, уникальный Даргавский склеповый некрополь, может показаться, что вы смотрите на очаровательную горную деревушку с аккуратными маленькими домиками. Иллюзия растает как дым только в тот момент, когда вы начнете подниматься в гору.

Преодолев крутой подъем, стоит передохнуть, чтобы хватило сил побродить по очень узким и извилистым «улочкам» и «пере-

улкам» «Города мертвых». Многие из них упираются в скользкие, стертые временем ступени, ведущие на очередную кручу. Чтобы обойти весь «город», придется постараться: некрополь насчитывает 95 склепов, построенных в XIV–XVIII веках из грубо обработанных камней, скрепленных известковым раствором. По подсчетам археологов, здесь покоятся останки около 10 тысяч человек – мужчин, женщин, стариков, детей...

Стены склепов оштукатурены и покрыты краской цвета бледной, желто-розовой охры. Кое-где они облупились, и кажется, будто по каменной кладке то ли пролегли набухшие вены, то ли ползут чьи-то бледные тени. А на некоторых склепах обнаруживаются довольно четкие отпечатки ладоней. Что это – «подпись» строителей? Или отголоски аланского обычая прикладывать руки к покойному, а затем к его могиле? Многоступенчатая кровля склепов, чем-то неуловимо напоминающая крыши китайских пагод, сложена из черно-серого сланца, поросшего рыжим, словно ржавчина, лишайником. Иногда на ней можно отыскать огромную паутину, на которой еще дрожат капли утренней росы...

Первое, что ощущаешь, оказавшись здесь, – это покой и тиши-

на. Слышно только дыхание ветра и шум протекающей рядом реки Гизельдон. По поводу перевода ее названия существуют две версии. Одни считают, что «Гизельдон» означает «маленькая горная река». Другие утверждают, что название переводится как «Красная река», и связывают его с печальной легендой. В конце XIV века на Кавказе столкнулись интересы правителей двух супердержав того времени – хана Золотой Орды Тохтамыша и Тамерлана, основателя огромной империи Тимуридов, прозванного Железным Хромцом. Решающее сражение между их армиями состоялось 15 апреля 1395 года у реки Терек, приблизительно в 70 километрах от современного Нальчика. Тохтамыш, на стороне которого сражались предки осетин – аланы, потерпел сокрушительное поражение. А затем войска Тамерлана обрушились на территории, населенные аланами. По легенде, после одной из самых тяжелых битв кровь павших аланов окрасила воды горной реки в красный цвет. Потому ее и стали называть «Гизельдон» – «Красная река».

Выжившие аланы были вытеснены в горы и обосновались в пяти ущельях, в том числе и в Даргавском. Но в суровых горах не так уж много плодородной

Уникальный Даргавский некрополь расположен на склоне горы Раминраг

Коровы в горах спокойно разгуливают по дорогам

Сторожевая
башня Аликовых
до сих пор
охраняет
«Город мертвых»

Так выглядит
вход на
территорию
некрополя

земли, она здесь на вес золота. Говорят, в то время даже появилась поговорка: «Клочок земли, на котором стоит большой бык, стоит столько же, сколько и сам этот бык». Хоронить умерших в земле, на которой можно пасти скот или выращивать пшеницу, оказалось слишком большой роскошью. Это подтверждают и заметки, оставленные известным русским этнографом, лингвистом и археологом Всеволодом Федоровичем Миллером, изучавшим в XIX веке культуру народов Кавказа. «Всякий, кто бывал в горах Кавказа, знает, какую громадную ценность для горцев представляет удобная для посева земля, которой чрезвычайно мало, – писал ученый. – В горной Осетии по обычной оценке каждый удобный клочок земли, на котором может поместиться корова, стоит коровы. Мне указывали участок земли в Хуламе пространством в 1/4 десятины, за который было уплачено столько коров, сколько могут стать на него вплотную.

Понятно, что при крайней тесноте для живых людей нельзя было отводить много места для мертвых».

Но культ мертвых требовал соблюдения правил и ритуалов, от которых зависело благополучное «существование» душ умерших. И тогда люди нашли выход: на скалистом горном склоне начали возводить родовые усыпальницы – каменные склепы.

Правда, по поводу возникновения «Города мертвых» у местных жителей существует собственная легенда. Однажды в селение Даргавс неизвестно откуда пришла девушка. Она была так красива, что все юноши и мужчины села влюбились без памяти: первые забыли о своих возлюбленных, вторые – бросили своих жен и детей и стали добиваться ее расположения. Это, конечно, привело к поединкам, в которых односельчане убивали друг друга. Наконец в дело вмешались старейшины. Но и они, увидев прекрасную девушку, влюбились в нее как мо-

лодые юнцы. И тогда женщины селения объявили девушку злой ведьмой и потребовали либо изгнать ее, либо убить. Однако красота незнакомки так вскружила голову всем мужчинам, что они не захотели отдать ее кому-либо другому. В итоге несчастную странницу все же убили. После чего селение постигла жестокая кара: на Даргавс обрушилась чума, люди умирали в страшных мучениях. А когда умерших начали хоронить, земля их не принимала, выбрасывала тела на поверхность. Поэтому селяне начали строить склепы, в которых погребали усопших.

Поскольку время появления этой легенды неизвестно, стоит добавить, что в XVIII веке в Даргавском ущелье действительно разразилась страшная эпидемия холеры. Говорят, заболевшие целыми семьями добровольно уходили в «Город мертвых», чтобы не заразить родственников и соседей. И умирали прямо в своих родовых склепах...

По подсчетам археологов, здесь покоятся останки около 10 тысяч человек

КОСЫ, КОНИ И ОГОНЬ

О существовании на Кавказе традиции хоронить умерших в необычных склепах российские путешественники сообщали еще в XVIII столетии. Такие сведения можно найти, например, в описаниях путешествий Иоганна Антона Гюльденштедта и Петра Симона Палласа, руководивших научными экспедициями, организованными Императорской Академией наук.

А первое научное описание «Города мертвых» в Даргавском ущелье оставила известный археолог XIX века, графиня Прасковья Сергеевна Уварова, которая вела здесь раскопки. «Аул Даргавс представляет весьма внушительный вид: расположенный над Олак-доном (верхняя река), он занимает своими башнями и саклями несколько холмов, и раскинулся на обе стороны реки отдельными девятью обществами, или аулами... <...> Вправо, где ущелье суживается и направляется к Кобани, на значительном возвышении стоит башня, и у ног ее, как будто под ее защитой – целый надгроб-

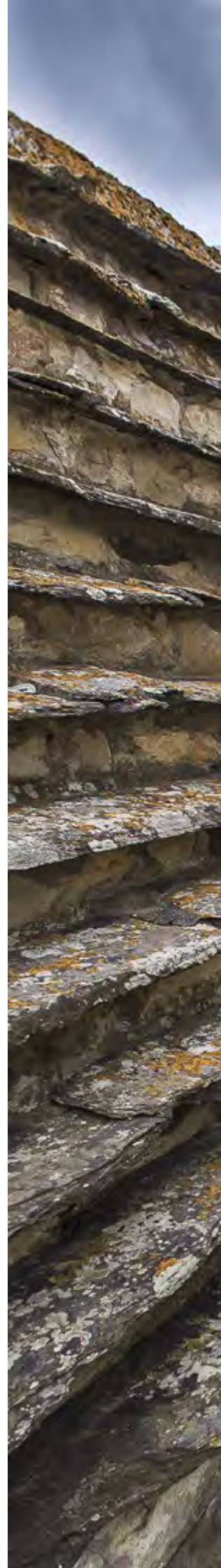
ный аул колумбариев...» – писала Прасковья Сергеевна в труде «Материалы по археологии Кавказа», изданном в 1900 году.

«Аулом колумбариев» графиня Уварова называла «Город мертвых», серьезное археологическое изучение которого началось только в 1967 году. До того, в 1920-е годы, здесь проводились в основном эпизодические раскопки. А башня, «как будто под защитой» которой находится «Город мертвых» – это сторожевая башня семьи Аликовых. Такие сооружения – масыги – позволяли вести наблюдение за окрестностями и контролировать подступы к селению. В них же можно было запреться и отбиваться от атак нападающих. Согласно рассказам местных жителей, владельцы башни «Города мертвых», спасаясь от кровной мести, переселились в Кобанское ущелье...

Современные археологи говорят о том, что склепы «Города мертвых» делятся на три большие группы – подземные (самые древние, относящиеся к IV–IX векам), полуподземные

(датируются IX–XIV веками) и наземные башенного типа (XIV–XVIII века). Два последних типа – это довольно вместительные строения. Например, некоторые из полуподземных склепов достигают в длину 8 метров. А башенные склепы являются многоярусными: в них вдоль стен были устроены деревянные перекрытия, на которых располагали тела умерших. В каждом склепе есть одно или два небольших квадратных «окна» – лазы, через которые можно было попасть внутрь и внести тело покойника. Они закрывались деревянными дверцами с хитроумными замками или подходящими по размеру камнями. Если заглянуть в лаз, то можно увидеть, что внутри склепов и сейчас находятся останки, причем некоторые из них мумифицированы.

Сначала усопших хоронили просто в саванах, позже стали использовать выдолбленные колоды, которым придавали вид ладьи или лодки. Любопытно, что захоронение в деревянных «лодках» характерно именно для местного населения. По

Чтобы подняться
на самую
высокую
точку «Города
мертвых»,
придется
преодолеть
немало ступенек

словам исследователей, у соседних народов такого обычая не было. А рядом с одной из «лодок» археологи обнаружили обычное весло. Так что не исключено, что эти «лодки» не что иное, как отсылка к древним представлениям о том, что душа умершего человека должна пересечь мифическую реку – водораздел между миром живых и миром мертвых.

В стены многих склепов вмонтированы просверленные сланцевые плитки, о назначении которых историки и археологи до сих пор ведут споры. Возможно, они служили подставкой для траурных флагов или зажженных факелов. Стоит отметить, что огонь вообще был непрямым атрибутом похоронного обряда аланов. Прощаясь с покойным, родственники клали на его грудь небольшой пучок шерсти или пакли и поджигали, считая, что таким образом помогают освободиться душе усопшего. А на следующий день после похорон перед склепом разводили небольшой костер, который разжигали с помощью огня, взятого из домашнего очага.

Не исключено также, что сланцевые плитки – это коновязь. Дело в том, что, когда умирал или по-

гибал мужчина, в похоронной процессии вели оседланного коня, которого «посвящали» покойному. Животное не убивали, а лишь на некоторое время призывали у склепа. Такого коня нельзя было продать или подарить, позже его просто отпускали на волю.

Но есть еще одна, самая интересная версия предназначения просверленных сланцевых плиток. Так, доктор исторических наук Георгий Кокиев считал, что они использовались для подвешивания... женских кос. По древнему осетинскому обычаю, жена, потерявшая мужа, отрезала свои длинные косы в знак того, что она больше не выйдет замуж. В качестве доказательства этой версии Георгий Кокиев приводил любопытное свидетельство протопопа Иоанна Болгарского, который во второй половине XVIII века возглавлял Осетинскую духовную комиссию: «Потом, развернувши на шестах флаги и зажегши два или три превеликие пука лучины и подхвата умершего, бегут с ним весьма торопно до самого кладбища и спускают его в окно сделанной из камня гробницы, к которой жена умершего, отрезавши свои косы, привешивает».

ОКНО В ПРОШЛОЕ

Так сложилось, что, выбрав для строительства некрополя склон горы Раминьраг, местные жители, сами того не зная, оказали большую услугу археологам. «Город мертвых» продувается ветрами со всех сторон, а вода не скапливается здесь даже после

Предметы, найденные при раскопках Даргавского некрополя, хранятся в Национальном музее Республики Северная Осетия – Алания

Женское платье, подпоясанное персидским кушаком

Часть экспозиции «Даргавский некрополь» с макетом склепа

дождя. Благодаря такому своеобразному микроклимату «Город мертвых» сохранил и предоставил исследователям уникальные данные о материальной культуре XIV–XVIII веков. Во время археологических раскопок на территории некрополя было найдено более 1600 предметов – все то, что, как считалось, может понадобиться человеку в загробной жизни. Это керамика, изделия из стекла, металла, кости, рога, дерева и кожи, ювелирные украшения, одежда и обувь. Некоторые находки вызывают трепет – как, например, деревянные расписные детские саночки или напо-

ловину выцветшая ярко-красная детская черкеска... Большинство найденных предметов хранится во Владикавказе, в Национальном музее Республики Северная Осетия – Алания. Часть из них можно увидеть в постоянной экспозиции «Даргавский некрополь». В первую очередь здесь привлекает внимание прекрасно сохранившееся женское платье: по красному хлопку струятся волнистые вертикальные «цепочки», между которыми расцветают фантастические цветы. Глубокий вырез на груди обшит бейкой из серебристого бархата. Такой изысканный наряд, навер-

ное, подошел бы и любой современной девушке...

В витрине напротив – уникальный экспонат: женский костюм XVIII века, найденный при раскопках в «Городе мертвых». Нижнее платье из китайского шелка подпоясано великолепно сохранившимся персидским кушаком цвета фуксии, рядом – верхнее платье из плотного золотисто-зеленого шелка, ворот которого украшен множеством крохотных пуговиц. Довершает костюм изящный шелковый кисет, больше похожий на поясную сумочку. Выставлены в витринах также еще два шелковых женских верхних платья, украшенные длинными стеклянными бусами.

Есть в экспозиции курительные трубки, деревянные кубки, бритвы, женские гребни и серьги, поясные пряжки, стеклянные стаканы, бутылки, графины, чайники, табакерки, глиняные кувшины и чаши. И даже обувь – мужская, женская, детская.

Вся эта прекрасно сохранившаяся одежда и утварь – будто случайно открывшееся окно в прошлое: многие из этих предметов могут поведать немало любопытных подробностей о быте и привычках людей, живших несколько сотен лет назад...

Деревянные чаши, гребни, текстиль... Все эти предметы – из склепов «Города мертвых»

НАКАЗ ПРЕДКОВ

Мы присели передохнуть на ступеньки одной из крутых «улочек», чтобы полюбоваться открывающимся отсюда видом на Гизельдон и вершины величественных гор. В небе над «Городом мертвых» парил огромный орел.

«Увидеть над собой орла в небе – это хорошая примета». – Залюбовавшись пейзажем, мы и не заметили, что к нам подошел охранник-смотритель музея. «Почему?» – поинтересовались мы. «Аланы, как и многие древние народы, считали орлов посланниками богов. Полагали, что орлы приносят хорошие вести», – пояснил охранник.

Из дальнейшей беседы неожиданно выяснилось, что еще совсем недавно «Городу мертвых» грозила настоящая беда. Некоторые туристы похищали (!) останки из склепов, другие – фотографировались с ними и клали обратно. Удивительно, до какой степени вандализма могут

порой дойти некоторые люди! Громкий скандал разразился в Северной Осетии после того, как одна из туристок опубликовала в соцсетях селфи с черепом на фоне склепа. Местные жители были настолько возмущены, что «Город мертвых» на время даже закрыли для посетителей.

«Это же не реквизит для съемок какого-нибудь фильма, не декорации. Это останки людей, живших задолго до нас. Как можно так к ним относиться?!» – возмущался наш собеседник.

И, согласитесь, он абсолютно прав. Кажется, понять мотивы людей, оставляющих надписи на памятниках архитектуры, расхищающих гробницы или просто портящих то, что считается историческим наследием, сложно. Хотя, может, и нет никаких мотивов? И это просто обыкновенное бескультурье или некая форма душевной слепоты?

Как бы то ни было, поведение несознательных туристов в

итоге вынудило власти закрыть в «Городе мертвых» деревянными ставнями лазы некоторых склепов, установить системы видеонаблюдения и увеличить число охранников, курсирующих по некрополю весь день.

...Внизу, у подножия горы Рамныраг, уже царило оживление: начали съезжаться экскурсионные группы. Стало понятно, что через несколько минут «Город мертвых» заполонят туристы и о тишине и покое можно будет забыть.

Кто-то из тех, кто когда-то давно провожал здесь своих близких в последний путь или сам готовился к смерти, написал на одном из склепов простой и очень мудрый наказ будущим поколениям: «С любовью смотрите на нас. Мы были такие, как вы, вы будете такие, как мы». Было бы неплохо повесить плакат с этой фразой перед входом в некрополь. Для туристов. Чтобы не забывали, куда они пришли. 📌

Чтобы побродить в тишине по Даргавскому некрополю, лучше приехать к открытию музея, до того как сюда нагрянут туристические группы

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПН363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспоттрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине

тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)

E-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте

<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru